

СМЕНА

февраль 2005

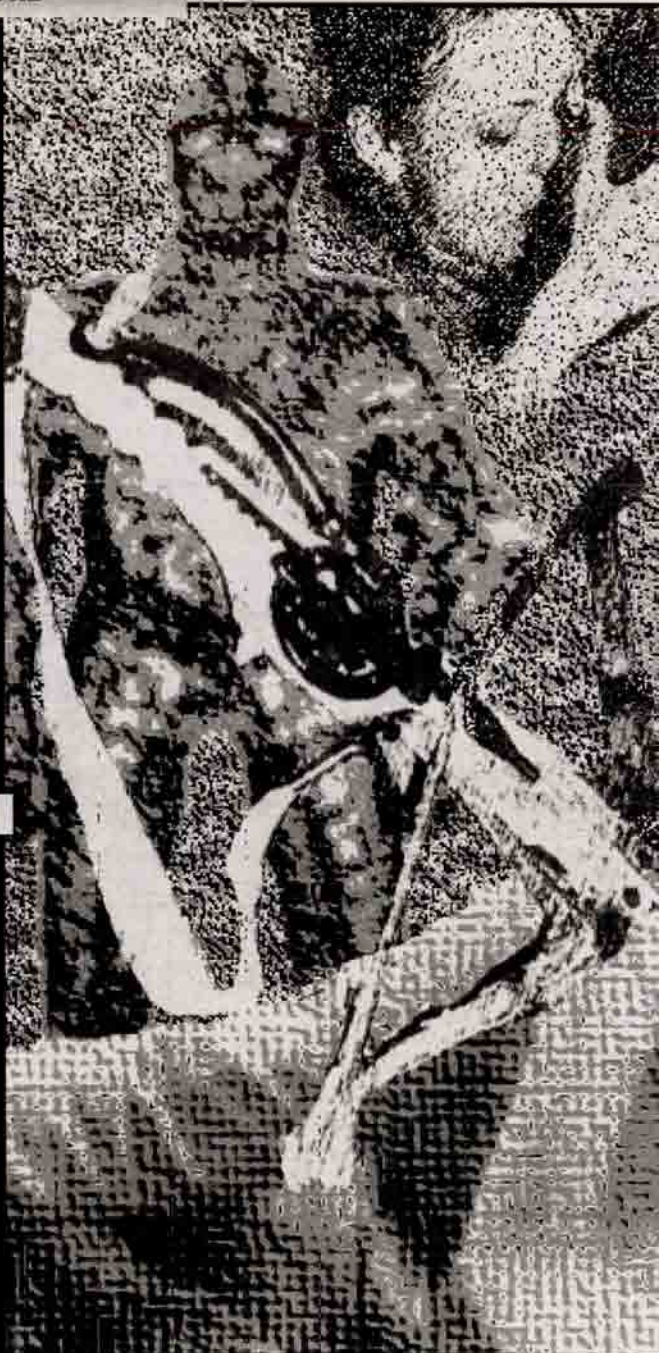
140 Бомбаж — это не тот бомбаж!

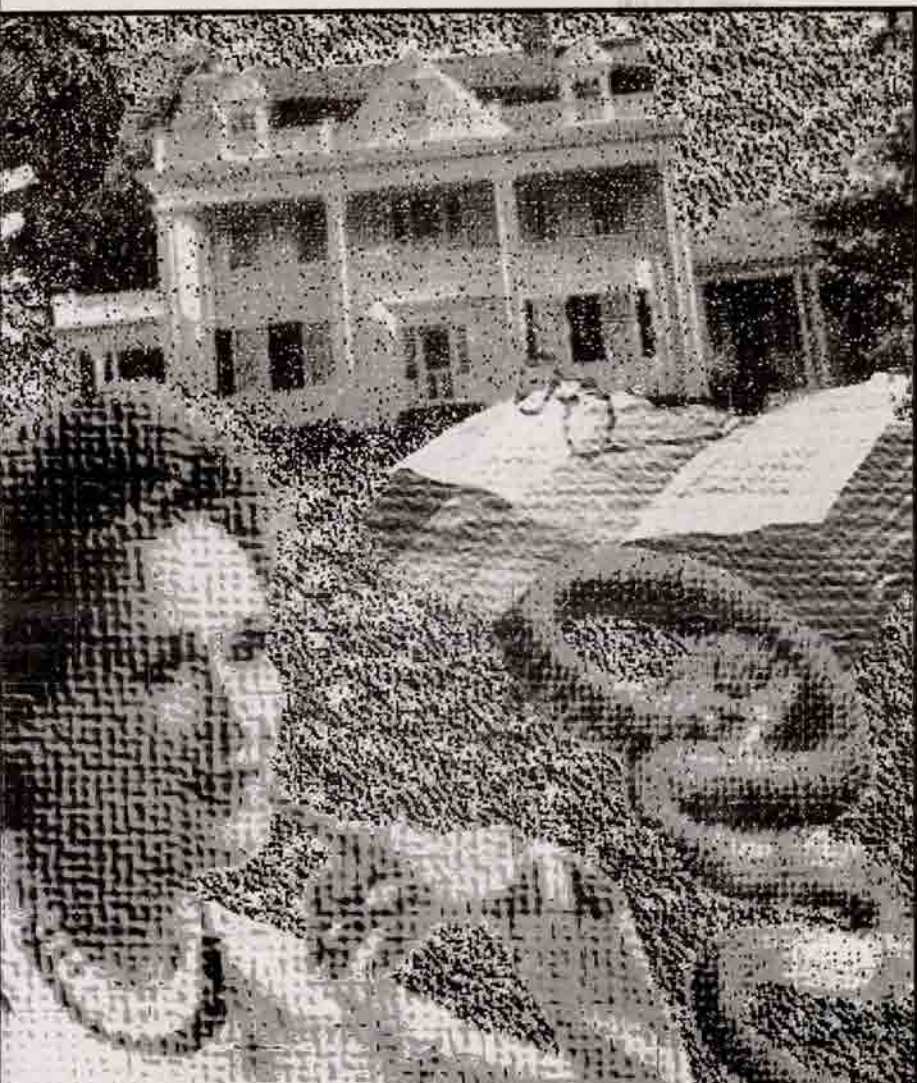
26 Рыцаря встречают по одежке

36 Авантюрное наследство 158 Мечь всегда сладка

иллюстрация **Алексей Остроменцкий**

Вестники Смерти

■ Ада представляла себе, как нетрудно ей будет поддержать его... Господин на фотографии, которая была в письме фон Норингена, походил на мужчин с рекламы какой-нибудь известной марки шампанского. Рот, пожалуй, уж слишком сладострастен, и в глазах легкий фарфоровый блеск. Может быть, он был близорук и носил очки. Посмотрим.

Она отложила фотографию и легким движением поправила локоны. Флакон еще раз окружил ее мягким облаком духов, греховно дорогих. Она подумала о том, что, вполне возможно, господину фон Норингену очень скоро придется взять эти расходы на себя.

Ему было назначено на одиннадцать, и стеклянные часы на камине серебряным звоном пробилы свой последний удар, когда в дверь позвонили.

Ада услышала голоса, а попозже вошла горничная.

— Господин фон Норинген, милостивая госпожа.

— Пожалуйста, проводите его сюда.

Ада вмиг изобразила смущение на своем лице, и щеки ее запылали.

В дверях появилась фотография, на этот раз живьем. Уже в первое мгновение Ада увидела, что глаза, несмотря на легкий фарфоровый блеск, вызывают доверие.

На господине фон Норингене был двубортный пиджак в изящную полоску. Зонтик свисал с одной руки, а другой он прижимал к животу котелок. Ада вспомнила, что Эдгар довольно неуважительно называл такие шляпы "биржевыми стальными шлемами".

Господин фон Норинген сдержанно поклонился. Ада пошла к нему навстречу.

— Как любезно, что вы пришли.

Губы господина Адриана нежно коснулись руки Ады.

— Признаюсь, милостивая государыня, что для этого нужно было собрать все свое мужество. Перед дверью оно меня почти покинуло. — Господин фон Норинген без труда выпалил эту ложь, тем более, что это была первая ложь с тех пор, как он переступил порог этой комнаты. Но она была не последней. Он продолжил: — Я знакомлюсь с дамой таким образом первый раз в моей жизни. Но я не раскаиваюсь!

Ада покраснела чуть сильнее.

— Давайте присядем.

Расположились в эркере. Ада позвонила горничной. Выяснилось, что господин фон Норинген не против рюмки шерри. Теперь Ада продемонстрировала на своем лице меланхолию, уставившись на сверкающую в лучах утреннего солнца бутылку.

— Простите меня — я так часто сживала здесь с моим мужем.

Адриан простил. Он был в курсе.

— Глубочайшим образом сожалею о постигшем вас горе. Позвольте заметить, что я вас так понимаю. Ведь и моя жена покинула меня полтора года назад.

Господин фон Норинген опустил нос к рюмке. Ада вздохнула.

— В моем положении очень трудно заводить новые знакомства. Вдова... Поэтому я подала это ужасное объявление.

Господин фон Норинген улыбнулся.

— Я был бы безутешен, если бы вы этого не сделали, милостивая государыня. А что касается меня, то разрешите вас заверить, что для меня речь может идти только о даме, которая уже была замужем, хотя мне не хотелось бы, чтобы она была разведена. Короче, вдова для меня лучший вариант. — Он на секунду задержал дыхание, как бы собираясь с духом, после чего добавил: — Хотел бы только надеяться, милостивая государыня, что вы удовлетворены исходом эксперимента так же, как доволен им я.

Он слишком спешит, подумала Ада, а вслух произнесла:

— Я еще плохо вас знаю, господин фон Норинген. Но я очень рада вашим словам. В свою очередь и я могу представить себе только того партнера, который имеет опыт супружеских отношений.

Адриан кивнул. Опыт у него имелся.

— Поэтому я благодарен судьбе за то, что в этом э-э несколько... необычном эксперименте я повстречался вам первым. Это просто счастье, что я познакомился с вами сегодня, — он ухмыльнулся, — а не раньше.

Ада удивленно посмотрела на него.

— Не раньше?

Адриан широко улыбнулся.

— Надеюсь, что вы не обидитесь за маленькую шутку, которую всегда позволяю себе один мой старый приятель, когда видит какую-нибудь вдову. Он говорит: "Благодарю тебя, Господи, что не я на ней женился! Иначе я был бы сейчас на том свете".

Ада смотрела на него несколько секунд с открытым ртом.

Как ты прав, подумала она. Потом рассмеялась громко, от всего сердца, без оглядки на свое вдовствующее положение и почившего Эдгара Джокастера.

Господин фон Норинген посмотрел на нее, облегченно вздохнул и тоже рассмеялся.

— С этим другом я хотела бы познакомиться, — заметила Ада.

Удобный случай для этого подвернулся четыре недели спустя — через четырнадцать дней после обручения госпожи Ады Джокастер с господином Адрианом фон Норингеном.

Доктор Карло Цигаглия был родом из Асконы и уже многие годы являлся адвокатом господина Адриана. Он все делал за своего друга, но, главным образом, дела, в которых требовалось особое чутье.

Опять сидели в эркере салона госпожи Ады и пили шерри, но уже втроем. Доктор выглядел очень изящным, а череп его был так высок, что, казалось, мог вместить всю юриспруденцию.

Цигаглия держал в руках аккуратно завязанную папку и благосклонно смотрел сквозь изящное пенсне на будущую чету.

— Еще раз подведу итог: из состояний обеих сторон в равных долях в банке дель Коттардо открывается общий счет в пятьсот тысяч швейцарских франков. Из этих средств приобретается земельный участок "Квадратная скала" в Ронко. Прежние землевладения не используются. Оставшаяся сумма на счете в банке дель Коттардо предназначается для ведения нового общего хозяйства. Кроме этого, будущим супругам разрешается иметь любые личные счета. Внесенные украшения, — он галантно склонил голову в сторону госпожи Ады, — мебель, домашняя утварь и так далее остаются собственностью лиц, их приобретших. — Доктор отхлебнул шерри из своей рюмки. — В случае ухода из жизни одного из супругов дом и поместье, общее состояние, а также личные счета переходят в собственность оставшейся в живых стороны. — Сделав паузу, он повысил голос. — Так как обе стороны не имеют ни близких родственников, ни каких-либо других наследников, мы делаем дополнительное примечание на тот печальный случай, когда из жизни уйдут оба супруга. Это примечание касается прав наследования. Оставшееся состояние, а также поместье "Квадратная скала", делятся на две равные части. Госпожа Джокастер называет наследницей свою давнюю подругу, госпожу Ирмелу Цирли, писательницу, проживающую в Лугано. Господин Норинген был ко мне так добр и назвал меня наследником своей половины. Ну, надеюсь, наша уважаемая чета будет иметь Божье благословение истратить деньги, которые они заработали за долгие годы своей жизни, в свое удовольствие.

Примечание о личном состоянии великолепно, подумали Ада и Адриан, и каждый надеялся, что другой не догадывается о его мыслях, а право пережившего супруга на наследство было естественным, им пользовалось большинство людей. Совершенно справедливо предполагать, что этот мир первым покинет один из супругов. Ада на основании своего жизненного опыта была совершенно убеждена, что первым будет господин фон Норинген.

И доктор Цигаглия был полностью удовлетворен тем, что ему удалось обоим склонить к последнему примечанию.

— Да, мой дорогой Карло, — сказал господин фон Норинген. — Ты сделал это, как всегда, великолепно.

— Обещайте не забывать нас, приходите почаще, — выдохнула Ада.

Цигаглия обещал.

Адриан неожиданно спросил:

— С леди Чистербир все улажено?

— Все, — ответил Карло. — Она освобождает дом через неделю. Если нам хватит трех недель для необходимого ремонта и обустройства, свадьбу можно праздновать в доме на "Квадратной скале".

Ада положила свою руку на руку Адриана. Он растроганно улыбнулся.

"Да" господина Адриана фон Норингена звучало мужественно и твердо. В образцовом костюме от Штреземана он был почти похож на милого Эдгара, который вот уже чуть больше года отдыхал под своей каменной плитой. Само собой разумеется, год траура был соблюден.

На ресницах Ады висели несколько нежных слезинок и делали звездочки ее глаз еще более прекрасными. Но и ее "да" звучало решительно. Черное платье от портного ей очень шло. Пять нитей жемчуга вокруг шеи свидетельствовали о том, как понимал Эдгар свой семейный долг.

Под звуки органа супруги покинули церковь у озера, немногочисленные свидетели сердечно поздравили их. Потом поехали к Джордино в Брисачо, где был заказан стол на четыре персоны. Доктор Карло Цигаглия сидел слева от госпожи фон Норинген, напротив нее сидела Ирмела Цирли, ее самая давняя подруга.

Ирмела была крупной женщиной. Тяжелое костистое тело, грубость которого продолжалась и в чертах лица, делало ее похожей скорее на сержанта из гвардии Наполеона, чем на литератора, а ее голос подчеркивал это впечатление. Но ее детективные романы, изобилующие убийствами и трупами, приносили ей достаточно денег, чтобы не обращать внимания на свою внешность.

Она обратилась к доктору:

— Значит, вам я буду обязана моей обеспеченной старостью, если вовремя уберу нашу супружескую чету?

Доктор Карло вежливо кивнул.

— Скромно позволю приписать это себе. Мне показалось, что нехорошо думать только о себе в случае внезапного удара судьбы. Поэтому и предложил, чтобы и наша уважаемая милостивая сударыня назвала своего наследника. Ее выбор пал на вас.

Услышав их разговор, Ада заинтересованно спросила:

— Ты хочешь нас убрать?

— Это самый простой путь.

— О-о, — Адриан кивнул, — а на каком методе вы остановились?

Ирмела не отрывала своих восьми диоптрий от артишока, который ей только что подали.

— Ну, в случае супружеских пар многое исключается, и подходит совершенно иное. В моем романе "Умирай скорей, мой любимый" деревенские молодожены попадают в молотилку. Несчастные. Их разорвало на клочки.

— Это, наверно, повысило урожай, — заметил господин фон Норинген. — Но для нас я предпочел бы что-нибудь более оригинальное.

— Озеро предлагает некоторые возможности, — произнесла Ирмела и задумчиво погрузила лист артишока в изысканный соус. — Ах, мне вспомнилось, одну чету я убила с помощью мелко нарезанной индонезийской травы, у которой были крючки типа рыболовных. Я подмешала зелье в соус "камберланд". Последствие — неукротимое желудочное кровотечение. Мучительный конец.

— Вот это будет получше, — улыбнулась Ада.

— Не волнуйтесь. Для вас придумаю что-нибудь, чего еще никогда не было. Я обещаю, — хмыкнула в ответ Ирмела.

Обед прошел в сердечной гармонии.

— Пора уходить, — предложил Адриан после кофе и вишневого наливки. — Давайте оставим время, чтобы не спеша осмотреть дом и окрестности. После этого отдохнем немного. Силы пригодятся нам еще и вечером.

— Могу себе представить, — пробормотала Ирмела. Было непонятно, что она имела в виду.

Огромный английский автомобиль приятно пах кожей. Адриан вел машину со спокойной небрежностью по дороге вдоль берега озера. Озеро блестело рядом с ними. Через двадцать минут приятной поездки дорога повернула от озера, и они попали в смешанный лес каштанов, акаций и кедров. Вскоре справа внезапно появилась стена в человеческий рост из грубых полевых камней. Метров через сто стена кончилась у железных, кованых ворот. Адриан остановил машину.

"Квадратная скала" — гласила мраморная доска.

Ада прижалась к Адриану. Он нежно поцеловал ее в щеку, вышел из машины и открыл ворота. Дорожка раздвоилась. Адриан поехал прямо к гаражу. В нем оказался спортивный автомобиль бежевого цвета с красной обивкой — свадебный подарок Адриана со своего личного счета.

Потом подошли к дому.

— Дорогая Ада, господа, — произнес Адриан не без волнения. — Я намеренно отложил приветственную речь до момента, когда мы приедем в это место. Предлагаю осмотреть его, лелея надежду, что ты, любимая Ада, будешь счастлива в этом доме, и вы, дорогие друзья, будете здесь частыми гостями.

Дом был четырехугольный, в длину больше, чем в высоту, с пальмовой крышей. Шесть окон в два ряда друг над другом. Двустворчатая дверь симметрично разделяла их. А над ней возвышалась маленькая башенка с часами. На часах вычурные стрелки и надпись на латыни.

— "Mors certa, hora incerta", уважаемые господа, — провозгласил доктор Цигалия. — "Смерть неотвратна, час ее неизвестен".

— Глубокая мысль.

— К сожалению, справедливая, — заметил Адриан. — Предлагаю осмотреть сначала участок.

И они отправились в большой сад с цветочными клумбами. Погуляв немного, вернулись к дому со стороны озера, и Ада восторженно захлопала в ладоши. Адриан сделал несколько осторожных шагов вперед. За очень узкой полосой деревьев берег вдруг круто обрывался. Это место было расположено на совершенно гладкой, почти квадратной скале. Отсюда и название поместья. Скала подходила непосредственно к правому заднему углу здания.

Норинген указал вверх. На высоте второго этажа на левой стороне выступало застекленное эркереобразное строение. Оно свободно висело над квадратной скалой.

— Там наверху бар, дорогие друзья. Должен признаться, что его расположение было существенным "за" при покупке этого дома. Выпиваешь, так сказать, свободно паря над озером — в двадцати метрах от поверхности воды.

Ирмела чувственно простионала.

— Чудное место для убийства! Можно было бы встроить проваливающийся люк...

Господин фон Норинген улыбнулся.

— И вид оттуда превосходный. Попозже мы будем иметь возможность насладиться им. Ну, а теперь быстро осмотрим парк и купальню.

Они пошли между клумбами назад.

Тропинка полого спускалась к берегу. Шум бьющихся о берег волн стал сильнее, и вот уже показалось голубое мерцание воды. Ада подбежала к воде и опустила в нее руку.

— Какая теплая!

— А вон там лодочный домик, — сказал ее муж и показал рукой налево, где волны бились о подпорки маленького сарая. — Я позволил себе приобрести маленький катер. Пожалуйста, госпожа Цирли, не хотите ли поразмыслить, как вы могли бы использовать его в ваших целях.

— Утопить! — проворковала Ирмела. — Это старомодно.

Доктор заинтересованно рассматривал табличку недалеко от берега. "Осторожно, змеи!"

— Это только для отпугивания посторонних, — объяснил Адриан. — К сожалению, многие не знают о них.

— Здесь есть змеи? — испуганно спросила Ада.

— Жаль, что их мало, милая моя, — ответила Ирмела. — Например, тессинская горная змея. Она ого-го!

— Господи! А как она выглядит?

— Ну, довольно привлекательно. Около тридцати-сорока сантиметров, до пяти сантиметров толщиной, красноватая или желтая. Крайне ядовитая, великолепная маленькая тварь.

Аду затрясло.

— Откуда ты знаешь эти ужасные вещи?

— О-о, мне надо было в последней книге отправить на тот свет младенца — он принял змею за игрушку.

Господин фон Норинген слегка откашлялся.

— А теперь, мои дорогие, мне придется немного потрудиться.

Все молча последовали за ним назад, к террасе. Адриан широко распахнул стелюжные створки двери, подошел к своей жене и с любовью посмотрел на нее.

— Ада, в моем возрасте это не просто, но я, с Божьей помощью, хочу попытаться.

И, прежде чем она произнесла слова удивления и несогласия, Адриан присел, обхватил ее руками и поднял. Вены вздулись на его шее и напрягли воротничок рубашки, но тот выдержал. Адриан глубоко вдохнул и на деревянных негнущихся ногах пошел к двери. У порога он оступился. Ирмела наблюдала за ним с сатанинским удовольствием. Но господину Адриану удалось снова выпрямиться. Он миновал порог с Адой на руках и осторожно поставил ее на ноги. Лицо его стало красным, как вареный лобстер.

Ада бросилась обнимать мужа.

— Адриан, да ты просто юноша!

— Давайте пройдем по дому, — предложил он, все еще тяжело дыша.

Зашли в широкий, залитый светом вестибюль. Ада восхищенно слушала мужа.

— Я не хочу задерживать вас длинными речами: первая дверь слева ведет в зимний сад, справа через музыкальную комнату мы попадем в бар, который я вам уже показывал. Вторая дверь слева ведет в библиотеку, которую нам придется немного пополнить. Тут я прежде всего имею в виду полное собрание сочинений нашей дорогой подруги, госпожи Цирли. Последняя дверь справа ведет в столовую. Если пойдем прямо, то попадем в переднюю прихожую к главному входу. — Адриан шагнул впереди. Под одобрительные возгласы процессия проследовала на второй этаж. По обеим сторонам располагались по две комнаты для гостей, ванные комнаты — на передней стороне дома. Задняя часть коридора имела только по две двери с каждой стороны. — Здесь, моя дорогая Ада, у каждого из нас будет свой собственный мирок: спальня, ванная комната, салон...

— Отдельные спальни, — пробормотала Ирмела. — Прекрасно. Не могу представить себе, как бы я спала в одной кровати с мужчиной.

Остальные не стали говорить, что и они не могли бы себе этого представить. Адриан показал своему другу помещения, которые он предназначил для себя. В это время до них то и дело доносились восторженные восклицания из комнат Ады. Когда все снова собрались в прихожей, Адриан открыл дверь в следующее помещение.

— А здесь наследство от леди Чистербир. Она безвозмездно передала его мне. Салон с камином и маленькая коллекция древнего оружия.

В комнате не было окон, и Адриан включил свет. У Ады вырвался крик ужаса. Прямо перед ней стоял железный рыцарь с опущенным забралом и угрожающе поднятой секирой.

— Не волнуйся, любимая. Он безопасен. Состоит только из вооружения.

— Посмотри-ка, посмотри-ка, — затрещала Ирмела и удовлетворенно закивала головой. — Количество уголков для смертных преступлений увеличивается. А какие для них великолепные инструменты!

У стен и на стенах стояли и висели алебарды, мечи, боевые палицы, старинные винтовки и арбалеты.

— Вы можете защищаться, если тессинцы вам объявят войну, — сказал доктор Цигаглия и потрогал лезвие одного из мечей. — Тебе нужно только облачиться в это снаряжение.

— Буду сражаться до конца. Ну, а теперь достаточно. Нас ждет бар.

Когда коктейли уже стояли на столе, господин Карло поднял свой бокал:

— Дорогие супруги фон Норинген, я хотел бы быть кратким и просто пожелать вам счастья. Пусть в каждом уголке этого прекрасного дома поселится радость. До последнего дня вашей жизни!

Все слегка кивнули головами и сдвинули бокалы.

Поздно ночью Адриан лежал в облаке пены в ванне, играя мыльными клубами, которые громоздились вокруг него, и обдумывал положение. Он был доволен развитием событий. Все сложилось наилучшим образом. Ада была милым восхитительным созданием. Адриан слышал рядом в ванной Ады плеск воды и улыбался.

В этом месте его размышлений ему вдруг показалось, что он слышит какой-то шорох со стороны коридора. Он поднял голову и прислушался. Плеск за стеной прекратился. Адриан подождал еще немного, потом, улыбаясь, вновь занялся пеной.

Это Ада бегала туда-сюда. Теперь он снова услышал тихий плеск воды и постучал в стену. Тут же раздался негромкий ответный стук. Она была рядом с ним,

в своей ванне, отделенная от него только пятнадцатью сантиметрами стены. Милое дитя.

Адриан поднялся, включил душ и смыл пену с тела. Вытираясь, он выполнил несколько легких гимнастических упражнений, освежающей эссенцией протер кожу головы и лица, тщательно разделил волосы на пробор и при этом подумал о жидких волосах своего друга Карло и об этой Цирли с ее методами убийств. Она когда-нибудь сама себя убьет от воодушевления.

Адриан надел шлепанцы, пижаму и сладко потянулся под ее шелком. Потом выключил свет и пошел к спальне.

Плотно закрыв дверь ванной, он вдруг затаил дыхание. Его рука застыла на ручке двери. Глаза немного сузились, на розовом лбу появились морщины. Он застыл, не двигаясь. Что-то было в комнате не так. Только этот факт дошел до его сознания при первом беглом взгляде на комнату, больше ничего. Он не знал, что это такое было, все стояло на своих местах, ничего не исчезло. Он отпустил ручку и снова осмотрел комнату и кровать.

И тут он увидел это.

На ночном столике лежала книга, которой раньше там не было. Она была открыта, лежала обложкой кверху, и конус света от лампы полукругом освещал темно-зеленый материал ее обложки.

Адриан точно знал, что раньше никакой книги там не было. И все-таки его охватило сомнение. Может быть, он принес эту книгу, чтобы почитать?

Ерунда. Он хотел пойти к Аде. Что это, черт возьми, за книга?

Он медленно пошел вокруг кровати к ночному столику. Остановился, еще раз огляделся — не нарушено ли еще что-нибудь?

Ничего. Только книга.

Адриан поднял ее. На обложке картинка, примитивно нарисованная яркими красками: "Белоснежка и семь гномов". Он держал в руках старое издание сказок братьев Grimm. Адриан медленно сел на кровать и все глядел на заглавие, на картинку, на захватанную, потрепанную обложку. Потом перевернул книгу. Она была открыта как раз на том месте, где начиналась сказка. Заголовок был подчеркнут толстой красной чертой.

"Вестники смерти".

В свете ночной лампы Адриан прочитал сказку о богатом человеке, к которому пришла смерть. Она заявила ему, что скоро заберет его, но богач не хотел умирать и стал с ней торговаться, просил отсрочки.

Наконец смерть согласилась послать ему вестников, прежде чем сама придет за ним. И ушла. Богач ждал, ждал, но никаких вестников не было. Вместо этого он заболел и думал уже, что смерть не сдержала своего слова и заберет его, не прислав своих вестников. Но он выздоровел и продолжал жить. Время шло, ему пришлось перенести еще много болезней, но каждый раз он выздоравливал. Он подумал, что смерть забыла о нем или просто хотела его напугать. Но вдруг смерть снова предстала перед ним.

Богач испугался и напомнил ей об ее обещании.

— Разве я не посылала тебе своих вестников? — спросила она. — Разве не трясла тебя лихорадка? Не мучили боли? Твои болезни и были моими вестниками.

И забрала его с собой.

Адриан растерянно смотрел на маленькую пеструю картинку под последней строчкой, на которой костлявая тащила за собой Богача. Он пытался вспомнить, когда в последний раз читал какую-нибудь сказку. Должно быть, больше пяти-

десяти лет назад. И сегодня, в день своей свадьбы, он снова держал в руках сказку, словно маленький мальчик.

В груди что-то кольнуло. Ладно. Это Ада хотела доставить ему удовольствие. Мило с ее стороны. Вот только почему она выбрала именно эту сказку?

Он встал и крепко завязал пояс халата. Все выяснится. Лампу Адриан оставил включенной. Книгу понес с собой, держа палец между страницами, где начиналась сказка.

Он постоял немного перед дверью в комнату Ады, прежде чем постучать. Голос жены прогнал все мрачные мысли. Она лежала в кровати в прозрачной ночной сорочке, на лице нежно-розовый румянец.

— Нехороший! Почему ты так долго не приходил? Я уже подумала, что ты утонул в ванне.

Господину Адриану был неприятен намек на смерть такого рода. Несмотря на это, он сохранил сияющее выражение лица.

— Да нет, мое сокровище. Мне пришлось прочитать одну сказку.

— Сказку? — Ее лицо выражало недоумение.

Он сел на край кровати, открыл книгу.

— Думаю, тебе она известна, а то бы я прочитал ее вслух. Мне интересно, почему ты отдала предпочтение именно этой сказке?

Ада приподнялась на кровати. Она смотрела на него так, как будто он свалился с луны.

— Я ничего не понимаю.

Он погладил ее по голове.

— Твой сюрприз удался. Очень. Хотя мне казалось, что я все время слышал, что ты в ванной.

— Адриан, что ты говоришь? Слышал, что я в ванной?

Улыбаясь, Адриан поднял книгу.

— Эта книга, дитя мое, лежала на моем ночном столике, когда я вышел из ванной. Гм. Прошло уже несколько десятилетий, с тех пор как я брал сказки себе в постель. Книга была открыта. — Он перевернул книгу и показал заголовок, подчеркнутый толстой красной чертой: "Вестники смерти", братья Гримм. — Прекрасная глубокомысленная сказка. Прочитал с удовольствием. Но удовольствие будет не полным, если ты не поведаешь мне, почему это пришло тебе в голову.

Ада схватила книгу и уставилась на заглавие, затем резким движением вернула ее.

— Адриан, что это такое? Ты серьезно думаешь, что это я принесла книгу тебе в комнату?

— Я все-таки так думаю, сердце мое. Потому что иначе я должен задуматься, кто мог сделать это.

Несколько мгновений стояла тишина. Адриан продолжал улыбаться. Как же мило она лгала.

— Адриан, клянусь тебе, что я не выходила из своей комнаты с тех пор, как мы расстались. Я никогда в жизни не видела этой книги, не говоря уже о том, чтобы класть ее на твой столик. И этой странной сказки я вообще не знаю. Ты меня дразнишь?

— Это была не ты?

— Нет! Я с самого начала не понимала, о чем ты говоришь! О, Адриан, что все это значит?

— Прежде чем я отвечу на твой вопрос — прости меня, дитя мое, — он поцеловал ее в щеку, — прости меня, моя хорошая, я спрошу тебя еще раз: это правда была не ты?

— Правда, не я.

Адриан с неприязнью смотрел на угрожающие слова над красной чертой.

— В таком случае это может обозначать только одно, что...

— Что? Что?

— Что в этом доме, кроме нас, есть кто-то еще.

Ада тихо вскрикнула и закрыла рот рукой. Адриан обнял ее за плечи.

— Успокойся, любимая, все выяснится.

— Адриан, скажи, что это неправда. Ты просто так шутишь.

— Я бы никогда не позволил себе таких шуток.

— Но... может быть, ты что-то перепутал. Может, ты сам взял ее из библиотеки и забыл об этом? Вспомни, Адриан.

— Я сразу взвесил все "за" и "против", А дочка. Это исключено. Наверх мы пошли вместе. И шли не через библиотеку. Ты наверняка помнишь, что у меня не было с собой никакой книги. И никакой книги не лежало на моей тумбочке, когда я вошел в спальню.

— Ты уверен, Адриан?

— Совершенно уверен, любимая. Я бы сразу это заметил. И после обеда там ничего не было, когда мы с Карло осматривали комнату. Я разделся и выкупался, так же, как и ты. А когда вышел из ванной, книга лежала на столике. Открытая. Эта сказка. Эта красная черта под названием.

— Но кто же это творит? Что все это значит?

— Не знаю, дитя мое. Ты ведь поймешь, почему я сначала подумал на тебя. Ты хотела просто надо мной пошутить, положила мне сказку на ночь, как маленькому мальчику. И вот... — Он замолчал, болезненно сознавая, что от него скоро потребуются решительные действия.

— Это была не я, Адриан.

— Я верю тебе. И вспомнил теперь, что слышал какой-то шорох, когда лежал в ванне, пожалуй, из коридора.

Ада бросилась к нему и обняла так быстро, что он чуть не потерял равновесие.

— О, Адриан, что нам делать? Я боюсь.

Я тоже, хотел сказать господин фон Норинген, но прикусил язык. Ничего не делаешь. Нельзя показывать, что тебе страшно. Приходится прямо в первую брачную ночь изображать из себя героя. Он мягко освободился из объятий и решительно встал.

— Не волнуйся, любимая. Я посмотрю. — Адриан схватил книгу и широкими шагами направился к двери.

— Адриан! — жалобно воскликнула Ада. — Не уходи. Я умру от страха.

— Нет никакого повода бояться, моя милая. Запри за мной дверь. Я обыщу дом. Не открывай, пока не услышишь мой голос.

Ада протянула к нему руки. Как она была хороша! Как глупо, что надо обыскивать дом.

В коридоре горел свет, все было тихо. Адриан промаршировал к двери своей спальни. И здесь ничего не изменилось. Он положил книгу на ночной столик и осмотрелся. Куда он дел эту штуку?

Верно. Она должна быть в большом чемодане. Еще обставляя дом, Адриан подумал, что было бы неплохо иметь в доме какое-нибудь ружье. Местность-то мирная, это так, но какое-нибудь отродье могло объявиться там, где его не ждут. Поэтому он приобрел мелкокалиберную винтовку, не дешевую, но великолепную, двадцать второго калибра, под названием "Лонг Рифл", пятнадцать выст-

релов можно сделать, не перезаряжая. Идеальное оружие, не требующее лицензии.

Адриан попросил объяснить действие механизма, сделал несколько пробных выстрелов в тире и с легким сердцем оплатил покупку.

Теперь он входил в свой рабочий кабинет. Большой чемодан стоял в углу, его привезли только вчера, и он был еще не полностью распакован. Адриан открыл чемодан, потом узкий ящик в его глубине. Ружье угрожающе блеснуло хромовыми облатками. Адриан осторожно вытащил его. Были там и патроны. Он разорвал коробку, отсчитал пятнадцать штук и наполнил магазин.

Заряжая ружье, Адриан успокоился. А после того как заполнил магазин, почувствовал себя совсем хорошо. Но, осторожности ради, решил оставить ружье на предохранителе и снять с него только в случае крайней необходимости. Время на это всегда найдется.

Держа большой палец на предохранителе, Адриан опять вошел в свою спальню и открыл дверь в коридор.

Ужас охватил его так мгновенно, что он застыл на пороге, как будто его схватила невидимая рука. Волосы встали дыбом. Он не мог шевельнуться, не мог даже нажать рычаг предохранителя. Правда, не в кого было стрелять.

Просто перед дверью стоял... гроб.

Адриан никак не мог придти в себя. Он все смотрел и смотрел на гроб перед дверью своей спальни. Гроб стоял поперек коридора. Узкая его сторона была направлена прямо на вооруженного мелкокалиберной винтовкой Адриана. Похоронить в таком гробу можно было разве что лилипутика, потому что гробик был длиной сантиметров пятьдесят. Но это был шикарный гробик для похорон по первому классу, точная копия: маленькие серебряные шарниры, маленькие серебряные замочки, а на крышечке — серебряный крестик.

Адриан вышел из оцепенения, снял винтовку с предохранителя, приставил приклад к щеке и прицелился точно в середину креста.

Ни звука.

Вдруг он осознал всю глупость ситуации и опустил ружье. Он больше не мог сдерживать дыхание и шумно вдохнул. Потом взглянул на дверь справа, где в своей постели лежала Ада и молилась за него.

Никого.

Адриан сунул винтовку прикладом под мышку. Сделал два осторожных шага в направлении гробика. Его пальцы ощупали грубое папье-маше. Теперь, с близкого расстояния, он увидел всю безобразную примитивность подделки. Гроб из папье-маше, который размалевали черной акварелью и покрасили бронзовой краской. Жалкое подобие.

Господин фон Норинген резким движением поднял крышку. И его снова пронзил ужас.

В гробу, уютно растянувшись, лежал маленький скелетик. Анатомически идеально выполненный, тоже из папье-маше, как понял Адриан, когда пришел в себя. Пустой череп выражал некоторую веселость. Господину Адриану захотелось разломать череп на кусочки, но ему опять пришлось затаить дыхание: в костлявой ручонке скелет держал кусок бумаги.

Записка легко вытащилась, и Адриан прочитал: "Будь готов! Вестники смерти".

Слова были написаны большими буквами. Они были неприятно похожи на буквы, которыми было написано название сказки, что читал сегодня Адриан. И здесь не забыли провести жирную красную черту.

Адриан вытер лоб тыльной стороной руки. Снится ему все это? Кто разыгрывает перед ним это безобразие в его собственном доме? В свадебную ночь!

Тут он услышал какие-то звуки, справа, из комнаты Ады, и вскочил.

Бело-голубая фигура скользила в его направлении. Адриан отпрыгнул назад и рывком поднял ружье на плечо. Фигура испустила пронзительный крик. Как раз вовремя — Адриан не успел выстрелить.

Это была Ада.

Адриан был на грани нервного срыва. Винтовка опустилась сама по себе.

Ада вскрикнула во второй раз, когда увидела гроб. Адриан отшвырнул его ногой в сторону и свободной рукой обнял жену.

— Но, дитя мое, я же настоятельно просил тебя не...

Она расплакалась.

— Я так боялась, Адриан. Что это за ужасный гроб?

— Бумажный, — мрачно проговорил господин фон Норинген. — Все из бумаги. Наш нежданный гость поставил его перед дверью, пока я был в кабинете и доставал ружье. Вот — это дружеское приветствие тоже было там.

Ада с ужасом прочитала записку.

— Ты слышала что-нибудь подозрительное из своей комнаты?

Она отрицательно покачала головой.

Адриан дико озирался вокруг.

— Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я бы только хотел знать, кто это позволяет себе такие шуточки. Но я найду его, ей-богу, и запущу ему все пятнадцать пуль прямо в задницу... Я обыщу весь дом. Ты пойдешь назад, в свою комнату. И на этот раз не выходи, пока я не вернусь.

Ада обняла его за шею.

— Нет, Адриан, я не оставляю тебя одного. Ни в коем случае не позволю тебе идти одному. Я буду с тобой.

— Но, А дочка...

— Я — твоя жена и должна быть рядом.

— Мне придется не только выслеживать непрошенного гостя, но и думать о твоей безопасности, это будет вдвойне трудно.

— У меня тоже есть оружие!

— Да ну! — удивился Адриан.

Ада побежала в свою комнату. Ночная сорочка обвивала ее фигуру. Очень скоро она опять появилась, закутанная в серебристо-пепельный халат. В руке она держала револьвер величиной с зажигалку.

— Вот! Что ты теперь скажешь?

Адриан кисло улыбнулся.

— Боюсь, что тебе придется приставить твой пистолет прямо ему к уху, чтобы хотя бы испугать его, дорогая моя. Но тем не менее... — И вновь Адриана пронзил ужас. Это Ада выстрелила прямо в череп скелета. На метр вокруг него треснула штукатурка. Торжествуя, Ада покачивала револьвером.

— Пусть поостережётся! Пошли!

Адриан с трудом овладел собой.

— Подозреваю, что ты его уже спугнула, сердце мое. Давай осмотрим сначала наши комнаты. Потом с этой стороны пройдем в каминную комнату. Если он здесь, наверху, то не сможет ускользнуть от нас.

В комнатах Адриана не было ничего нового. Большой чемодан стоял в кабинете, каким он его и оставил. Книга лежала на ночном столике нетронутая. Ванная была пуста.

Тот же результат был и в комнатах Ады. При виде кровати Ады Адриан с тоской подумал о своем намерении, которое он хотел бы сейчас, собственно говоря, осуществить, вместо того чтобы носиться с дурацкой винтовкой по всему этому проклятому дому.

Он потянулся губами к уху Ады.

— В оружейную комнату. Ты справа! Я с другой стороны.

Ада молча кивнула. Идеальная союзница.

Адриан прокрался на цыпочках за угол коридора. Открывать дверь бесшумно не имело смысла. Свет в коридоре освещал его со спины, и он появился бы в проеме двери, как кинозвезда на экране. Здесь могла помочь только мгновенная реакция.

Он толкнул дверь и прыгнул на порог. В то же мгновение с другой стороны также молниеносно распахнулась вторая дверь. Появилась Ада. Ее револьвер был направлен Адриану в область живота.

— Руки вверх! — звонко прокричала она.

Адриан отпрыгнул в сторону и нащупал выключатель. При этом он натолкнулся на железного рыцаря. Боевая секира с грохотом покатилась на пол.

Когда вспыхнул свет, они увидели, что, кроме них, в комнате никого нет.

— Боюсь, что так мы никого не поймаем.

— Но все было сделано правильно, — с легким укором ответила Ада. — Если бы он был внутри, он не смог бы убежать!

Она подошла к Адриану и обняла его. Он поцеловал ее в лоб.

— Ну, давай искать дальше.

В комнате все было на своих местах. Оружие висело на стенах, мебель не сдвинута, камин глазел на них своим открытым молчаливым ртом.

Адриан поднял секиру и воткнул ее в железный кулак рыцаря.

— Пойдем дальше. Но с этой минуты мы будем рядом. Держись позади меня, дитя мое.

Они осмотрели оставшиеся комнаты верхнего этажа. Помещения для гостей и слуг были нетронуты, как будто в них уже десятилетия никто не входил. Ада сморщила носик.

— Какой затхлый запах!

— Ты права. Нам надо позаботиться о подходящем персонале. Иначе будет пахнуть еще хуже.

Лестница тихо заскрипела, когда они пошли вниз. Адриан включал все лампочки, до которых только мог дотянуться.

На первом этаже не было следов чужого человека. В комнатах тихо, пусто, убрано.

— Боюсь, что мне надо выпить, — сказала Ада, когда они вошли в бар. — У меня дрожат колени.

— Посиди здесь, — ответил ей муж. — Я хочу еще осмотреть подвал.

— Ты ни в коем случае не пойдешь один, — уверенно проговорила Ада. — Мы начали вместе, и нам надо оставаться вместе до конца.

Адриан не сопротивлялся. Они вошли в кладовку рядом с кухней. Дверь подвала была закрыта на задвижку с внешней стороны.

— Вряд ли кто-то прячется в подвале, если задвижка закрыта с этой стороны. И все-таки посмотрим для порядка.

На них повеяло сухим прохладным воздухом. Все двери и окна были закрыты. Адриан открывал одну дверь за другой, держа перед собой винтовку.

— Здесь никого нет, — заключила Ада.

— Это легко было предугадать, дитя мое. Во всяком случае, мы теперь заслужили нашу выпивку. Пойдем.

Они вернулись в бар. Адриан прислонил винтовку к стене ниши. Потом вытащил лед из открытого деревом холодильника и налил чистое виски на кубики льда. Оба выпили, посмотрели друг на друга и улыбнулись. Адриан тяжело дышал.

— Это хорошо расслабляет. Должен признаться, волнение слишком на меня подействовало. Но, к сожалению, вопрос, как попала эта книга на мой столик, и этот гроб перед моей дверью, так и остался тайной.

— Но что это все может значить?

— Я не знаю, дитя мое. Должно быть, в доме до самого недавнего времени был кто-то чужой.

— Но мы же ничего не нашли!

— Это еще не доказывает обратное. Он мог улизнуть через какое-нибудь окно.

— Они все закрыты!

— Мы же не проверили каждое, дорогая моя. Кроме того, у него могли быть сделаны ключи от одной из дверей. Завтра при дневном свете я осмотрю еще раз.

— Адриан, а если он все еще в доме?

— Вряд ли. Ему удалось обе шутки. Я только не вижу смысла этих...

Ада взвизгнула так внезапно, что он пролил виски себе на колени.

— Адриан, я догадалась! Догадалась!

Господин фон Норинген внимательно посмотрел на жену. Его взгляд не выражал ничего, кроме неодобрения.

— Что с тобой, дитя мое?

— Я догадалась! И книга, и гроб! Это же Ирмела! Это могла быть только моя подруга Ирмела Цирли! Это ее манера преподносить свадебные подарки. У нее в голове одна криминалистика. И она для нас выдумала нечто особенное. Типичная Ирмела.

Адриан крепко задумался.

— Ты, пожалуй, права. Никому, кроме нее, не могло придти эдакое в голову. Она же весь день болтала о методах убийства. Но это не пройдет ей даром.

— И как только она пробралась сюда?

— Об этом, моя дорогая, она расскажет нам сама, — пообещал Адриан. — Я призову ее к ответу.

— Но, дорогой, может быть, мы простим ей, с ее точки зрения, вполне невинную шутку. Не будем из-за такого пустяка портить с ней отношения.

— Будь спокойна. Я найду способ отомстить ей за нашу испорченную свадебную ночь. По крайней мере, мы можем теперь успокоиться и послать несколько часов.

Ни о чем другом супруги и не думали. Каждый направился в свою комнату. Забытая винтовка осталась стоять в нише бара. Перебирая в памяти пережитое, Адриан вспомнил о ней, вернулся в бар, отнес винтовку в рабочий кабинет. Разрядил ее и хотел, было, уложить в футляр, как вдруг опять услышал пронзительные вопли Ады и с винтовкой в руках понесся по коридору. Он должен помочь Аде, пусть даже винтовка и не заряжена.

Ему надо скорее к Аде.

Уже не надо. В дверях своей спальни он со всего маху натолкнулся на нее. Она повисла у него на шее.

— Ты жива! — выдохнул Адриан. — Слава Богу! Я уж подумал...

Ее слезы омочили его халат.

— О-о, Адриан, это было ужасно.

— Что, дитя мое? Что было ужасно?

— В моей ванной, о-о!

Господин фон Норинген немедленно начал действовать. Он провел ее в свой кабинет и усадил в кресло. Потом вновь нашел патроны. Пальцы уже дрожали не так сильно, все получилось довольно легко. Он послал в магазин восемь пуль. Этого должно хватить.

— Останься здесь. Я сразу же вернусь. — Адриан вышел в коридор. Что ожидает его в ванной? Какой-нибудь новый грязный трюк этой трижды проклятой чертовой бабы, этой Цирли.

Дулом винтовки он толкнул дверь в ванную комнату. И сразу увидел, что стрелять было не во что. На верхней подставке душа покачивалась обвислая фигурка человечка. Кукла, наполненная опилками, в костюме разбойника из Аbruццы. С такой же развеселой физиономией, что и у скелетика в гробу, хотя разбойник висел с петлей на шее, как будто палач только что ушел.

Адриан с отвращением рассматривал поделку. Он ткнул дулом ему в живот, но человечек продолжал радостно скалиться. Только теперь Адриан заметил на груди куклы записку. И в третий раз за эту ночь увидел грубые буквы и красную черту под ними.

“Скоро вы последуете за вашим супругом”.

— Невероятно, — заскрипел зубами господин фон Норинген, схватил куклу и сорвал ее с подставки. — Какое безграничное бесстыдство!

Широкими шагами он промаршировал в свои апартаменты. Ада сидела там, где он ее оставил.

— Я должен сказать, Ада, что твоя дорогая подруга с ее бесконечным чувством юмора...

Ада направила на него влажные виноградины своих глаз.

— Адриан, мне жаль, что я тебя так напугала. Но я открыла дверь, а там эта отвратительная вещь...

— Успокойся. Главное — ты жива и здорова. Ты читала записку?

— Записку?

Адриан перевернул куклу.

— Вот здесь! Теми же буквами, что и в моей записке: “Вы скоро последуете за своим мужем”. Дама ведет себя так, будто я уже мертв! Ты согласна, дорогая моя, что это заходит уж слишком далеко? Решительно, слишком далеко! Мне придется подумать, не стоит ли навсегда отказать госпоже Цирли в посещении моего дома. — Он замолчал и застыл. В его голове молнией пронеслась мысль. — Чердак! — Адриан звонко стукнул себя по лбу. — Мы ведь забыли про чердак! Она должна быть там! На этот раз ей не уйти!

Он бросился вон, прежде чем Ада смогла вымолвить слово. На бегу снял винтовку с предохранителя и понесся вверх по лестнице. Наверху Адриан затаил дыхание. Было темно. Напрасно он шарил в темноте рукой в поисках выключателя. В приступе все нарастающего гнева он вскинул винтовку и крикнул: “Руки вверх! Выходите, госпожа Цирли! Игра окончена!”

Темнота ответила угрожающей тишиной. Адриан собрал все свое мужество. Осторожно, шаг за шагом, он передвигался вдоль стены и пытался нащупать выключатель.

Он мог бы поклясться, что она была здесь. Как иначе кукла попала в ванную комнату Ады? Вероятно, Цирли теперь сама испугалась и спряталась.

Тут господину фон Норингену что-то послышалось, и он остановился,

Холодные отвратительные царапающие звуки, совершенно незнакомые, никогда прежде не слышанные, как будто не из этого мира. Адриан не мог вспомнить,

чтобы он когда-либо слышал подобное. На него напал липкий адский страх, и ноги его подкосились.

Звуки набирали силу. Уханье и дребезжание раздавалось все ближе, все более угрожающе. Адриан хотелось убежать, но ноги не слушались его. Тут он вспомнил о винтовке и восьми пулях в магазине и рывком поднял приклад к щеке. Спусковой крючок не слушался, потому что ружье было на предохранителе. Бесчувственными пальцами он снял винтовку с предохранителя. У него не оставалось времени. Звуки накатывались и гремели в его голове. Он потянул спусковой крючок. Грохот залпов наполнил чердак, раскаленные стрелы пуль понеслись из дула винтовки. Адриан стрелял и стрелял, пока не опустошил магазин.

Отвратительные шаркающие звуки еще продолжались, но вдруг прекратились, как будто черт в уголке хотел перевести дыхание, прежде чем броситься на Адриана. И после этого башенные часы чисто и звонко пробили три раза.

— Адриан! — кричала снизу Ада. — Бога ради, что там происходит?

Адриан, шатаясь, пошел к полосе света, которая проникала на чердак из коридора, и слабым охрипшим голосом ответил:

— Ничего, моя любимая. Я стрелял в часы.

— В часы? Зачем?

— Иди наверх, — попросил Адриан.

Теперь он нашел выключатель. Загорелись все лампочки. Вверх по лестнице шла Ада, переливаясь серебром. Она тоже была бледна, как и ее муж. Он взял ее за руку и прошел внутрь чердака. Свет заливал все уголки.

Ирмелы нигде не было.

Адриан взял себя в руки.

— Я не нашел выключатель и стоял в темноте. Тут начала работать звонница часов. Я ужасно испугался и начал стрелять в направлении этих звуков.

— Я чуть не умерла от страха, — сказала Ада. — Я подумала, что ты застрелил Ирмелу... Надеюсь, ты не повредил часы?

— Надо посмотреть.

Адриан нашел следы от пуль. В основном, они попали в ступеньки и в перила.

— И все же ружье стреляет на удивление кучно. А механизм, кажется, цел. Слава Богу, я невысоко поднял дуло.

Ада робко огляделась.

— Но Ирмелы здесь нет! Как же она смогла уйти?

— Черт ее знает. Мне сейчас не хочется ломать над этим голову. Хватит, Ада. Пойдем спать.

Она потрогала его лоб.

— Совсем мокрый. Бедный мой. Сколько всего перенес. Ты проявил такое мужество!

— Ты не меньше, дитя мое. С нами жестоко пошутили. Но завтра я обязательно разберусь, что к чему. Это так же точно, как точно то, что меня зовут фон Норинген.

Они пошли вниз по лестнице. Позади них безразлично тикали часы. Адриан выключил свет. Когда они проходили в дверь чердака, в оружейной комнате что-то глухо гроыхнуло. Ада так сильно ухватилась за Адриана, что порвала свой халат. Адриан закачался. Глаза вылезли из орбит. Он схватил ружье за ствол, рванул вперед, пинком открыл дверь. Ада увидела, что загорелся свет. Потом ее ушей достигла такая ругань, что, несмотря на весь свой страх, она покраснела.

— Адриан, как ты можешь?

Адриан вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь.

— Этот вшивый железный дурак опять уронил свою секиру, — гневно проговорил он. — Прости мои нехорошие слова, мой ангел, я очень раскаиваюсь. Но я не знаю, смогу ли жить в этом доме, если и дальше так пойдет.

— Успокойся, миленький мой Адрианчик. Все объяснится. Мы переутомились и перенервничали. Наверно, ты прикрепил секиру недостаточно прочно.

— Должно быть, так, — пробормотал Адриан. — Пойдем спать.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросила Ада, когда они уже лежали в постели.

— Никак не могу понять, как она ускользнула. Она же не могла раствориться в воздухе!

— Она на таких вещах собаку съела. Подумай о ее книгах!

— Наверно, так оно и есть. Но завтра, завтра я буду...

Невозможно было услышать, что будет делать Адриан завтра. Голос его затих, голова упала набок. Он провалился в сон.

Господин фон Норинген держал винтовку у щеки и непрерывно стрелял. Он уже выстрелил раз двести, но ему никак не удавалось попасть в скелет, который плясал перед его глазами.

— Разве я не посылаю тебе моих вестников? — спрашивал скелет.

У Адриана вдруг вместо ружья в руках оказалась секира, и он попытался разбить череп скелета, но секира была весом с добрый центнер, и он никак не мог ее поднять.

Тут он проснулся.

Ада держала его за руку, нежно трясла ее и улыбалась ему улыбкой, полной любви.

— Доброе утро, мой дорогой. Я бы и дольше дала тебе поспать, ты так сладко спал, но подумала, что было бы замечательно позавтракать вместе.

Адриан непонимающе смотрел вокруг. Переживания прошедшей ночи все еще преследовали его мозг.

— Который час? — спросил он.

— Только что пробило одиннадцать. Часы, и правда, не повреждены.

— Ах да, часы, — пробормотал Адриан и нежно поцеловал ее. — Прости, моя дорогая, я ужасно устал. Да еще невезение с этими...

Ада ответила на его поцелуй.

— Хороший мой, я тоже сразу уснула. А сейчас я готовлю для нас чудный завтрак.

— Правильно. А я оденусь и за это время еще раз осмотрю дом и участок вокруг. Может быть, где-нибудь остались следы, которые выведут твою сочинительницу на чистую воду.

Господин фон Норинген вернулся в свою комнату.

Вещественные доказательства: гроб, скелет и кукла-разбойник — все были налицо. Он нашел оставшиеся патроны, заново зарядил ружье, оделся и начал обход.

На чердаке он еще раз рассмотрел следы своей скоропалительной пальбы. Часовой механизм не был поврежден. Ничто не указывало и на взломщика.

В каминной комнате рыцарь стоял, как он его оставил после своей неприличной ругани. Адриан поднял секиру, воткнул ее под железную руку и пробормотал:

— Идиот чугунный!

Он не нашел ничего, чего бы не заметил еще ночью. Поиски в других комнатах и на первом этаже тоже не принесли успеха. Ни в подвале, ни на террасе он не увидел ничего подозрительного.

Как же госпожа Цирли все это проделала? Может быть, она бывала в этом доме раньше и хорошо знала его? Может, ей был известен какой-нибудь потайной ход, о котором никто не знал.

Ну, он заставит ее все сказать. Сегодня же.

Адриан повесил ружье на плечо и пошел дальше. Он шел тем же путем, каким вчера вел своих гостей. Мягко кружась, дорожка вела вниз, к пляжу. Он осмотрел лодочный домик и ничего не нашел. Взглянул на табличку, предостерегающую от змей, хотя их тут никогда не видели, и пошел вверх к дому. Над ним начали звонко бить часы. Он остановился и посмотрел вверх. Солнечные часы ласкали надпись: "Mors certa horra incerta" — "Смерть неизбежна, час ее неизвестен".

Адриан вспомнил, как его друг Карло переводил эту фразу госпоже Цирли, и вдруг среди ликующей природы увидел перед собой книгу и сказку о вестниках смерти. Смерть взяла богача за руку и увела с собой...

Не стоял ли за всем этим Карло? Из-за завещания? Нет, невозможно. Не мог это быть Карло.

Вдруг он почувствовал, что голоден, и пошел назад к дому. Из одного из кухонных окон махала белая ручка.

— Готово, мой дорогой! Иди сюда!

Адриан зашагал быстрее. Он был весел и беззаботен. Еще одно маленькое усилие, и все прояснится — тайна будет вырвана из цепких рук госпожи Цирли.

— Что-нибудь нашел? — спросила Ада, наливая кофе в его чашку.

Адриан с наслаждением вонзил зубы в бутерброд с медом.

— Замечательная женщина, госпожа Цирли. Я все еще не понимаю, как она это сделала. Надо признать, что шутка ей удалась.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь...

Ада энергично подняла руку.

— Подожди, извини, что перебиваю, давай я к ней схожу.

Адриан внимательно посмотрел на жену.

— Ты хочешь...

— Будет лучше, если пойду я, Адриан. Она не станет мне лгать. А если пойдешь к ней ты, то я не знаю. И если она признается, я могу позволить себе более резкие слова, чем ты. Я знаю ее, как свои пять пальцев.

Адриан покачал головой.

— Ну-у, очень мило с твоей стороны, что ты хочешь внести свою лепту в решение этого вопроса. Тем не менее, я это считаю больше мужским делом. Некоторые вещи ей надо разъяснить довольно жестко...

— Не забудь, что у тебя нет доказательств. И если мы обвиним ее несправедливо, для меня это не будет так мучительно, как для тебя.

Господин фон Норинген вынужден был признать, что его жена права. Ему вспомнилось, что и ночью он сыграл далеко не блестящую роль. Если он еще и от Цирли получит от ворот поворот, позор будет полный.

— Я не хочу с тобой спорить, любимая, — произнес он дружелюбно, — тем более, что подозревать начала ее именно ты.

— Конечно, и, поверь мне, я устрою ей хорошенькую головомойку, если все это устроила она. Можешь на меня положиться.

Адриан закончил свой завтрак в наилучшем расположении духа. Потом проводил жену до гаража. Маленький автомобиль приветливо заурчал.

Адриан махал рукой, пока она не выехала на улицу, ответил на ее воздушный поцелуй и проводил взглядом ее развевающуюся косынку.

Ада ехала по яркому ландшафту. Ветер щекотал ее кожу. Она доехала до Асконы, потом проехала по ней почти до другого конца.

Ирмела жила в маленьком сельском домике, немного в стороне от всех, в полном уединении, как это и полагалось при ее профессии. Ада припарковала свой автомобиль у забора, увитого плетистой розой, и позвонила. Из домофона раздался голос Ирмелы:

— Да?

— Это я, призрак мой ночной!

Что-то затрещало, и дверь открылась. Появилась лошадиная физиономия Ирмелы.

— Иди сюда, моя дорогая.

Ада поздоровалась с ней и прошла в дом. Беспорядок был фантастический. В рабочем кабинете Ирмелы у окна стоял огромных размеров письменный стол, на котором возлегло центнера два бумаги. Вокруг громоздились целые стены из закрытых, тоже бумагой, книг, многие метры которых были созданы самой Ирмелой.

Обе дамы уселись за стол, уставленный оставшейся после завтрака посудой.

— Как поспала? — спросила Ирмела. — Первая ночь в собственном доме.

— Благодаря твоим очаровательным сюрпризам, не очень хорошо, — ответила Ада.

Дым кружился от кончика сигареты Ирмелы.

— Сюрпризам?

— Ирмела, — решительно начала Ада. — Я с трудом удержала Адриана, иначе он сидел бы сейчас здесь. Он был очень, очень зол. Три четверти ночи мы глаз не сомкнули...

— Было бы мило с твоей стороны, если бы ты объяснила мне, о чем говоришь.

— Сначала эта чудная книга на ночном столике Адриана! Перед дверью его спальни стоял гроб со скелетом внутри! В моей ванной висела безобразная кукла в костюме разбойника с надписью, что я скоро последую за моим мужем — ночью кто-то был в нашем доме! Скажи, что это была ты! Мы уже достаточно наволновались. Бедный Адриан!

В веселых глазах Ирмелы появилась чертовщинка.

— Кто-то в доме? Очень интересно! Ты должна рассказать мне обо всем поподробнее.

— Не делай вид, что ничего не знаешь. Это отвратительно! Расскажи, в конце концов, как ты все это устроила. Если бы ты видела, как я была напугана, тебе бы сейчас не было так весело. Как ты вошла? Где пряталась?

Ирмела всхлипывала от смеха.

— Я вообще не входила, дитя мое. А была я до восхода солнца у Франчези. Чудное зрелище!

— Ирмела, ты врешь.

— Нет, в нашем с тобой случае было бы ложью, если бы я сказала, что была у вас.

Ада разочарованно смотрела на Ирмелу.

— Это была не ты?

— Не я, дорогая моя. К сожалению. Я бы очень хотела, чтобы это была я. Я могла бы тогда этим гордиться. Но я от вас поехала прямо к Франчези. Добрый Франчези подтвердит. Хочешь, позвони ему!

Ада не произнесла ни слова.

— Признаюсь, очень польщена тем, что вы подумали сразу на меня. Очень благоразумно с вашей стороны. И я тоже подумала бы на себя. Сказки братьев Гримм. "Вестники смерти". Превосходно!

— Да, но кто же тогда?.. Тогда это может быть только Цигаглия!

— Карло — адвокат. Боюсь, что и здесь тебя ждет разочарование.

— Я сейчас же поеду к нему.

— Это бессмысленно, милая моя. Он был со мной у Франчези и не чувствовал никакой усталости. Вместо этого он чувствовал жажду. Я охотно приняла приглашение. Франчези был очарователен.

Ада молчала. Она знала, что Ирмела говорит правду. Не было никакой нужды звонить Франчези.

— Пожалуйста, дай мне сигарету.

— С удовольствием, дорогая.

Ада торопливо закурила.

— Но ради всего святого, кто же это тогда был? Кто на такое способен? И зачем? Что значит этот вздор и смешные угрозы?

— Ну-у, тут есть много вариантов. Из этого всего может получиться миленький шантаж. Такое бывает частенько. Я это применяла уже несколько раз. Вон там, видишь книгу "Смерть после медового месяца"? Я с удовольствием дам тебе ее почитать, если ты...

— Ах, Ирмела, лучше скажи, что нам теперь делать?

— Пока не очень-то многое можно предпринять, сердце мое. Только ждать. Если это была шутка одного из знакомых, то она больше не повторится. А если за этим стоит что-то более серьезное, то случится еще что-нибудь. — Ирмела удовлетворенно облизала губы, предвидя возможные последствия. — Совершенно уверена.

— Тогда я расскажу обо всем полиции, — решительно заявила Ада. — Сейчас же.

— Полиции? — Ирмела презрительно скривилась. В своих книгах она работала исключительно с частными детективами. — В полиции посмеются над тобой. А сделать они ничего не могут. До тех пор, пока у тебя не появятся серьезные происшествия вроде взлома или пары трупов, они и пальцем не пошевелят.

— Но что-то же нужно делать, — беспомощно проговорила Ада. — Знать, что в доме чужой... Ты была моей последней надеждой! Что я скажу Адриану?

Ирмела проницательно посмотрела на Аду.

— А не мог твой разлюбленный муж сам позволить себе эти шуточки?

Ада не сразу поняла, о чем она. Потом нервно рассмеялась.

— Адриан? Это невозможно! Тебе надо было бы видеть, как он на все это реагировал. А чего он хотел этим достичь? И, между прочим, куклу в моей ванной он никак не мог повесить. Это исключено. У него не было возможности пойти в мою комнату. Мы все время были вместе.

— А подельник?

— Ой, Ирмела, ты опять вся в своих романах. Адриан не имеет с этим делом ничего общего!

— Хочется надеяться, хорошая моя, — зло покосилась Ирмела. — Уже произошли самые странные вещи. В настоящий момент я тебе ничего не могу посоветовать, кроме как ждать и держать ухо востро. И если ты хочешь, я как-нибудь осматриву все в вашем доме. Скелет безумно заинтересовал меня.

Ада встала.

— Уже пора обедать. Не хочу тебя больше задерживать.

— О-о, ты меня совсем не задерживаешь. И было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты держала меня в курсе. Я чувю интригу для нового романа.

Ирмела проводила Аду до садовых ворот. Машина тронулась. Ада коротко кивнула. Ирмела не пошевелилась. Только зло сверкнули стекла ее очков.

Господин фон Норинген, чрезвычайно обеспокоенный, направился к телефону и провел несколько переговоров. После этого он сел за обеденный стол рядом со своей женой.

— Все правда, дитя мое. Они были целую ночь у Франчези, с тех пор как уехали от нас. Я говорил и с Карло. Он просто обескуражен нашими событиями.

— У него есть идея, как это все объяснить?

— Ну, он кое-что сказал, что мне кажется вполне разумным. За всем этим могут стоять люди, которые хотели купить этот дом, а теперь не могут простить леди Чистербир, что она продала его нам. Мы все-таки здесь чужие, и, вне всякого сомнения, среди старожилов могли быть люди, заинтересованные в приобретении этого дома. Карло свяжется с леди Чистербир, чтобы узнать, кто еще хотел купить дом. Я думаю, что таким путем мы продвинемся в этом деле.

Ада протянула через стол свою руку и положила ее на руку Адриана.

— Милый, как хорошо, что ты об этом думаешь. Я так волновалась, после того как Ирмела оправдалась. Она еще смеялась надо мной.

— Подруги, — пожал плечами Адриан. — Что можно от них ждать... Я помогу тебе убрать посуду, дитя мое. А мыть не надо, потому что полोजе придет служанка. Я нанял ее на три часа в день. Если она тебе понравится, мы возьмем ее на постоянную работу. Кроме нее придет еще садовник. Он будет появляться один раз в неделю. — Адриан прищурил глаза. — Наверно, будет лучше, если мы за ними все-таки будем присматривать. Хотя они и получили рекомендации от леди Чистербир, но кто их знает.

Они отнесли посуду, потом Ада приготовила кофе. Неожиданно в дверь позвонили.

— Это, наверно, они, — сказал Адриан. — Извини меня, пойду открою.

Садовник оказался угловатым гигантом с простодушными глазами, из речей которого можно было понять только половину. Служанка — кругленькая и бодрая. Ее звали Трудели. Аде пришлось узнать все о ее родственниках уже в первые пятнадцать минут.

— Как тебе Трудели? — спросил Адриан, когда слуги ушли.

— Немного напрягает. Но думаю, можно ее оставить. А как тебе садовник?

— Как раз то, что нам нужно.

— Он тебе не показался подозрительным?

— Нисколько. А как было с Трудели?

— Никак. Безобиднейшее существо... Ну, а что мы сегодня будем делать?

Адриан улыбнулся.

— Я предлагаю сначала погулять по парку и пораньше лечь спать. Перед этим я пройду по дому и запру все двери. В этот раз нас не одурачит ни один призрак.

После ужина Адриан достал свое ружье, тщательно его осмотрел. Обошел парк, пока Ада прибирала на кухне, а затем ждала его в баре.

— Ну?

— Абсолютно ничего.

Они обошли весь дом, закрыли все окна и двери.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес Адриан, — наш ночной покой обеспечен.

Ада украдкой зевнула.

— И заслуженно.

— Я сейчас же буду у тебя, любимая.

Ада исчезла, махая ручкой. Попозже Адриан пошел к ней. Он услышал, как она подошла к двери и повернула ключ.

— Я заперла дверь на замок.

— Очень благоразумно, дитя мое. Все в порядке?

— Да.

— У меня тоже. Думаю, что наши меры дают о себе знать. Если вообще планировались другие козни.

— Ты опять с этим кошмарным ружьем?

— Ну, — усмехнулся Адриан, — само по себе оно не выстрелит. Пойдем в постель.

Ада, блестя глазами, кивнула.

Комната погрузилась в темноту. Только через несколько мгновений они смогли различить бледный четырехугольник окна. Занавески слегка шевелились.

— Ты оставила окно открытым?

— Да, Адриан, оно полуоткрыто. Иначе задохнешься.

— Ты права.

Внезапно Ада повернулась к нему. Он почувствовал ее руки вокруг своей шеи и тоже повернулся к ней. И тут дом пронзил звонок у ворот. Супруги так вздрогнули, что кровать жалобно скрипнула. Звонок прервался и завизжал вновь.

— Включи же свет, — сердито проговорила Ада.

Ругаясь, Адриан нащупал пальцами лампу.

Оба сели прямо в кровати. Ада закрыла руками рот и смотрела на дверь. Адриан — на винтовку на стуле. Через короткие промежутки звонок взвизгивал снова и снова.

— Не знаю, сколько я здесь еще выдержу, — сердито бросил Адриан. — Кажется, мы допустили ошибку.

Нервы Ады оказались на этот раз крепче.

— Не говори так, любимый. Может же иногда кто-нибудь позвонить.

— Только не в это время!

— Может быть, к нам кто-то приехал. Что-нибудь важное. Адриан, я уверена, что это связано со вчерашним розыгрышем. Может, это Ирмела или Карло? Они, определенно, что-то разузнали. Кто еще мог заявиться к нам так поздно?

Адриан уставился на жену, наморщив нос.

— А вдруг господин с гробом придумал новый трюк? И хочет нас выманить.

— Я так не думаю. Тогда ему незачем звонить нам. Давай посмотрим, кто там. Этот перезвон сводит меня с ума.

Адриан гневно опустил с кровати ноги.

— Но парню придется иметь дело со мной, если ему опять вздумается шутить.

— Мы пойдем вместе, — воскликнула Ада и отбросила одеяло. — Я возьму револьвер.

Муж растроганно посмотрел на нее.

— Ты такая мужественная, любимая моя. Пойдем же.

Они набросили на себя пару вещей. Перезвон все еще тиранил их уши.

Адриан схватил винтовку и отправил первую пулю в ствол. Они побежали по коридору к лестнице. Ада на ходу включала все лампочки.

— Завтра я посмотрю, как можно отключить этот проклятый звонок. До костей достаёт, — заметил Адриан.

Площадка перед домом была ярко освещена, и ряд светильников с двух сторон окаймлял дорожку к воротам.

— Из нас получается превосходная мишень, — пробормотал Адриан.

— А разве нельзя открыть ворота, не выходя из дома?

— Можно, если бы я не закрыл их еще и на засов. Лучше тебе туда не ходить.

— Я не оставлю тебя одного.

Под их ногами скрипел песок, и теплый ночной ветер развеивал халаты. Неожиданно перед ними появились ворота, и они остановились. Адриан с шумом вдохнул.

— Кто там? — взревел его голос.

С другой стороны ответили высоким дискантом:

— Это я! Я! Леди Чистербир. Мистер фон Норинген, это вы? Ах, мне так жаль...

— Мы должны впустить ее, — прошептала Ада. — Может быть, она сможет нам что-либо объяснить!

Адриан согласно кивнул.

— Дай мне ключ, да, вот этот, большой. Слава Богу, что она теперь больше не жмет на звонок!

Адриан с трудом повернул ключ в увесистом замке, после чего открыл засов.

Перед воротами стояла фигура в развевающихся одеждах. Леди Чистербир походила на шотландку со старой гравюры: на ней был дождевик и шляпа, напоминающая берет. За ней, на мостовой, стояло такси с зажженными габаритными огнями. Она подошла поближе.

— Мистер фон Норинген, вы что, на кого-нибудь охотитесь?

— Да нет... Мы... Идите сюда, леди Чистербир. Это моя жена.

— Какой восхитительный халатик! — проворковала леди Чистербир. — Мне очень приятно, миссис фон Норинген. Так не хотелось вас беспокоить, но во всей Асконе в гостиницах нет ни одного свободного номера. Я и подумать не могла. И не забронировала номер, представляете? Я бы пришла к вам завтра, в более подходящее время. А сейчас вы — моя единственная надежда. Иначе мне придется ночевать в зале ожидания! — Она скорчила мину обиженной герцогини.

Ада очаровательно улыбнулась.

— Ну, я думаю, что у нас хватит места для леди Чистербир. Не так ли, Адриан?

— Само собой разумеется, леди Чистербир. Пойдемте, миледи.

— Одну минуточку, мне надо отпустить это ужасное такси. О-о, это будет стоить целое состояние.

Адриан хотел предложить ей заплатить за нее, но вовремя вспомнил, что при нем нет денег.

— Я возьму ваш багаж. Ада, будь добра, поддержи ружье.

Теперь Ада была вдвойне вооружена — винтовкой и револьвером.

Адриан пошел за леди Чистербир и ухватился за чемоданы. Такси взревело и удалилось. Ада закрыла ворота и задвинула засов.

— Вы ведь уже были в постели, — жалобно заговорила леди Чистербир. — Если бы я только знала. Это просто скандал.

— О-о, всего лишь пять минут, — ответила Ада. — Не стоит говорить об этом. Очень хорошо, что приехали именно вы. Надеюсь, вы у нас погостите.

— Как мило с вашей стороны, что вы мне это предлагаете. Но завтра вечером мне надо ехать в Женеву. Нужно переночевать только эту единственную ночь. Поэтому я и не заказала гостиницу. Так нелепо все получилось.

Адриан с удовольствием поставил бы чемоданы и передохнул немного, но надо было держаться.

— Скажите мне, ради Бога, зачем вам все это оружие? — спросила леди Чистербир. — Боитесь взломщиков? За восемь лет, которые я прожила здесь, не было ни одного. В конце я даже злилась.

Ада и Адриан обменялись взглядами.

— Взломщиков не было, — пыхтя, проговорил Адриан. — Это вызвано другими обстоятельствами. Хорошо, что вы здесь, леди Чистербир. Произошли некоторые странные вещи. Быть может, вы сможете помочь нам понять, что, собственно говоря, происходит.

— Странные вещи? — удивленно воскликнула леди Чистербир. — В первый раз слышу об этом доме что-либо подобное. Я хотела бы, чтобы со мной произошло что-либо удивительное.

Ада открыла дверь и первой прошла в дом. С силой выдохнув, Адриан поставил чемоданы.

— Надо же, как мило вы все здесь обставили! — воскликнула леди Чистербир.

— Надеюсь, что вы чувствуете себя здесь, как дома, — ответила Ада. — Наверно, вы хотите привести себя в порядок. Мы тоже быстренько оденемся и посидим в баре. Ты не против, дорогой?

— Совершенно правильно, дитя мое.

Адриан вновь ухватился за чемоданы и потащил их вверх по лестнице. Дамы последовали за ним. Леди Чистербир заняла комнату для гостей на стороне Ады.

— Не хотите ли перекусить? — предложила Ада.

Леди Чистербир была согласна. Она проголодалась.

Адриан не спеша оделся. Он взял с собой все, вплоть до куклы-разбойника из ванной комнаты Ады. Когда он вышел в коридор, почти одновременно вышли из своих комнат Ада и леди Чистербир.

— Что это у вас в руках, господин Норинген? Хотите поиграть в кукольный театр?

— Это связано с нашей странной историей, которую мы хотели бы вам рассказать. Но и у вас что-то в руках?

— Я хотела навестить вас завтра утром и преподнести вам мой маленький свадебный подарок, — сказала леди Чистербир. — Это старая картина из Шотландии. Портрет какого-то родственника. Конечно, его давным-давно нет в живых. Мы владели этой картиной более двухсот лет.

— И вы хотите расстаться с ней? — спросил Адриан. — Мы никак не можем принять такой подарок.

— Вы возьмете ее, мой дорогой. Неужели вы думаете, что я потащу ее обратно? Нет-нет, никаких отговорок! А теперь пойдемте. Я, наконец, хочу услышать вашу историю.

Они пошли вниз. Адриан осторожно поставил картину к стене в курительной комнате.

— Я сейчас же к вам вернусь, — быстро шепнула Ада. — Начинай рассказывать.

— Что позволите вам налить? — спросил Адриан.

— Виски, — решительно настояла леди Чистербир. Она сидела на высоком стуле у стойки бара и разглядывала бутылки. — У-у, я вижу "Старого контрабандиста". Давайте его.

— И я его люблю, — ответил Адриан. И вкратце поведал, что с ними случилось. Леди Чистербир слушала с большим интересом.

— Это не подруга моей жены, — закончил рассказ Адриан. — И теперь у нас другая версия, не мог ли это все устроить человек, заинтересованный в покупке дома, чтобы испортить нам таким образом удовольствие обладать им.

— Но больше не было никого, кто хотел бы купить этот дом! — воскликнула леди Чистербир.

Адриан растерянно посмотрел на нее, медленно опуская в фужеры кусочки льда.

— Никого?

— Да нет же. Я обратилась по поводу продажи к доктору Цигаглия. И он сразу связался с вами.

— И никто не знал о ваших намерениях?

— Никто вокруг. Только несколько родственников в Англии.

— И не было официального объявления?

— Не было никакой необходимости, потому что вы сразу решили покупать. Я радовалась, что все так быстро устроилось.

Адриан задумался, покусывая нижнюю губу. Виски золотистыми струйками полилось в фужеры на кусочки льда.

— Да, но тогда... — беспомощно пробормотал он. — Простите меня, но это была наша последняя и единственная возможность объяснить произошедшее. Может быть, здесь есть еще кто-нибудь, кому мы не нравимся?

— Ну что вы, дорогой мой! Людям совершенно все равно, кто живет в этом доме. Нет ли у вас самого какого-либо врага? Или у вашей жены? Некоторые люди очень злопамятны.

Адриан знал, что такое возможно, но не проронил ни слова.

Вошла Ада с серебряным подносом в руках.

— Подумай только, — обратился к ней муж, — леди Чистербир никому не говорила о своем намерении продать дом. Никаких конкурентов, кому можно было бы приписать все события.

— Нет? — Ада выглядела такой же растерянной, каким только что был он. Она в смятии перевела глаза с одного на другую, потом на фужеры с виски. Глаза леди Чистербир последовали за глазами Ады.

— Ну, я предлагаю сначала немного выпить. — Твердой рукой она ухватила фужер. — Может, это поможет нам придумать еще какую-нибудь подходящую версию. Я хотела бы выпить это замечательное шотландское виски за молодоженов!

И тут одновременно произошло несколько вещей.

Леди Чистербир отпила от своего виски большой глоток. Адриан поднял ко рту свой стакан. Ада поставила поднос и взяла свой фужер. Адриан посмотрел на леди Чистербир и увидел, как исчезает с ее лица одухотворенное выражение. И еще он вдруг почувствовал в нежном аромате изысканного напитка чужеродный отвратительный, смертельный запах.

Горький миндаль.

Леди Чистербир закашлялась.левой рукой она ухватила за топаз своей золотой брошки на шее. Фужер упал на пол.

— Ада! — в смертельном страхе закричал Адриан. — Не смей пить!

Ада не пила. Глазами, полными ужаса, она смотрела на леди Чистербир. Лицо пожилой дамы слегка покраснело. Все морщины застыли. Ее тряс кашель. Она хватала ртом воздух, потом потянулась вверх, как будто кислород, которого ей не хватало, был над ней. Затем скорчилась. Ее руки обхватили стул, на котором она сидела, тело рухнуло на него, стул опрокинулся. Леди Чистербир покатила в сторону. Теперь ее кожа имела синевато-желтый оттенок. Она хрипела, все меньше, все ти-

ше, пока совсем не затихла. Глаза были широко открыты и смотрели сквозь потолок.

Ада закричала, уронила свой фужер, побежала вокруг стойки к мужу и прижалась к нему.

Адриан стоял, как вкопанный. Он видел перед собой скончавшуюся женщину, книгу, гроб, и у него было ощущение, что лед лежит не в фужере, а у него между лопатками.

— Это все, комендант, — слабым голосом произнес Адриан. Комендант Сталакарро был полковником полиции кантона. Он с омерзением смотрел на бутылку виски, из которой наливал господин Норинген. В углу сидела рыдающая Ада. Несколько помощников ходили по бару. Один из них, с всклокоченными волосами, фотографировал труп.

— Мы были сегодня вечером на волосок от того, чтобы выпить это виски, — объяснял господин Норинген. — Перед тем, как пойти спать.

— А почему вы этого не сделали?

— Мне захотелось коньяку. И моей жене тоже. И вот... — Адриан сглотнул. — Бедная леди Чистербир.

Сталакарро наклонился. Осторожно откинул крышку гробика. В нем, улыбаясь, возлегал скелет. Глаза Сталакарро осмотрели записку, потом куклу-разбойника. Он взял со стола книгу, полистал ее и пробормотал:

— Вестник смерти. Гм, шуткой назвать все это нельзя ни в коем случае.

— Я полностью поддерживаю ваше мнение, — вытолкнул из себя Адриан. — А я в эти места отправился, собственно говоря, чтобы обрести покой!

— Я тоже, — ответил Сталакарро. — Ну, там видно будет. Леди Чистербир не предупредила о своем приезде?

— Она приехала, как снег на голову. Мы были уже в постели.

— Она ничего не говорила о цели своего приезда?

— Ничего. Только то, что завтра вечером должна отправиться дальше в Женеву.

— Ей что-то надо было уладить, — добавила Ада. — Но что, мы не знаем.

— Возможно, ей надо было к доктору Цигаглия, — предположил Адриан. — Может быть, что-нибудь, связанное с продажей. Я не могу этого сказать.

— Дайте мне адрес господина Цигаглия. И госпожи Цирли тоже.

Адриан продиктовал, и полковник Сталакарро аккуратно записал адреса.

— Здесь у вас больше нет знакомых?

— Нет. Садовник и прислуга заходили сегодня. — Ада назвала и их адреса.

Люди Сталакарро закончили свою работу. Труп леди Чистербир был вынесен. Ада провожала носилки опухшими глазами.

Сталакарро потер подбородок. Он опять рассматривал бутылку виски.

— С очень большой вероятностью можно предположить, что виски препарировал тот же человек, который подбросил книгу и куклу. Совершенно точно, что все эти акции были предназначены вам обоим — не леди Чистербир.

— Но кто все это устраивает? — отчаянно воскликнула Ада.

— Я этого не знаю, уважаемая госпожа. Мы обыскали весь дом, сверху донизу. Но до сих пор не нашлось никакого доказательства, что в дом проникал кто-либо посторонний.

Адриан выпрямился.

— Что вы хотите этим сказать?

Сталакарро улыбнулся, как бы прося прощения.

— Это, например, могло означать, что таким продуманным способом вы и ваша жена убили леди Чистербир.

Господин фон Норинген возмущился.

— Я запрещаю вам такие шутки.

Сталакарро продолжал улыбаться.

— Вы не можете за это обижаться на меня. Криминалист думает сразу в нескольких направлениях. Это в определенной мере его обязанность. Конечно, здесь мог побывать и чужой, следы которого ускользнули от наших поисков. А то, что один из вас хотел бы убить другого, довольно неправдоподобно. Но возможной надо предполагать и версию, что вы оба инсценировали эти смешные угрозы, чтобы вызвать впечатление, будто синильная кислота предназначалась вам. И потом, вы предложили леди Чистербир виски, а сами ничего не пили. Вам понятен ход мыслей?

Адриан опустился на стул и промокнул себе лоб.

— Но это же полный идиотизм! Зачем нам убивать леди Чистербир?

На лице Сталакарро появилась озабоченность.

— Вот именно. Это как раз и не сходится: у вас нет мотива. Покупка ведь оплачена?

— Три недели назад.

— И у вас не было больше никаких обязательств по отношению к леди Чистербир?

— Ни единого.

— Вы были знакомы с ней раньше?

— Я впервые увидел ее на переговорах у доктора Цигаглия.

— Действительно, непонятно, почему вам нужно было убивать леди Чистербир, — пробормотал Сталакарро.

Ада облегченно вздохнула.

— Что же теперь будет? — сдавленно произнесла она.

— Мы изучим все данные, уважаемая госпожа. Я прикажу незаметно наблюдать за вашим участком. Если вам будет угодно, я могу оставить постового в вашем доме, по крайней мере, на следующие три дня. А вы будете сообщать мне обо всех, даже самых малейших происшествиях.

— Я не знаю, останемся ли мы здесь, — сказала Ада и посмотрела на своего мужа.

Он кивнул.

Сталакарро опять улыбнулся.

— Я бы не стал так сразу сдаваться. Теперь за дело взялись мы. Ведь произошло убийство.

— А вы можете заверить нас, что не произойдет второе? — горько спросил Адриан.

Сталакарро встал.

— К сожалению, нет.

Над озером сгустились сумерки, когда все четверо ушли с террасы. Ада пригласила гостей в курительную комнату. Адриан аккуратно отрезал кончик бразильской сигары.

— Прошу вас не помнить зла за то, что я подозревал сначала вас, — обратился он к госпоже Цирли, которая села напротив него. — Вы так весело посвящали нас в разные методы убийств. Вот мы и подумали, что это вы хотели с нами так мрачно пошутить. С вашим-то талантом! Правда, любимая?

— Правда. Но Ирмела вовсе не обижается. Извините меня, я присмотрю за пирожками.

— Наоборот! — воскликнула госпожа Цирли. — Я уже говорила Аде, что завидуя находчивости того, кто это сделал.

— И убийству тоже? — сухо спросил доктор Цигаглия.

— Честно говоря, нет. Синильная кислота в виски — такая избитая тема.

— Но каждый раз без осечки, — пробормотал Адриан.

— Как подумаю, что она умерла мгновенно, — просто ужасно.

— От цианистого калия всегда умирают быстро. Кстати, этот полковник очень к вам приставал? — спросила Ирмела у доктора.

— Все нет, — ответил Карло. — Он был очень доволен моими ответами.

— И моими тоже, — воскликнула писательница.

— Леди Чистербир приезжала сюда, чтобы взять оставшуюся от продажи сумму, которую я хранил для нее. К сожалению, она ее так и не получила.

— А что же теперь будет с деньгами? — с любопытством спросила Ирмела.

— На них теперь набросятся родственники, — объяснил адвокат. — Предположительно, из Шотландии.

Пришла Ада и пригласила всех к столу. Она испекла маленькие слоеные пирожки с мясом. Длинный нос Ирмелы ходил ходуном, втягивая их аромат.

Сели за стол. Ада пожелала всем приятного аппетита. Взялись за вилки, но воспользоваться ими не спешили.

— Что такое? — спросила Ада. — Что-нибудь не так? Соуса не хватает? Вот ворчестерский.

Цигаглия смущенно улыбнулся и продолжал ковырять вилкой в тарелке.

— О-о, тысячу раз прошу прощения, всего хватает, правда. Ради Бога, не портите себе аппетит.

— Ты подумал о синильной кислоте? Да? — спросил Адриан.

— Ты угадал.

— Должен признаться, что и я тоже.

— Это смешно, но... — Ирмела приблизила нос к рагу. — Пахнет нормально.

— Как противно! — воскликнула Ада. — Вы сейчас же будете есть! — Она торпливо проглотила три полные вилки рагу и спросила: — Ну?

— Я вижу, что ты жива, сокровище мое, — улыбаясь, проговорил Адриан. — Прости нас. Это все еще сидит в печенках.

Он начал мужественно жевать. Карло немного подождал, глядя на Адриана, потом тоже начал есть. Ирмела еще пошмыгала носом, приняюхиваясь, прежде чем медленно начала глотать по маленькому кусочку.

— Я вижу, — заметил Адриан, — наш детектив тоже не торопится.

— Я никогда ничего не имею против того, чтобы умерщвлять других, — ответила Ирмела. — А самой умереть не хотелось бы. Но рагу восхитительно, А дочка.

До конца трапезы царил молчание. Когда тарелки опустели, Ада посмотрела вокруг.

— Я вижу, все еще живы.

— Как мило с твоей стороны, что у тебя еще хватает чувства юмора, — улыбнулся Адриан. — А теперь без страха выпьем виски.

Они встали. Доктор Цигаглия извинился и пообещал скоро вернуться. Через вестибюль он пошел к туалету. Еще не совсем стемнело. Цигаглия не стал зажигать свет в маленькой комнате. Он обдумывал события. Его взгляд упал на противоположную стену. В нижнем углу промелькнула чья-то тень.

Сначала Цигаглия подумал, что ему показалось. Мало ли что привидится в сумерках. Он напряженно смотрел в правый угол под раковиной. И не ошибся!

Из угла, прижимаясь к стене, ползла желтоватая полоска. Ее движения можно было бы назвать прямо-таки изящными. Цигаглия разглядел круглое тельце почти полуметровой длины, диаметром сантиметра в три.

Тессинская горная змея. Очень ядовитая. Доктор Цигаглия был в полном тупике. Что делать? Он пойман в туалете дома фон Норингена. Ядовитая змея преградила путь к двери. Оставался один выход — забраться на фарфоровый унитаз.

Он надеялся, что bestия не сможет туда заползти. Горная змея, петляя, приближалась все ближе. Карло смотрел на нее, как загипнотизированный. Она остановилась перед унитазом и подняла голову. Карло понял, что ей к нему не забраться, и ему стало легче. Но он не посмел спуститься вниз. Отвратительная желтая лента двигалась совершенно бесшумно. Она ползла вокруг унитаза, временами останавливаясь, потом ползла дальше. К сожалению, не настолько удаляясь, чтобы Карло отважился прыгнуть к двери.

Он оценил окно: слишком узкое, и, кроме того, на нем декоративная решетка. Он почувствовал под мышками липкий пот. У него дрожали ноги. Объятый паническим страхом, он громко позвал Адриана.

Но прошло много времени, прежде чем он услышал шаги.

— Карло, что случилось?

— Здесь внутри горная змея! — хрипло закричал Карло.

— Что ты сказал?

— Змея! Горная змея!

— Господи, Боже мой! Она укусила тебя?

— Нет, я стою на унитазе. Но не могу добраться до двери. И теперь не вижу, где она. Уже совсем темно!

— Жди! Стой там, где стоишь. Мы сейчас...

Цигаглия сверлил темноту горящими глазами. Где же она сейчас? Огненной стрелой его пронзила мысль, что она все-таки обовьет унитаз и сможет подобраться к ногам. Рубашка прилипла к телу, как компресс. Карло повернулся и положил обе руки на узкий подоконник. Он поднялся на носках и подтянул правую ногу. Долго он в таком гротескном виде не выдержит.

Топящие шаги за дверью! Загремел голос Ирмелы.

— Держитесь, доктор! Мы пришли!

Одуряющий грохот! Кто-то обрабатывал дверь каким-то тяжелым предметом.

— Ирмела! — вскрикнула Ада. — Будь осторожней!

— Да чего там!

Дерево затрещало. Еще один грохочущий удар, и дверь распахнулась. Яркий свет из коридора хлынул в туалет. Карло вздрогнул. Змея спокойно лежала перед дверью. Она начала медленно двигаться, как только на нее упал свет. В двери во весь рост стояла Ирмела. Двумя руками она держала секиру железного рыцаря из оружейной комнаты. Змея приподнялась и, легко скользя, поползла к Ирмеле.

— Осторожно! — закричал Карло.

Ирмела улыбнулась, размахнулась и с грохотом ударила секирой по кафельному полу. Полетели осколки.

Змея была рассечена на две половинки. Обе извивались в дикой судороге. Ирмела, подождав мгновение, стукнула еще раз. Голова рептилии отлетела в угол.

— Вот так, — пробормотала Ирмела. — Спускайтесь, доктор.

Карло оперся о стену. Ноги не слушались его, и ему пришлось сесть. Ирмела схватила его за руку и рывком потянула к двери. Адриан бросился к нему и обнял его.

— Карло, слава Богу, ничего не случилось!

— Ничего, — прошептал Карло.

— Присядь, дорогой мой!

Адриан повел друга к лестнице. Карло опустился на ступеньки. Адриан вернулся к туалету. Ада робко пошла за ним.

Ирмела буравящими глазами осматривала помещение.

— Мне хотелось бы знать, как эта bestия могла сюда попасть. Нигде нет никакого отверстия. Через окно она никак не могла проникнуть — слишком высоко. Разве только через переднюю дверь и через дверь туалета, когда та была открыта... Но я никогда не слышала, чтобы этот вид проникал в дом чело-века.

— Ты считаешь?..

Ирмела посмотрела на подругу.

— Я считаю вот что: кто-то принес ее сюда. Специально.

После ее слов наступила настороженная тишина. Слышно было лишь, как, сидя на лестнице, тяжело дышал Карло.

Адриан растерянно спросил:

— Как же он это сделал?

— О-о, совсем просто. Здесь же есть горные змеи. Если найти и иметь крепкие нервы, можно и поймать. Обыкновенным сачком или чем-либо подобным. А потом ее можно выпустить, где хочешь.

Адриан был бледен, как полотно.

— Идите вниз, — сказала Ирмела, — я унесу то, что от нее осталось.

Не говоря ни слова, Ада с мужем взяли под руки Карло. На негнущихся ногах все пошли к вестибюлю.

В баре Карло выпил три рюмки коньяку, одну за другой. Лицо его начало постепенно розоветь. Через десять минут вернулась Ирмела.

— Ничего подозрительного. Мне тоже что-нибудь нальют?

— Конечно, конечно, — тихо проговорил Адриан.

— Я от всего сердца благодарен вам, — беспомощно улыбнулся Карло. — Если бы она меня укусила...

— И тогда бы вы совсем не обязательно умерли, — трескучим голосом проговорила Ирмела, как будто сожалела об упущенной возможности. — Они не все одинаково ядовиты. Но это был исключительный экземпляр.

— Но как же она могла попасть в дом? — спросила Ада.

— Не знаю, — обессиленно ответил муж. — В этом доме что-то не так.

— Мы должны сказать об этом Сталакарро, Адриан. Мы же должны о любом происшествии...

— Я знаю, дитя мое, — устало отмахнулся Адриан. — Мне уже ничего больше не хочется. Нам просто хотят испортить жизнь, это совершенно точно. Самое лучшее — уехать прочь отсюда.

Ада посмотрела на него с глубокой печалью. Ее глаза подозрительно увлажнились. Ирмела нацелила свой подбородок на хозяина дома.

— Уехать? Ничего не хочу? Да об этом и речи не может быть! Теперь, когда становится так интересно!

— Вам — может быть, — раздраженно ответил Адриан. — Но не нам. Ведь один человек уже убит. На наших глазах. И с Карло это могло случиться. Когда я буду лежать на кладбище, будет слишком поздно.

— Адриан, не говори так!

— А как мне говорить? Этот чудак Сталакарро ничего не нашел. Он не может гарантировать нам, что не будет совершено еще одно убийство. Ада и я здесь совсем одни...

Доктор Цигаглия откашлялся.

— Именно это и надо исправить, хороший мой. Вы двое не можете заглянуть в каждый уголок, не говоря уж о том, чтобы контролировать. Я, хотя это коснулось сегодня и меня самого, придерживаюсь мнения госпожи Цирли: тебе больше не удастся приобрести такие владения. Я бы никогда от них не отказался, несмотря ни на что.

— Что ты предлагаешь?

— Прежде всего, здесь нужен надежный персонал. Лучше всего ваши земляки, на которых вы можете положиться. Чем больше людей в доме, тем больше риска для чужого человека.

— Я хотел первые недели провести с Адой наедине, — с горечью в голосе произнес Адриан.

Ада нежно взяла его за руку.

— Но Адриан, мы все равно должны будем когда-нибудь кого-нибудь нанять.

Господин Норинген мрачно разглядывал поверхность стола.

— Утро вечера мудренее, — наконец сказал он. — Сейчас я слишком раздражен.

— Что же мне тогда говорить? — заметил Карло.

— Конечно, конечно, но поверь мне, что это подействовало на меня так же, как и на тебя. — Андриан сделал слабую попытку улыбнуться. — И только наша уважаемая подруга, кажется, в полном порядке.

— Бой был наслаждением, — сияя, проговорила Ирмела. — Мне бы хотелось, чтобы опять случилось что-нибудь эдакое!

— Завидую вашему душевному равновесию. И только надеюсь, что мои будующие слуги будут обладать таким же.

— Ты обязательно найдешь неподходящих людей, — утешил его Карло. — Если хочешь, мы завтра вместе пойдем и подадим пару объявлений.

— Ты так добр, — отсутствующе пробормотал Адриан. — Но я уже сказал, что это все мне надо обдумать. — Он устало провел руками по глазам. — Уже поздно, друзья мои, пойдем спать.

Доктор Цигаглия встал.

— Извини меня, Адриан, мы слишком задержались, но это виновата история со змеей.

Внезапно Ада спросила:

— А вы не хотите остаться на ночь?

— На ночь? — Даже для Ирмелы это было неожиданностью.

— Почему нет? — Ада посмотрела на мужа. — Комнаты готовы. И вам не надо проделывать этот долгий путь домой. К тому же было бы очень кстати, если бы сегодняшнюю ночь мы провели не одни, Адриан.

Адриан почувствовал себя слегка уязвленным.

— Тебе уже недостаточно моей защиты?

— Конечно, мне ее хватает! Но ты уже столько всего перенес, и тебе нужен покой. А они все равно уже здесь!

Адриан слабо отмахнулся:

— Знаю, знаю, дитя мое. Моей защиты мне и самому уже не хватает. Быть может, это самое разумное. — Он встал. — Адочка, проводи свою подругу и дай ей все, что нужно. А я снабжу Карло всем необходимым для сна.

— Мы еще немного приберем здесь.

— Хорошо, а мы с Карло хорошенько запрем дом.

Мужчины ушли из бара. Ада и Ирмела поставили бутылки на место.

— Кажется, Адриан начинает нервничать, — радостно заметила Ирмела.

— Тебя это удивляет?

— Вообще нет. У него не самая сильная конституция.

— Он хотел укрепить ее здесь, — озабоченно проговорила Ада.

Они встретили мужчин в вестибюле.

Через полчаса каждый лежал в своей постели.

Доктору Цигаглия в левой спальне для гостей не спалось. Он чувствовал себя очень неудобно. Прислушивался к каждому потрескиванию мебели и к каждому крику ночных птиц. Как только начинал дремать, он тут же видел ползущую к нему змею.

В другой комнате на правой стороне Ирмела лежала на спине и курила. Она еще не выключила лампу на ночном столике и с удовлетворением следила за поднимающимся к потолку дымом. Уже кое-что произошло. Значит, произойдет еще что-нибудь, в этом она была уверена. Ее инстинкт на такие вещи никогда не подводил ее.

В пятнадцать метрах от нее спала Ада. Она была единственной, кто действительно спал. Дышала ровно и тихо.

Мозг Адриана напряженно трудился. Что-то было в этом доме, что нарушало его планы и угрожало ему. Чего-то он не учел. Проклятое изнурительное невезение.

Вестники смерти, подумал он. Кто их посылает?

— Горная змея? — спросил Сталакарро. — Уже давно не видел ни одной.

— Вчера у вас была бы такая возможность, — не без сарказма ответил господин Норинген. Он сидел в офисе полковника, держа на коленях шляпу. По его глазам можно было понять, что он думает о полиции кантона.

— Кто же принес ее в дом? — спросил Сталакарро, обращаясь больше к самому себе. — Правду говоря, подозревать можно только четырех человек, тех, что были в доме.

— Рад слышать, — язвительно произнес Адриан, — что, кроме меня и моей жены, появились еще двое подозреваемых. Больше не чувствуешь себя таким избранным.

Сталакарро никак не отреагировал на замечание Адриана.

— А сегодня ночью все было спокойно?

— Впервые. Сожалею, но вынужден признать, что сам немало удивлен.

— Утром вы не заметили ничего подозрительного?

— Ничего.

— Кто сейчас в доме?

— Моя жена и госпожа Цирли. Она не захотела оставлять Аду одну, пока меня нет.

— А доктор Цигаглия?

— Уехал со мной. Ему надо было в свою канцелярию... Скажите, у вас уже есть какие-нибудь версии относительно леди Чистербир?

— Ничего существенного, — ответил Сталакарро. — Она мертва, вот то единственное, что нам известно наверняка. Правда, есть одна маленькая информация. Но она касается не леди Чистербир.

— А кого же?

— Вашей жены, господин фон Норинген, или вас, смотря как к этому отнестись.

— Относитесь, как хотите. Я-то могу узнать, в чем дело?

— Конечно, конечно. Надеюсь, что это вас не слишком расстроит. После убийства я предпринял все необходимые расследования обо всех участниках события. Вы ведь понимаете, не правда ли? Рутинное дело, не более того. Это сегодня делается быстро...

Адриан начал ерзать на стуле.

Сталакарро быстро продолжил.

— Вы, собственно, в курсе, что предыдущий муж вашей жены был убит?

Господин фон Норинген больше не ерзал на стуле. У него опустилась челюсть.

— Убит? Джокастер?

Сталакарро участливо кивнул.

— Джокастер. Двадцать второго июня шестьдесят первого. Поехал в командировку. На следующую ночь был найден в собственной машине. Застрелен. Предположительно, разбойное нападение. Грабеж. Похоже, взялся кого-то подвезти. К сожалению, не того.

У Адриана вдруг пересохло в горле.

— Преступника нашли?

— Пока нет, но, принимая во внимание усердность нашей полиции... — Он не закончил своей мысли.

Господин Норинген, не отрываясь, смотрел на свою шляпу. На лбу заблестели капельки пота.

— Ваша жена ничего вам не рассказала?

Адриан молча покачал головой.

— Ну, я бы сказал, что это разумно с ее стороны. Она не хотела вас расстраивать.

— Не хотела расстраивать, — повторил Адриан.

— И сейчас у вас нет причин для беспокойства. Оба случая, что совершенно очевидно, не связаны между собой. Джокастер пал жертвой простого грабежа.

— Ему вряд ли показалось это таким простым, — с горечью произнес Адриан.

— Конечно, нет, но за событиями в вашем доме стоит, вне всякого сомнения, нечто иное. Нападки направлены на вас обоих.

— Вы не обидитесь, если я назову это утешение очень слабым?

— Ни в коем случае. Я только хотел бы обратить ваше внимание на различные мотивы преступлений.

Адриан встал.

— Благодарю вас, полковник. Вы позволите мне удалиться?

Тот мягко улыбнулся.

— Разрешите дать вам один маленький совет: не упрекайте вашу жену. Она хотела, как лучше. И не забудьте при малейшем подозрении на что-либо поставить меня в известность.

Адриан поклонился и ушел. Когда он выходил из офиса, решение уже было принято. Он поехал в одно агентство и подал объявление. Адриан фон Норинген набирал обслуживающий персонал для своего дома. Объявление должно было появиться в той же газете, где он так заинтересованно читал объявление Ады о желании найти спутника жизни.

Между Белинцоной и Локарно, конечном пункте своего путешествия, у окна поезда стоял молодой человек. Поезд ехал медленно. Был чудный солнечный день.

Молодой человек обдумывал то, что его ожидало. Поезд подъехал к платформе и, мягко тормознув, остановился. Молодой человек ухватился за свои чемоданы, уже стоявшие рядом с ним в проходе, вышел из вагона и огляделся.

Не было никого, кто был бы ему знаком. Он медленно пошел к концу платформы. У локомотива стояла женщина.

— Извините, мадам, — обратился к ней молодой человек. — Позвольте спросить, не вы ли будете от господина Норингена?

Женщина улыбнулась.

— Именно от него. Я — Ада фон Норинген.

— О-о! Тысяча извинений, моя госпожа, я никак не мог ожидать, что вы сама...

— У нас еще нет слуг. Вы — наше первое приобретение. У моего мужа кое-какие дела. А вы господин ла Верне?

— Анастасиус ла Верне. Но Стази уже достаточно, если вам будет угодно меня так называть.

— Пойдемте, Стази, машина недалеко.

Господин ла Верне подхватил чемоданы и последовал за своей новой госпожой. Начало было очень дружелюбным.

Машина, действительно, стояла рядом. Спортивный кабриолет бежевого цвета с красными сиденьями.

— Я поведу машину, госпожа?

— Этого мы не допустим. Вы будете возить моего мужа. А это — моя машина. Я хочу на ней разбиться без посторонней помощи.

— Надеюсь, этого не произойдет, — испуганно произнес Стази.

Он подождал, пока в машину сядет Ада, потом сел сам. Машина стрелой полетела вперед. Стази уперся руками в приборную панель под передним стеклом.

— Откуда у вас такая фамилия? — неожиданно спросила Ада.

— От гугенотов, — ответил Стази. — Они не хотели больше загнивать и покинули Францию и своего Бога.

— Так вы француз?

— Уже давно нет. Столетия превратили меня в германца.

— Какой кошмар. Но, по крайней мере, ваш французский выдержал эти столетия?

— Да.

— Очень хорошо. Какие языки вы знаете?

— Английский и итальянский.

— А сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Двадцать девять? А выглядите моложе.

— Сожалею, моя госпожа, что этот комплимент я не успел сделать первым.

— Вы же не знаете, сколько мне лет!

— И несмотря на это, вы выглядите моложе.

— А почему вас называли Анастасиус?

— Мой отец очень набожен, — ответил Стази. — У него слабость к церковным именам, и он очень милый человек. Но Анастасиуса я ему никогда не прощу.

— Он еще жив? Кто он?

— Он служащий, госпожа. Все ждал пенсии и дождался.

— Чудесно. А вы? Вы понимаете, мне хочется знать, на что тратит деньги мой муж.

— Конечно, мадам. Я учился в школе переводчиков. Потом несколько семестров занимался экономикой, но признаюсь, что ничего не делал и ничему не научился. Тому, что мне действительно нужно, я научился на своих рабочих местах.

— Это чувствуется. А где вы работали?

Стази чутьочку смутился.

— В разных местах. Шофером, автослесарем. Я люблю машины. Потом работал в туристическом бюро, иностранным корреспондентом...

— О-о, вы растете.

— Слава Богу, уважаемая госпожа. Последние два года я работал секретарем в Англии. У сэра Эверетта де Аллингтона. Виски было у него превосходное.

— Значит, карьера авантюриста?

— Да, мадам. Но я на пути к исправлению.

— Женаты?

— Нет. Жениться следует только после завершения образования.

Ада снизила скорость. Когда она снова заговорила, то больше не улыбалась.

— Послушайте, Стази. Мы одни в доме, и, так или иначе, нам нужен персонал. Но то, что мы берем именно вас, имеет другую причину. — Она помолчала. Стази вежливо и внимательно смотрел на нее. — У нас произошли некоторые странные вещи, жутковатые и опасные, такие, что пришлось подключить и полицию.

— Ага, — только и сказал Стази.

— Вам все расскажет мой муж. Я хотела вас только немного подготовить.

Ада притормозила, и машина бесшумно скользнула вдоль каменной стены. Ворота были широко распахнуты. Она въехала в гараж. Стази с восхищением смотрел на большую черную машину фон Норингена.

Ада энергичным рывком поставила машину на тормоз и выключила зажигание.

— *Nous voilà, Monsieur.* Вот, это то, что вы будете водить.

— Такого не было даже у сэра Эверетта.

— Пойдемте. Мы сразу отправимся к моему мужу.

Стази вытащил свои чемоданы. Втайне он надеялся, что идти недалеко. Чемоданы были по некоторым причинам довольно тяжелыми.

Ада шла быстро. Неожиданно она повернулась к Стази.

— Я надеюсь, что...

Ее голос прервался. Стази вздрогнул. Его руки стиснули ручки чемоданов. Из дома донесся глухой грохочущий звук. Кто-то стрелял. Чемоданы с грохотом упали на землю.

Молодой человек со странным именем Анастасиус поддержал Аду фон Норинген, прежде чем она могла упасть. Тело ее дрожало, как в лихорадке.

— Мой муж, — прошептала она. — Мой муж.

Глаза на мертвенно-бледном лице были закрыты. Между ресницами блестели слезинки. Стази подвел ее к своим чемоданам. Один из них был опрокинут. Он осторожно усадил ее на этот чемодан.

— Оставайтесь здесь, я сейчас вернусь.

Казалось, она не слышала его слов. Стази бросился в дом. Он по-другому представлял себе прием на "Квадратной скале". Дверь в дом не была заперта. Он стоял в прихожей. Распахнув наугад одну из дверей, оказался в большой комнате. Никого.

Стази помчался по всем комнатам. Он соображал, что будет делать, если где-нибудь кто-нибудь ждет его с револьвером или с ружьем. Миленькая перспективка. Уже задыхаясь, заглянул в бар, потом на террасу. Пожалуй, он был единственным

человеком на первом этаже. Тут до него дошло, что звук донесся откуда-то сверху. Он побежал наверх и снова начал свои поиски.

Первая дверь — комната для гостей, вторая — пожалуй, тоже для гостей. Стази захлопнул дверь и осмотрелся в коридоре. Ничего подозрительного. Третья дверь находилась с другой стороны лестницы. Просторная приветливая комната с кафелем и никелированной арматурой.

Человек, которого он искал, сидел в кресле в углу комнаты: господин фон Норинген. На коленях древнее ружье с толстым дулом, направленным на дверь, в которую вошел Стази. Адриан не пошевелился. Глаза его были закрыты.

Стази подошел поближе. На седой голове никаких повреждений. И на костюме никаких следов крови. Нигде никакой стреляной раны. И тут господин фон Норинген задышал. Он был жив, двигал губами.

— Клянусь, оно было не заряжено, — прошептал Адриан. — Я знаю точно, что вчера еще оно было незаряженным.

— Господин фон Норинген, — только и сказал Стази.

Старик поднял голову и увидел высокого молодого человека со светлыми глазами и темными волосами.

— Анастасиус ла Верне, — представился молодой человек. — Стази.

Господин фон Норинген не пошевелился. Стази осторожно снял ружье с его колен, перевернул его и понюхал дуло. Оно терпко пахло сожженным черным порохом.

Стази медленно обернулся и увидел, куда попала пуля: на противоположную стену у двери.

— Что случилось? — неожиданно спросил он.

Господин фон Норинген заговорил...

Когда Стази вышел из двери дома, Ада все еще сидела на чемодане там, где он ее оставил. Он подошел к ней и бережно тронул за плечо.

— Ничего не случилось, госпожа, не нужно беспокоиться, господин фон Норинген хотел почистить ружье. Он думал, что оно не заряжено, но оно было заряжено, поэтому и выстрелило, но господина фон Норингена не задело.

Они медленно пошли к дому и потом также медленно прошли сквозь притихший дом.

Адриан все еще сидел в кресле в оружейной комнате. Когда он увидел жену, то попытался встать, но его качнуло, и он ухватился за спинку кресла.

— Извини меня, дитя мое...

Ада подбежала к нему.

Стази остановился и скромно опустил глаза.

— Ты испугалась, любимая, — сказал господин фон Норинген. — Наш господин Стази рассказал мне. Мне так жаль.

— Это совсем не важно, Адриан! С тобой ничего не случилось? Правда, ничего?

— Нет, ничего. Я держал ружье дулом в другую сторону. Не знаю, что и как попало в эту чертову штуку. Я вчера держал ее в руках и, клянусь, она была не заряжена. Кто-то зарядил ружье, — тихо закончил он.

— Да, но — кто же?

— Кто? Ты же знаешь! Тот, кто не хочет, чтобы мы радовались и веселились в этом доме.

Ада молчала. В ее глазах опять появились слезы.

У двери послышалось вежливое покашливание, и Адриан посмотрел в ту сторону.

- Да, мой друг?
- Вы не разрешите мне осмотреть остальное оружие?
- А вы что-нибудь понимаете в оружии?
- Немного понимаю. У моего отца есть небольшая коллекция.
- Пожалуйста. Но не будьте так неосторожны, как я.

Стази снял оружие со стены. У первой винтовки был удален замок. Из нее невозможно было выстрелить. Вторая, пожалуй, была произведена в шестнадцатом веке. Ее фитильное зарядное устройство отсутствовало. Значит, никакого заряда. Третья была еще более старым двухствольным дробовиком с очень красиво изогнутой рукояткой и серебряным окладом. Курки не взведены. Стази повернул рычаг на прикладе винтовки. Стволы откинулись вниз.

Он медленно потянулся и спросил:

— Это ружье тоже не было заряжено, господин фон Норинген?

— Также не было, — устало ответил Адриан. — Я все проверял.

Стази поднял стволы. Оба толстых дробовых патрона упали ему в ладонь. Он зажал их между большим и указательным пальцами и показал присутствующим руку.

Девушка была блондинкой, бессовестно красивой блондинкой. Слишком красивой для горничной. Стази стоял почти на том же месте, где три дня назад его ждал Ада.

Девушка появилась с первыми пассажирами. У нее были сумка и большой чемодан.

Стази оттолкнулся спиной от столба, к которому он прислонялся, и пошел ей навстречу.

— Извините, не имею ли я честь лицемерить фрейляйн Натхолм?

— Ах, вы из "Квадратной скалы"?

— Именно так. Разрешите представиться: Анастасиус ла Верне.

— Анастасиус? — повторила она.

— Да, Стази.

— Я — Корри Натхолм, — девушка подала ему руку и улыбнулась.

Стази посмотрел ей в глаза и почувствовал легкие спазмы в желудке.

— Меня послала госпожа фон Норинген. Она бы и сама встретила...

Девушку это немного озадачило.

— Ее здесь нет?

— Нет. Господа в Асконе по каким-то делам. — Стази подхватил ее чемодан. — О-о, что это там у вас? Посудомоечная машина?

— Нет, атомный реактор.

— Ах, вот в чем дело. Позвольте все-таки попытаться идти впереди.

Девушка весело бежала рядом с ним.

— Вы уже давно у Норингенов?

— Три дня.

— Ну и как?

— Очень увлекательно.

— Надеюсь, не так скучно, как на моем последнем месте.

Стази поставил чемодан, посмотрел на девушку сбоку и понял, что останется в "Квадратной скале" столько, сколько времени там будет она.

— "Квадратная скала" — это все, что угодно, но только не скука. И я надеюсь, что вы не начнете тосковать по скуке.

— Как это? — серьезно спросила она. — Привидения?

— Что-то в этом духе. Я вам потом расскажу. Чемодан немного путает ход моих мыслей.

Они подошли к маленькому автомобилю. Стази поднял чемодан и поставил его на заднее сиденье.

— Интересно, выдержит ли задний мост? Прошу, Корри, если мне можно вас так называть.

— Только если мне можно называть вас Стази.

— Как угодно, только не Анастасиус.

По дороге он узнал, что ее зовут Коррина. Она немка, тридцати двух лет, была воспитанницей в доме своей тетки, потом у одной старенькой, сморщенной баронессы, примерно в той же роли. Баронесса знакома с Адой и уступила ее ей по ее просьбе. Надо же ребенку когда-нибудь начинать самостоятельную жизнь...

Когда они подъезжали к гаражу, Корри тоже уже знала все самое существенное о милом молодом человеке, который встретил ее на вокзале.

— Ну что ж, теперь разделаемся с тобой, ты, чудовище, а не чемодан, — ухмыльнулся Стази.

— Я помогу, — предложила Корри. — Ужасно. Никогда не думала, что платья такие тяжелые.

— Наверно, вес добавляют их цены. Обратите внимание на ботанические изыски по бокам дорожки. Сейчас будет виден и дом.

— Вы мне все-таки расскажите, что же здесь происходит, — полюбопытствовала Корри.

Стази все еще тянул с ответом.

— Да, многоуважаемая прекрасная коллега. Но стоит ли мне опережать господ? Господин фон Норинген и так прочтет вам целую лекцию. Да и мадам тоже. Поэтому прошу сделать вид, что вы ничего не знаете.

— Ой, какой красивый дом, — радостно воскликнула Корри. — Думаю, мне здесь будет очень хорошо. А что это за записка?

— Записка?

— Да, на входной двери.

Записка болталась на одной кнопке на деревянном косяке. Стази поставил чемодан. Их головы соприкасались, когда они читали две строчки, написанные грубыми неумелыми буквами:

"Добро пожаловать на "Квадратную скалу". Не волнуйтесь. Придет и ваш черед".

Стази почувствовал, что Корри смотрит на него.

— Что это такое?

— Не знаю. Но на распоряжение для поварахи это не похоже. Пойдемте наверх. Я покажу вам, где живет фрейляйн Натхолм. — Они вошли в комнату, и Стази поставил чемодан на стул. — Если хотите, распаковывайтесь, а я пока позабочусь о любовной записке и вернусь обратно.

Корри покачала головой ему вслед, потом открыла чемодан. Она слышала, как он идет по лестнице.

Стази открыл дверь на улицу и быстрым взглядом обвел парк. Ничего подозрительного. Он вытащил из кармана носовой платок и накрыл им свои пальцы. Осторожно вытащил кнопку и сложил записку, не оставляя на ней отпечатков. Затем вернулся в свою комнату, положил записку в ящик ночного столика и пошел в комнату Корри.

Комната была усыпана платьями. Он беспомощно огляделся. Корри быстро спрятала нижнее белье в шкаф.

- Черт возьми, да тут половина коллекции от Диора. Вам потребуется еще один шкаф. Можно мне остаться и поглазеть?
- Только если расскажете то, что хотели рассказать.
- В этом доме что-то не так. Будто кому-то очень не нравится, что пожилая чета хочет мирно провести здесь остаток своих дней.
- Корри ничего не поняла.
- Как это? Кому не нравится?
- Пока установить невозможно. Во всяком случае, не полиции для иностранцев. Происходит всякая отвратительная чертовщина. И записка на двери из того же ряда.
- Что за чертовщина?
- Все началось с книги сказок. Но подробности вам расскажет сам господин фон Норинген. Нас, собственно, и наняли, чтобы мы держали ухо востро. Господа напуганы, и мне кажется, важно то, что мы ничего не боимся.
- Вы меня пугаете, — тихо проговорила Корри. — О чертовщине в договоре ничего не упоминалось.
- В моем тоже. Но я думаю, что все эти чудеса — ерунда. Не принимайте близко к сердцу ничего из того, что расскажет вам старик. Насколько я изучил его, он любит откровенность и презентует вам каждый ночной шорох. После этого не убегайте отсюда так уж сразу. Вам ведь тогда опять придется упаковывать ваши тряпки. А я буду очень огорчен, если мне придется прощаться с вами на том вокзале. Я хотел бы начать нашу экскурсию. Не возражаете?
- Через террасу они спустились в парк. Сад был расцвечен пестрыми красками.
- О-о, а нам тоже можно там купаться? — спросила Корри, когда увидела внизу под ними пляж.
- Конечно. Более гуманной семьи, чем Норингены, нам никогда не найти.
- С улицы послышался гудок автомобиля.
- Это гудок благородного "бентли"! Опустить мост! Поскакали навстречу лордам!
- Вы были в Англии?
- Служил там, мисс. Два года. Все еще хочется ездить по левой стороне и очень хочется виски!
- Они быстро пошли вверх по дорожке навстречу хозяевам. Адриан и его жена шли рука об руку от гаража к дому.
- Ада внимательно и спокойно посмотрела на девушку.
- Стази поклонился.
- Это фрейляйн Натхолм. Я позволил себе показать ей сад и дом.
- Корри шагнула вперед и слегка присела в книксене, когда господа подали ей руки.
- Мы очень рады, милое дитя, — сердечно произнес господин фон Норинген. — Вы, наверно, голодны. Моя жена позаботится о вас.
- Вы уже видели вашу комнату? — спросила Ада.
- Господин Стази уже показал мне ее, милостивая госпожа. Она великолепна.
- Отлично. — Адриан потер руки. — Тогда мы вот что сделаем, моя дорогая. Сначала с фрейляйн Натхолм побеседуешь ты, а я попозже добавлю кое-что еще.
- С удовольствием, Адриан.
- Корри и Стази последовали за господами, почтительно соблюдая расстояние.
- Пойдем наверх и немного поговорим? — спросила Ада. — Или вы умираете от голода?
- Нет, госпожа. Я ела в вагоне-ресторане.

— Прекрасно. Тогда идемте.

Раздался резкий звонок у входной двери.

— Это, наверно, повариха, — заметил Адриан и поднялся. — Я пойду наверх. Откройте дверь, Стази. И садовник должен еще придти.

Хотя повариха и Стази были уже знакомы, он все еще смотрел на нее с явным недоверием. Можно ли было подозревать ее? Едва ли. Но все-таки надо за ней присматривать, Присматривать надо за всеми.

Обедали часом позже. Говорили мало. Корри не поднимала глаз, и Стази заметил, что она бледна.

— Думаю, надо разрешить обоим обедать с нами, — сказала Ада после обеда. — Ну, если только будут гости, тогда... Как ты думаешь, Адриан?

— Полностью согласен.

— Тебе нужен господин Стази после обеда?

— Думаю, что нет, любимая.

— Тогда было бы очень хорошо, если бы он помог мне, когда придет садовник... Давай немного приляжем?

Господин Адриан последовал за женой. Корри начала собирать посуду. Стази, подмигивая, наблюдал за ней.

— Ну что, невкусно было?

— И вы еще спрашиваете? Удивляюсь, что вообще смогла что-то проглотить. После того, что узнала!

— Было так страшно?

— Но послушайте!

— Тсс, — он приложил палец к губам. — Потом, на улице. А сейчас всю посуду быстро вон!

Стази помог ей отнести посуду на кухню, и повариха начала ее мыть.

— Пойдем немного погуляем, — предложил он, взял Корри за руку и повел ее вниз к купальне. Они сели у воды. — Вот так. Откройте мне вашу душу.

— Кажется, вы слишком легко на все это смотрите, — упрекнула его Корри. — Я тоже могу многое вынести, но меня это потрясло. Стази, что все это значит?

Он поднял камень и бросил его в воду.

— Я здесь всего лишь три дня. Откуда мне знать? Я тоже был озадачен.

— Но должно же это иметь хоть какой-нибудь смысл. Это же не шутка. Синильная кислота, и леди...

— Чистербир.

— Она умерла от синильной кислоты.

— Да, — сказал Стази, — вы совершенно правы. Не может это быть шуткой. И это не шутка. То, что здесь творится, — какая-то дьявольская игра. Я не знаю, зачем, и не знаю, кто это делает. За три дня я все здесь осмотрел, сверху донизу. Никого здесь нет, кроме них двоих. Нет и места, где мог бы спрятаться чужой человек. Ни в доме, ни в парке. Похоже, он поднимается из ада и опять исчезает.

Корри растерянно посмотрела на него и вдруг решительно проговорила:

— Я не останусь здесь. Об этом не договаривались.

— Есть и другие обстоятельства, о которых не договаривались, — заметил Стази.

— Какие?

Он притянул ее к себе. Она сопротивлялась немного, но потом уступила. Стази поцеловал ее и забыл и про дом, и про вестников смерти.

— Например, это. Останься, Корри. Мы справимся.

Она посмотрела на него и начала улыбаться.

— Я подумаю.

Вечером Корри была на кухне. На террасе она услышала шаги. Кто-то вошел в комнату перед кухней. Корри не хотела оборачиваться, но все-таки заставила себя. Сердце ее гулко стучало.

Но это оказался господин фон Норинген.

— О-о, я вас напугал?

— Нет, нет, — торопливо ответила она.

— Мне было бы очень жаль. — Адриан по-отечески улыбнулся. — Моя жена и все остальные все еще в саду. Она придет через полчаса. Будьте так добры, накройте стол для ужина. Я буду наверху в каминной комнате.

В парке господин ла Верне шел за Адой и садовником. Он должен был записать, что хозяйка хотела приобрести для парка и сада.

Садовник попрощался, когда они закончили запись, и Стази проводил Аду в дом.

— Как мило, что вы помогли мне, — сказала она. — Я люблю цветы.

Они вошли в дом через парадный вход. Из столовой доносилось тихое позвякивание. Это Корри расставляла посуду.

— Уже можно ужинать?

— Конечно, госпожа.

Корри надела поверх своего платья белый фартук, и Стази нашел, что он ни в коем случае не уменьшил ее обаяния.

— Где мой муж?

— Наверху. В каминной комнате.

— Ах, Стази, вы не позовете его?

— Слушаюсь, госпожа.

Стази пошел по коридору к лестнице. Он прислушался у правой двери, прежде чем постучать, но за ней не было ни звука. И на стук никто не ответил.

Стази нахмурил лоб. В его лице появилась злая угроза. Потом он решил, открыл дверь и... остался стоять на пороге. Его тело ослабло и налегло на дверной косяк, губы задрожали.

Никакие вестники смерти не могли больше взволновать господина фон Норингена. Он был уже на другом берегу.

Адриан сидел в том же кресле, где сидел, когда ружье выстрелило у него в руках. У его ног лежала старинная винтовка. Тело свешивалось влево, и голова свесилась в том же направлении.

Глаза фон Норингена были широко открыты, как будто он хотел получше рассмотреть стрелу, вонзившуюся в его сердце.

Сталакарро был в вязаных перчатках. Он стоял в каминной комнате дома Норингенов в нескольких шагах от мертвеца. В руках он держал арбалет, из которого стреляли в господина фон Норингена.

— Я все время думал, что это оружие годится только для детских игрушек.

Анастасиус ла Верне показал на мертвеца.

— Он, наверно, тоже так думал.

Полковник посмотрел на него.

— Вы не трогали арбалет руками?

— Я толкнул его ногой, когда хотел подойти поближе.

— Зачем?

- Посмотреть, не жив ли он еще.
- Вы его не трогали?
- Нет. Уже не было необходимости.

— Превосходный медицинский диагноз! — воскликнул Сталакарро, повернулся и подошел к стене. Между двумя копьями висел колчан. Рядом на обоях выделялись два крючка. Он повесил на них арбалет. — Здесь его место. Пожалуй, преступнику не хватило времени. — Он наклонился. Под арбалетом висело приспособление для его зарядки: рычажное устройство с железным зажимом. Сталакарро снова снял арбалет со стены и попытался натянуть тетиву рукой. Стази наблюдал, как исказилось от напряжения его лицо.

— Не получается, — пробормотал тот и приладил на арбалет заряжающее устройство.

Рычаг медленно повернулся назад, сработало натяжное устройство, и тетива вновь была натянута. Сталакарро снял зарядное устройство и потянул курок. Струна ударила вперед, и несколько мгновений было слышно ее жужжание. Стази непроизвольно посмотрел на погибшего.

— Странно, — удивился Сталакарро. — Как же это он спокойно наблюдал, пока убийца обстоятельно заряжал арбалет, вкладывал стрелу и целился в него? У вас есть объяснение?

— Даже два, — спокойно ответил Стази.

— Ну?

— Во-первых, арбалет уже был заряжен, и стрела была уже в нем. Она не может выпасть, если висит прикладом к стене...

— Во-вторых?

— В комнате был кто-то, кого господин Норинген хорошо знал. Сидя в кресле, он объяснял устройство арбалета, или убийца делал вид, что его очень заинтересовало древнее оружие, и, шутя, зарядил его.

— Гм, и я так думаю. Шутя. — Сталакарро взял стрелу из колчана и неслышными шагами пошел к господину фон Норингену. Приставил свою стрелу к стреле, торчавшей из груди мертвеца. Они были совершенно одинаковые. — Ну, пока все ясно. К сожалению, это всего лишь самая малая часть необходимого знания. Где госпожа фон Норинген?

— У себя в комнате. Она совершенно изнемогла. Нам пришлось отнести ее в постель. Не знаю, в сознании ли она. У нее там врач и фрейляйн Натхолм.

— Горничная, которая работает с сегодняшнего дня?

— Да.

Сталакарро подошел к камину, положил стрелу назад в колчан. Потом осторожно положил арбалет на курительный столик и, сняв перчатки, указал на покойника:

— Фрейляйн Натхолм была одна с ним в доме?

— До тех пор, пока мы не вернулись из сада, да. Если только здесь не было чужого.

— Я пока никого не видел.

— Вы не находите, что это диковатые шуточки? До сих пор подозревать в совершении убийства можно только вас и горничную. А вы здесь только три дня, а фрейляйн Натхолм только один день.

— Но вся эта чертовщина появилась уже давно!

— Чертовщина? — тихо проговорил Сталакарро. — Бессмыслица. Леди Чистербир мертва — зачем? Норинген мертв — зачем? Бессмысленно все это. Но я доберусь до причины всех этих несчастий... Пойдемте!

— Пригласите фрейляйн Натхолм! — приказал полковник. — И помогите доктору, если ему что-нибудь будет нужно.

Стази повиновался. Он постучал в дверь комнаты госпожи Ады и вошел. Сразу после этого оттуда вышла горничная.

Корри непринужденно смотрела на Сталакарро. В уголках ее глаз виднелись слезы.

— Фрейляйн Натхолм?

— Да.

— Я полковник Сталакарро. Мы можем пройти в вашу комнату?

— Конечно, — она открыла дверь рядом со спальней госпожи Ады. — Извините, здесь еще не... Я приехала только сегодня утром.

— Я об этом слышал, — со значением сказал Сталакарро. — Можно присесть?

— Конечно, конечно, прошу вас.

— Приехала сегодня утром, — задумчиво продолжал Сталакарро. — И сразу вот эдакое.

— Ужасно. — В ее словах не чувствовалось никакой фальши. — Он был таким милым.

— Вы останетесь здесь?

— Не знаю. Думаю, нельзя оставлять госпожу фон Норинген в беде...

Сталакарро одобрительно кивнул.

— Так будет правильно с вашей стороны. Вы можете сейчас ответить на несколько вопросов?

— Конечно.

— Когда господин ла Верне встретил вас на вокзале, он рассказал вам что-нибудь о событиях в доме?

— Да, на вокзале он сделал несколько намеков. А когда мы приехали... А-а, да, конечно, там была записка.

— Записка?

— Да, на двери дома висела записка. С угрозами. Господин ла Верне хотел ее забрать, пока я распаковывала вещи.

Сталакарро вытащил из кармана кончиками пальцев записку и подошел к Корри.

— Это она?

— Да, похоже.

— Что еще?

— Потом он мне еще кое-что рассказал. Якобы кто-то что-то имел против наших господ. Много чего случилось — чертовщина какая-то, сказал он, и еще что-то о сказке "Вестники смерти".

Сталакарро кивнул.

— Так, а еще что?

— Больше ничего. Он сказал, что господа мне все сами расскажут, а он хотел только подготовить...

— И вам господа все рассказали?

— Да. Я была очень напугана. Сначала хотела уволиться и уехать, но господин ла Верне удержал меня.

— Когда это было?

— После обеда. Мы были вместе на пляже. Господа спали.

— Дальше!

— Мы пошли назад. Я в свою комнату, а господин ла Верне хотел пойти в гараж, что-то сделать с машинами. Потом господа пили кофе на террасе. А затем пришел садовник.

- Когда это было?
- Около четырех часов. Я ему открывала. Они все вместе пошли в парк.
- Все?
- Да. Я осталась одна в доме. Убиралась на террасе, застилала постели, ой, потом еще писала письмо.
- Можно узнать, кому?
- Баронессе, у которой служила до этого.
- Вы написали ей об этих событиях?
- Корри энергично помотала головой.
- Это слишком сильно взволновало бы ее. Она знакома с госпожой фон Норинген!
- Очень хорошо. Рассказывайте дальше.
- Около шести я пошла на кухню, чтобы приготовить ужин. Повариха приходит только в обеденное время или если бывает какой-нибудь прием. Потом вошел господин фон Норинген.
- Когда?
- Она пожала плечами.
- Должно быть, в седьмом часу. Он сказал, что жена, господин ла Верне и садовник еще на улице, а мне следует подготовить все к ужину. Он будет наверху, в каминной комнате.
- Вы все время были на кухне?
- Да. Когда я закончила готовить ужин, то понесла в столовую тарелки и поднос. Но тогда уже вернулись Ада и Стази.
- И вы ничего не видели и не слышали? Ни шороха? Ни человека?
- Ничего, правда, ничего.
- Вы говорите, что все время были в доме, до тех пор, пока не пришел господин фон Норинген. А потом были только с ним?
- Корри немного опустила голову.
- Должно быть, так.
- Не волнуйтесь, — ободряюще произнес Сталакарро. — Здесь произошло уже много необъяснимых вещей. Убийца был здесь. Совсем близко от вас. И, конечно, это к лучшему, что вы его не видели.

“Бентли” бесшумно подкатил к portalу. Стази поставил машину на тормоз и выключил зажигание. Затем выскочил из машины и открыл заднюю дверь.

После церемонии похорон Ада была очень бледна. На ней был черный костюм, шляпа с вуалью и никаких украшений. Стази поддерживал ее, пока она вылезала из машины. Доктор Цигаглия выбрался с другой стороны и обошел вокруг машины. Он взял Аду под руку. В другой руке у него была папка внушительных размеров.

— Мне пройти с вами в дом? — спросил Стази.

Ада благодарно посмотрела на него.

— Вы очень добры, Стази. Ничего, доктор Цигаглия поможет мне.

Стази слегка поклонился и закрыл дверцу машины. Медленными шагами Ада и доктор Цигаглия пошли к входу в банк. Стази из-за машины смотрел им вслед. Адвокат открыл дверь. Ада вошла, и тяжелая дверь портала мягко закрылась за ними.

Ада и ее спутник дошагали до зала с многочисленными окошечками. Цигаглия проводил ее к одному из кресел.

Он обменялся несколькими тихими словами с господином за барьером. Господин удалился. Цигаглия стал ждать. Через минуту господин вернулся. Они снова пошептались. Цигаглия пошел к креслу, в котором сидела Ада.

— Прошу вас, пройдемте с нами.

Они не спеша последовали за господином. Лифт поднимал их с приятной осторожностью. На верхнем этаже они подошли к обтянутой кожей двери. Безмолвный сопровождающий нажал на кнопку звонка. Вспыхнула надпись на стеклянном табло. Господин открыл дверь, поклонился и удалился.

Директор банка Волтези был невысок ростом и улыбочив. Чувствовалось, что он склонен к хорошему настроению, и у него были на то все причины — они касались его состояния. Серьезное выражение лица, которое сейчас приличествовало моменту, давалось ему с трудом. Он поспешил к Аде, поцеловал ей руку.

— Дорогая, уважаемая, досточтимая госпожа — у меня нет слов! Простите мне. Эта потеря... — Он умолк.

Ада одарила его слабой улыбкой. Цигаглия и банкир Волтези подвели ее к креслу и бережно усадили.

— Прошу, доктор.

Цигаглия тоже сел. Серьезное выражение его лица полностью соответствовало моменту.

— Мы вам очень обязаны за то, что вы были так добры и приняли нас сразу, господин Волтези.

Руки директора запорхали со всей страстью.

— Прошу вас, доктор, не заставляйте меня объяснять само собой разумеющееся.

Цигаглия открыл свою папку.

— Убежден, что, для того чтобы уладить наши формальности, не понадобится много времени. Я уже вчера говорил вам по телефону, что речь идет о личном счете почившего господина Адриана фон Норингена, который был клиентом вашего банка. Я — его полномочный исполнитель завещания. — Доктор Цигаглия вытащил узенькую папочку из своего большого портфеля и открыл ее. — Позвольте мне зачитать. В четвертом абзаце завещание гласит, что личный счет оставляющего наследство в случае его смерти должен перейти во владение его супруги — право наследования госпожи Ады фон Норинген подтверждено документально, завещание прилагается. Госпожа фон Норинген, само собой разумеется, хотела бы остаться клиенткой вашего высокопочитаемого банка. Тем самым, я полагаю, переносу личного счета ничто не... — Цигаглия задержал дыхание. Что-то в лице директора заставило его замолчать. На круглом лице не осталось и следа от улыбочивости. Только полнейшая растерянность. — Что такое, господин директор?

— Я глубочайшим образом сожалею, уважаемая госпожа... — Банкир выхватил носовой платок, и промокнул лоб.

Ада насторожилась.

— Что-то не в порядке, господин Волтези?

— Вовсе нет, формально все в порядке. Только вот... — он обратился к Цигаглия с выражением искреннего отчаяния, — только вот после вчерашнего разговора я велел принести мне все документы. Вот они. Я хотел...

Цигаглия потянулся головой вперед. Его лицо стало квадратнее.

— Мы можем узнать, о чем идет речь?

— Конечно, конечно, уважаемый доктор! Я мог бы проинформировать вас еще вчера, но посчитал, что будет лучше, если сообщу обо всем лично. Простите меня. — Он передохнул и открыл папку. — Господин фон Норинген обналичил все ценные бумаги двадцать седьмого июля. В тот же день он снял деньги наличными и погасил счет.

- Двадцать седьмого июля? — тихо переспросил Цигаглия. — За день до своей смерти?
- За день до своей смерти, — повторил директор банка. — Я бесконечно сожалею, господа. Не мог и предположить... Я думал, что вам это известно...
- Мой муж ничего мне не сказал, — прошептала Ада. — И вам ничего, Карло?
- Ни слова, — резко произнес Цигаглия. — То, что я здесь услышал, застало меня врасплох. Когда был здесь господин фон Норинген?
- Двадцать седьмого до обеда, в обычное рабочее время.
- Цигаглия повернулся к Аде.
- Вы можете вспомнить?
- Из-под вуали на него смотрели совершенно беспомощные глаза.
- Двадцать седьмого?.. Это было за день до его... Как же. Помню. До обеда... Он сказал, что ему нужно уладить какую-то мелочь. Очень скоро вернулся. Привез мне шоколадные конфеты.
- Он ездил один?
- Да. Он всегда ездил один, чтобы не терять навык, как он говорил.
- Цигаглия уставился на банкира.
- Господин фон Норинген часто бывал здесь?
- Редко. Очень редко. И изменения в счете были очень незначительными.
- Учитывая обстоятельства, вы, я думаю, не намерены назвать нам сумму счета?
- Почему нет, почему нет? — Казалось, Волтези был рад услужить хоть чем-нибудь. — Госпожа является наследницей, кроме того, счет закрыт. — Его коротенькие пальцы скользили по документам. — Господин фон Норинген обладал акциями швейцарского банка, еще акциями...
- Сумма! — взревел Цигаглия.
- Да, да. Сумма. Весь пакет мы обналичили — минуточку — за девятьсот пятьдесят тысяч франков!
- Цифра эхом отозвалась в голове Цигаглия. Не говоря ни слова, он посмотрел на Аду. Она не открывала глаз.
- А сколько было на безналичном счете?
- Семьдесят пять тысяч франков.
- Их он тоже снял?
- Тоже.
- Миллион двадцать пять тысяч франков, — пробормотал Цигаглия, — были сняты за день до смерти. Что это может значить?
- Ада открыла глаза. Руки впилась в подлокотники кресла.
- Но что же он со всем этим сделал?
- Волтези участливо посмотрел на нее.
- Пятьдесят тысяч франков он взял с собой.
- Наличными? Но у него же ничего не было... Я имею в виду... Мы у него ничего...
- Цигаглия вытянул шею.
- А остальное?
- Остальное господин фон Норинген перевел в другой банк. В Цюрих.
- Лицо доктора Цигаглия просветлело. Он посмотрел на Аду.
- О-о, я начинаю понимать. Предполагаю, что он хотел сделать эти деньги более доступными для вас. После того, как над ним нависли все эти угрозы. — Он рывком повернулся к Волтези. — Счет. Счет в том банке открыт на его имя?

Директор банка уменьшился в размерах, как будто хотел найти укрытие за своим столом.

— Мне очень жаль сообщать вам, что перевод был сделан на тайный номерной счет.

— Номерной счет?

— Номерной счет.

Ада молчала. И Цигаглия тоже молчал. Ему было ясно, что скорее рухнет весь мир, чем швейцарский банк выдаст тайный вклад.

Стази ждал у открытой дверцы машины. Ада поблагодарила его слабой улыбкой, а Цигаглия с каменным выражением лица бросил:

— На "Квадратную скалу"!

— Хорошо, господин доктор.

Когда Стази тронул машину с места, Цигаглия поднял стекло, отделяющее переднее сиденье шофера от заднего. Стази часто смотрел в зеркало заднего вида, как это и полагается шоферу. Цигаглия что-то возбужденно внушал Аде.

Не очень веселое настроение, думал Стази. И были в банке не так долго, как им того хотелось.

— Должна же быть причина, — говорил Цигаглия на заднем сиденье. — Обещаю вам, я разыщу эту причину. И сделаю все, чтобы добраться до денег...

— Как только сделать это? — прошептала Ада. — Он мне всегда все говорил. Он так доверял мне.

— Он хотел вам об этом сказать. Я уверен. Он чувствовал опасность, хотел все объяснить, но убийца опередил его!

— Убийца. Мне так страшно, Карло.

— Вам нечего бояться.

Справа появился каменный забор "Квадратной скалы", потом ворота. Стази приостановил машину, открыл ворота. Быстро оглядел парк. Как знать, могло случиться еще что-нибудь.

И вправду, очень интересный дом. Нескучный. Не надо уходить с этого места. А что, если Аде придет в голову мысль отказаться от шофера? Невозможно представить себе, как можно оставить здесь в одиночестве сладенькую Корри.

Стази подъехал к дому. Из двери вышла Корри и улыбнулась ему, очень мило, но нельзя было не заметить. Они помогли Аде выбраться из машины.

— Вы не обидитесь, доктор? — спросила Ада. — Я должна прилечь. Мы можем попозже...

Цигаглия был само понимание.

— Я подготовлю все необходимые документы, и буду сообщать вам о каждом результате.

Ада благодарно улыбнулась.

— Стази, пожалуйста, отвезите доктора домой.

— Слушаюсь!

Ада медленно пошла с горничной к дому. Доктор опять сел в машину. Раздельное стекло не опустил. Стази видел, как он вытаскивал из портфеля бумагу за бумагой и читал их, наморщив лоб. Выходя из машины, он протянул Стази пятифранковую монету.

Не спеша, Стази поехал назад. В гараже было тихо и прохладно. Спортивный автомобиль госпожи Ады стоял покинутый. Стази задумчиво рассматривал его. Потом опустил стальные ворота и закрыл гараж на замок.

В парке никого не было. Перед дверью Стази покопался в карманах, ища ключ. Дверная ручка зашевелилась и дверь тихо открылась. Это была Корри.

Она приложила палец к губам.

— Тихо, она спит.

Стази улыбнулся.

— Классная горничная, в самом деле. Я уж испугался, что кто-то выскочит с алебардой, и я окажусь следующим на солнечном кладбище.

— Ты чудовище! Я и так боюсь! Хочешь внушить мне еще больший страх?

— Честно говоря, у меня несколько другие планы.

Стази закрыл дверь, поцеловал Корри и целовал ее так долго, что она отстранилась от него, упершись в него руками.

— Что случилось? Мне казалось, что мадам спит.

— Это не повод, чтобы четверть часа целовать меня.

— Это было всего лишь минуту. У тебя найдется для меня кофе?

— Я сварю тебе чашечку. Но только не шуми. Что было в банке? — спросила Корри на кухне.

— Потрясающе. Они шагали в банк, как герцог и герцогиня в Букингемском дворце. Старый Цигаглия выглядел так, будто хотел купить этот банк, и у него еще останется мелочь на бриллиантовую диадему для Ее Величества. Но когда они вышли... Что-то там у них не получилось. Мадам шла с закрытыми глазами, как будто ее вела собака-поводырь, а доктор — ему, пожалуй, сделали инъекцию соляной кислоты.

— Господин ла Верне, ты не знаешь жалости.

— Пока мы ехали, он говорил с ней, как на исповеди, а она лежала на подушках и изображала умирающую. Видно, плохо было дело под сводами несгорающего шкафа. Она тебе что-нибудь сказала?

— Ничего. Только чтобы ты позаботился о лодке на пляже.

— О лодке? — удивился Стази. — Хочет сбежать на другой берег?

— Не знаю. Она только сказала, что хочет, чтобы лодка была на ходу.

— Хорошо. Я подготавливаю ее к плаванию. Все равно совсем нечего делать. — Он поцеловал ее в лоб. — Пока! Если буду нужен, я — в гавани.

Стази сидел в баре у окна и пил виски, в которое положил побольше льда. Время от времени он поглядывал на озеро и на свои часы.

Проверещал звонок. У двери стоял полковник Сталакарро с каким-то неизвестным человеком.

— Госпожа дома?

— К сожалению, нет. В открытом море. Катаются с Корри на лодке. Не хотите ли войти?

Сталакарро протиснулся в дверь.

— Мой ассистент, фельдфебель Хадик. А это господин ла Верне, секретарь Норрингенов.

— Очень рад, Хадик, — сказал Стази. — Но я всего лишь шофер у мадам. Мертвым чаще всего не нужны секретари. Может быть, господа пройдут со мной в бар? Госпожа фон Норринген несколько не будет возражать, если я налью вам виски.

— Хорошо, — согласился Сталакарро.

Стази придвинул к столу еще два стула.

— Какую марку предпочитаете?

— Любую шотландскую, только не ту, которая прикончила леди Чистербир.

— Я не думаю, что эта марка все еще в доме.

Стази придвинул обоим фужеры и сел. Они осторожно выпили. Стази держал пустой стакан перед собой и рассматривал его. Потом весело посмотрел на остальных.

— У меня такое чувство, что я все еще жив.

— Надеемся, что и останетесь таковым, — сухо проговорил Сталакарро. — Я хотел бы оставить Хадика здесь, в доме. Мне кажется, это будет разумно.

— Это полностью совпадает с мнением госпожи фон Норинген, — заметил Стази. — Я тоже считаю это правильным. Я очень стараюсь, но не могу быть везде одновременно. Господин Хадик может спать в одной из комнат для гостей. Он может выбрать восточную сторону или западную, в зависимости от политической ориентации. И, если мне будет позволено добавить, на восточной стороне он будет ближе к госпоже Норинген.

Хадик не изменил выражения лица.

— Это мы обсудим позже. — Сталакарро посмотрел на часы.

— Я безутешен, что вам приходится ждать. Если бы только госпожа знала... — Стази встал и широко распахнул ставни. Солнце залило комнату. Стази приставил руку к глазам. — Ну, вот. Галера в зоне видимости. — И показал пальцем на озеро.

Катер был удален от берега метров на сто пятьдесят и как раз делал красивый поворот. От винта за палубой образовывались небольшие волны. Было видно, что Корри сидела сзади за рулем, а Ада возлегалла на пляжном кресле около надстройки каюты. Девушка направила катер к берегу, потом повернула лодку и начала выписывать красивые петли по бирюзовой воде.

— Она проделает еще парочку фигур, — с сожалением произнес Стази, — вода притягивает. Надеюсь, хватит... — Он хотел сказать бензина, но слово застряло у него в горле. Полицейские высунули головы в окно и услышали глухой щелчок. Катер затрясся, как будто его протаранили. Лег на бок, покачнулся назад и потерял управление. Они увидели, как вскочила Ада. Потом со стороны руля поднялось облако серо-коричневого дыма. Безобразное грязное пятно под чистым голубым небом.

Катер начал тонуть. Бортовой мотор медленно приближался к поверхности воды и также медленно начал выступать из воды киль.

Они услышали, как закричала Ада, и почти одновременно рванулись к двери. Стази был намного моложе и сильнее остальных и быстрее всех оказался на берегу. Подбежав к воде, он пристально вгляделся вдаль. Там виднелась всего лишь одна голова, голова девушки. Но вот исчезла и она. Стази не решился прыгать в воду, не зная, где искать обеих. Но он стал быстро сбрасывать с себя одежду. Через несколько мгновений голова девушки вновь появилась над водой и вновь исчезла. Но по характерным движениям Стази понял, что девушка ныряет и выныривает, значит, она ищет Аду. Стази бросился в воду и поплыл в том направлении, где за жизнь госпожи боролась ее горничная. Он плыл, и время от времени поднимал голову, чтобы проверить, в правильном ли направлении плывет. Подняв голову в первый раз, он никого не увидел, но услышал голос Сталакарро, который кричал, что девушка и госпожа правее. Стази несколько изменил направление и, опять подняв голову, услышал крик о помощи и увидел две головы над водой. Значит, девушка вытаскила Аду на поверхность, но не в силах справиться одна с наверняка обмякшим телом. Стази удвоил усилия, отчаянно работая руками и ногами.

Девушка выбивалась из сил, она все-таки услышала голоса полицейских, кричавших ей, что Стази уже рядом и вот-вот поможет ей. Надо продержаться еще чуть-чуть, еще чуть-чуть и еще чуть-чуть. Полицейские тоже не теряли времени даром. Сталакарро руководил заплывом Стази и успевал быстро осматривать берег в поисках второй лодки.

— Ищите, Хадик, должна быть еще одна лодка. Посмотрите в тех кустах. Действительно, в кустах была привязана к маленькой деревянной пристани небольшая плоская легкая лодочка.

— Отвязывайте скорее. Торопитесь, Хадик. Помощь понадобится и гувернантке. Она уже теряет силы.

Девушка, действительно, потеряла много сил, да и ослабела духом. Было очень страшно и за себя, и за госпожу, тело которой, казалось, все больше наливалось тяжестью. Уже теряя всякую надежду удержать тело на поверхности, она хотела крикнуть еще раз, и ей казалось, что она кричит "на помощь, Стази!", но над водой тихо несло только "О-оо, а-аа". Тут ее и подхватил Стази.

— Отпусти госпожу, ляг на спину и отдохни немного.

Отплыв несколько метров от Корри, Стази понял, что и девушку опасно оставлять одну посередине озера. Неизвестно, сможет ли она сама себя удержать на поверхности. Он огляделся вокруг и увидел, что полицейские уже подплывают к ним на лодке. Корри тоже поняла, что помощь близка, и воспряла духом. К ней вернулись силы и уверенность в себе. Она энергично заработала руками и даже стала догонять Стази. Они почти одновременно поравнялись с лодкой. Корри ухватилась за край лодки с одной стороны, Стази и Сталакарро втащили Аду в лодку с другой. Сталакарро повернул ее лицом вниз, и из ее рта потекла вода.

— Хадик, быстро гребите к берегу!

Хадик помог Корри забраться в лодку. Потом он отчаянно заработал веслами, пытаясь разогнать потяжелевшую лодку. Сталакарро еще никогда не приходилось возвращать к жизни утопающих. Но беда заставила его действовать почти автоматически. Уложив тело госпожи Ады на обессиленные ноги Корри, он стал делать искусственное дыхание.

Вот Ада захрипела, и все с радостной надеждой уставились на нее. Послышался хриплый кашель, Ада открыла глаза. Мало что воспринимая, она обвела блуждающим взором присутствующих и слабо простонала.

— Дышите, дышите, Ада! Все будет хорошо.

Когда лодка уткнулась в берег, Сталакарро приказал:

— Хадик, быстро к телефону, пригласите врача.

Хадик уже бежал на подкашивающихся ногах.

Тут приплыл и Стази. Сталакарро и Стази обхватили Аду и понесли к дому. Корри шла неверными шагами, трясясь больше от пережитого страха, чем от холода, и старалась не отстать от мужчин.

Аду внесли в гостиную, положили на диван, укрыли махровой простыней. Стази сбегал в бар, принес ее любимое виски. Она сделала два глотка, и вскоре щеки ее начали приобретать натуральный цвет.

Доктор осмотрел Аду и прописал ей несколько дней полного отдыха, побольше лежать, принимать успокоительные средства, а если состояние позволит, пройтись по парку.

Сталакарро не терял времени, но следов преступника опять не нашел. Хадик нырял по его приказу несколько раз и, поскольку катер лежал неглубоко и очень удобно для обследования, быстро установил причину катастрофы. В днище катера, рядом с мотором, зияла дыра. Такие последствия могло вызвать только взрывное устройство. Но кто его поставил, да еще с часовым механизмом! Кто воплощает против жильцов этого несчастного дома свой злодейский замысел? Дело принимало все более бессмысленный и запутанный характер.

Корри приступила к выполнению своих обязанностей через пару часов после жуткого купания.

Стази не терпелось поговорить с ней.

— Как дела? Как себя чувствуешь? Ты держалась молодцом! Мадам будет веч-но тебе обязана. Ты спасла ей жизнь.

— Я плохо соображала, что делаю. Но помню, что если бы ты не появился, все кончилось бы совсем по-другому. — Корри содрогнулась от воспоминаний. — А сейчас я боюсь. Во мне сидит жуткий, отвратительный страх. Я знаю, что вновь что-то произойдет. Мы ничего не можем сделать.

— Мне тоже не так хорошо, как тебе кажется. Просто я делаю вид, — согласил-ся Стази. — Но страх — это не то, что может нам помочь. Если мы будем начеку, то ничего с нами не случится. Может быть, она решит переехать отсюда, и тогда...

— Нет. — Корри говорила ровным спокойным голосом убежденного в своей правоте человека. — Она не переедет.

— Она тебе это сказала?

— Она хочет остаться здесь, пока все не прояснится. Пока она не узнает, кто убил ее мужа.

— Я понимаю ее. Тонкая женщина. Доброй ночи, Корри.

Когда Корри несла какао наверх, Хадик стоял у окна в коридоре.

— Добрый вечер, фрейляйн, — вежливо проговорил он. — Не обращайтесь на меня внимания.

Он все еще стоял на том же самом месте, когда Корри вновь появилась из ком-наты госпожи Ады. Она посмотрела вдоль коридора на другую сторону, на дверь Стази, но не увидела полоски света.

— Доброй ночи, господин Хадик.

— Доброй ночи. Как дела у нашей досточтимой госпожи?

— Она очень устала. В остальном неплохо. Скоро заснет.

Хадик кивнул. Корри пошла в комнату и плотно закрыла дверь.

Хадик тоже отправился в комнату для гостей. Не зажигая света, он сел к окну и закурил трубку.

Он был вполне доволен собой. Редко ему удавалось пожить так благородно, и никогда еще он не участвовал в расследовании такого дела, как это.

Если ничего не предпринять, на "Квадратной скале" никого не останется, и ма-клер по продаже земли опять может неплохо заработать.

Что же все это значит?

В доме завелся какой-то призрак, живой, жаждущий крови, невидимый при-зрак. Чужой человек, который здесь никому не известен, и все-таки знающий каж-дый уголок. И леди Чистербир, надо было бы поверить в это, — запоздалая месть за то, что продала дом Норингенам. Это убийство не по ошибке. Ни в коем случае!

И старик уже мертв. А его жена должна стать следующей жертвой.

Девушка и этот вертопрах шофер спасли ее, они вне подозрений. Доктор Цига-лия — юрист, пожалуй, поостережется превратиться в преступника.

Но у Хадика была своя версия, от которой он не хотел отказываться: эта писа-тельница, Цирли! Для нее нет ничего интереснее, чем воплотить в жизнь один из ее детективов и понаслаждаться всласть. Черт ее знает, как она это делает, но это она. Надо было давно ее арестовать. Нет доказательств, есть доказательства — сразу бы стало все ясно, если бы она сидела взаперти, и чудеса тут же прекратились бы. В тюрьме раскалывались и не такие.

Трубка погасла. Хадик вспомнил, что он здесь не только для того, чтобы курить, встал и вышел в коридор. Проверил весь второй этаж. Безуспешно. Нащупывая сту-

пеньки, спустился вниз. И здесь обследовал помещение за помещением, бесшумно, осторожно. В баре пахло виски, в библиотеке — книжной пылью, на кухне — луком и ополаскивателем. Вот и все новости.

Пройдя через террасу, Хадик вышел из дома в парк. На весь круг его инспекции ушло минут пятнадцать, замечательная прогулка. Но он опять ничего особенного не заметил, кроме пряного воздуха и жалобных криков ночных птиц.

Хадик вернулся в свою комнату так же тихо, как и вышел. Аромат табака все еще висел в комнате. Поспать пару часиков было бы просто замечательно.

Прежде чем включить свет, он запер оконные ставни. Вспыхнули лампочки, и Хадик сразу почувствовал, что кто-то побывал в комнате.

На его ночном столике лежал прямоугольный клочок белой бумаги. Он медленно подошел к нему. Неуклюжие печатные буквы, и, конечно, никаких отпечатков: БЕССМЫСЛЕННО, ХАДИК. ОНА ВСЕ РАВНО УМРЕТ. ВЕСТНИКИ СМЕРТИ.

Стази проснулся от того, что кто-то барабанил в его дверь.

— Да? — спросил он растерянно.

— Это я, Корри.

— Минуточку! — Его часы показывали пять минут восьмого. — Что случилось?

— Тебе надо подготовить маленький автомобиль и вывести его из гаража. Мадам поедет в город сразу после завтрака.

— В город? Она в состоянии ехать в город на второй день после такого купания? Доктора хватит паралич.

— Он сам себя и вылечит. Мадам нужно уладить что-то важное. В общем, делай, что тебе говорят!

Через десять минут Стази вышел в коридор.

На него смотрел полицейский.

— Доброе утро, господин Хадик. Как прошла ночь?

— Отлично.

Полицейский был мрачен, словно у него начался приступ желче-каменной болезни.

— Вы сегодня ночью были в коридоре?

— В коридоре? — Стази помотал головой.

— Слышали какие-нибудь звуки?

— Да, кто-то бегал около дома. Но я предположил, что это вы, и сразу заснул. Что-нибудь не в порядке?

— Все в порядке.

— Это меня очень радует, — облегченно произнес Стази. — А теперь простите меня, мне надо в гараж.

Хадик пошел на нижний этаж. Ему нужно было отчитаться перед Сталакарро, а один из телефонов стоял в курительной комнате. Хадик был уже в вестибюле, когда на лестнице послышались шаги.

Ада спустилась вниз и, не оборачиваясь, пошла к входной двери. У Хадика было такое чувство, что ему надо пойти за ней и поговорить или просто без слов сопроводить ее, но он услышал, как хлопнула входная дверь, и пошел к телефону.

Сталакарро безмолвно выслушал его. Хадику трудно было рассказывать о записке, которая так внезапно появилась, пока он разгуливал по ночному парку.

— Будьте вдвойне внимательны! — сказал Сталакарро. — Я приеду сегодня после обеда и останусь на ночь. Что-то не нравится мне эта записка. У Норингена все начиналось так же.

Когда Хадик вышел из курительной комнаты, из коридора его позвала Корри.

— Хотите завтракать, господин Хадик? Стази тоже сейчас...

Они повернули головы. У входной двери стоял Стази.

— Хочу есть! — крикнул он.

— Машина в порядке? — спросил его полицейский.

— В полном. Я бы ее продал как новую.

— Она уехала?

Стази посмотрел на него непонимающими глазами.

— Кто уехала?

— Госпожа фон Норинген, конечно. Она ушла из дома десять минут назад.

— Ее не было в гараже. Я ее не видел.

Нависло недоброе молчание, потом Корри резко вскрикнула. Ее крик вывел мужчин из оцепенения.

— Пойдемте! — приказал Хадик. — Быстро в парк!

— Я пойду с вами, — девушка ухватила за Хадика. — Боюсь оставаться здесь одна.

— Может быть, там вы испугаетесь еще больше, — проворчал он, потянул ее за руку и поставил за дверь. — Стойте здесь. Если что-нибудь увидите, кричите. Вперед, ла Верне! Идите к воротам и не пускайте никого ни внутрь, ни наружу.

Стази побежал к воротам. Хадик направился направо к гаражу. Обе стальные створки гаража были плотно закрыты.

В конце дорожки Стази увидел спортивный автомобиль госпожи Ады с откинутым верхом.

— Никого! — крикнул он.

Хадик сделал ему знак оставаться на месте, а сам вошел в гараж. Бензиновый угар ударил ему в лицо. На левой стороне сверкал своим чудным лаком "бентли". На полке у задней стены лежал чистенький, аккуратно разложенный инструмент. Втайне Хадик надеялся найти ее здесь, но гараж был пуст.

Он прошел по дорожке к спортивному автомобилю Ады и спросил у Стази:

— Это вы подогнали машину сюда, к воротам?

— Да, я почти всегда это делаю, если она хочет ехать. Она не любит ездить задним ходом.

— А потом?

— Потом я пошел назад, в гараж. Закрыл ворота и вернулся в дом.

Хадик повернулся, его глаза начали обшаривать все вокруг. И вдруг он увидел следы на траве. Они вели прямо в густой кустарник.

Хадиду не пришлось идти слишком далеко. Между двумя кустами гардении, нежно благоухающей своими чудными соцветиями, лежала Ада фон Норинген. Она упала прямо вперед, как внезапно потерявший сознание гвардеец на параде. Лодочки ее туфель лежали каблучок к каблучку, костюм едва помят, как будто она и после смерти хотела остаться леди. Ее сумочка лежала слева, закрытая, блестящая, нетронутая.

Из-под левой лопатки торчала рукоятка. Узкая рукоятка стилета. Маленькое изящное орудие убийства, какое могла бы предпочесть такая изящная дама, как Ада.

Хадик посмотрел на свои часы. Семнадцать минут девятого. Он осторожно подошел к труп и встал на колени. Вокруг рукоятки ножа образовался на материале костюма круглый влажный ореол. Совсем немного крови. Пощупал пульс на запястье — уже никакого пульса. Хадик пошел по своим собственным следам назад. Когда он достиг дорожки, то жестом позвал ла Верне. Стази быстро подбежал к нему.

— Она лежит за кустом. Колотая рана. Нападали сзади.

— Вот, значит, что бывает, если полиция в доме и за всем следит, — пробормотал Стази. — Поздравляю, господин Хадик.

Хадик не ответил. У него в голове рождалась какая-то важная мысль, еще не дошедшая до сознания, но это было очень-очень важно. Почему он ее никак не может сформулировать?

— Извините, — устало произнес ла Верне, — мне можно туда пройти?

— Пожалуйста, не надо. Будет лучше, если больше никто не будет топтаться во круг. Помочь вы ей уже ничем не сможете.

Резким движением Стази достал сигарету. И в этот момент до Хадика, наконец, дошло, что он хотел сделать.

— Оставайтесь здесь, — воскликнул он. — Никого туда не пускайте. Я сейчас вернусь. — И сорвался с места.

Корри увидела приближающегося полицейского. Страх комом стоял в горле. Хадик отодвинул ее в сторону и помчался по коридору в курительную комнату. Он еще раньше заметил блокнот, в котором были записаны все самые важные телефоны.

Ирмела Цирли: 7-21-01.

Хадик набрал номер и, пока ждал, постарался успокоить дыхание.

— Алло, — произнес грубый голос.

— Госпожа Цирли? — спросил он.

— Да.

Хадик медленно сел. Лицо его побелело.

— Кто там говорит?

— Фельдфебель Хадик из полиции кантона.

— Ах, какая радость. Чем могу служить?

— Я хотел бы узнать, не у вас ли госпожа Норинген.

— Ада? Нет. Пока нет. Но она должна приехать с минуты на минуту. Я жду ее. Мы договорились на половину девятого.

— Вы ждете ее? — Хадик сглотнул.

— А что?

— А-а... ничего. Благодарю вас. Мы вам позже позвоним.

Хадик сидел на своем стуле совершенно подавленный. Через некоторое время он снова набрал номер.

— А где ла Верне? — спросил Сталакарро. Они стояли перед мертвой госпожой Адой фон Норинген.

— Наверху. У девушки. Истерика. Она кричала, как резаная.

Пришли фотографы, потом мужчины с носилками.

— Пойдемте, — сказал Сталакарро. — Здесь уже больше нечего делать. — Когда они вышли на дорожку, он поинтересовался: — Записка, которую вы обнаружили сегодня ночью, у вас?

Хадик осторожно вытащил записку.

Сталакарро развернул бумажку.

— Отпечатков пальцев, конечно, нечего искать. Определенно, та же история, что и с предыдущими записками. — Он еще раз прочитал текст и пробормотал: — Вестники смерти. Они недолго заставили себя ждать. Ваша комната была заперта во время обхода?

— Нет, я не думал, что именно ко мне...

— Да ладно, все в порядке. Парню, наверно, доставляло очень большое удовольствие заранее объявлять об убийствах.

— Я мог бы поклясться, что, кроме нас четверых, в доме не было ни одной живой души. Всегда чувствую, если кто-нибудь оживает поблизости.

— Гм. Мы оба в этом случае не заслужили ни капельки славы. И если в ближайшее время не заполучим преступника, нам не останется ничего другого, как поливать цветы.

Они подошли к воротам. Сталакарро осмотрелся вокруг.

— Здесь стоял автомобиль?

— Да.

— Она шла тем же путем, что и мы сейчас. Убийца завлек ее в кусты. Выглядит все так, как будто ему не пришлось применять силу. Потому что...

— Она знала его!

Сталакарро согласно кивнул. Он рассматривал следы протекторов в песке. Вдруг они услышали гул мотора и визг тормозов перед воротами: пожаловала Ирмела Цирли. В темно-красном костюме. На голове у нее была белая шапочка гонщика, которая делала ее лицо еще более угловатым.

— Черт в гости, — прошептал Хадик.

— Доброе утро, господа! — пролаяла она. — О-о, господин Хадик, мы с вами уже сегодня беседовали. — Ирмела заковыляла к Сталакарро. — Рада вас видеть, полковник! Ваше присутствие всегда внушает мне уверенность.

— А вы чувствуете неуверенность? — спросил Сталакарро.

— Само собой разумеется! Представьте себе — днем и ночью я окружена моими любимыми преступниками и убийцами! Тут любой полицейский покажется лучом света! — Она переводила взгляд с одного на другого. — В такую рань уже все в заботах о "Квадратной скале"?

Сталакарро не ответил на ее вопрос, а задал свой:

— Могу я спросить, что привело вас сюда?

— Я ищу Аду.

— Почему?

— Мы должны были с ней встретиться. Она обещала появиться у меня не позднее половины девятого. Я сказала об этом господину Хадик, когда он мне звонил. А теперь уже почти десять! Она не приехала. Она всегда так пунктуальна...

— Когда вы договорились о встрече?

— Вчера после обеда. Ада позвонила мне и рассказала мне эту чрезвычайно интересную историю со взрывом в лодке. Она была в полной растерянности, бедненькая. Она же не умеет плавать. Если бы не девушка, ее уже не было бы в живых.

— Ее и нет в живых, — тихо проговорил Сталакарро.

Сообщение произвело на Ирмелу такое впечатление, как будто умерла одна из героинь ее романа.

— Нет в живых? Мне долго пришлось бы ждать ее! Она простудилась в воде? Я же говорила, что эти врачи...

— Ее закололи. Здесь, в парке.

Ирмела уставилась на Хадика.

— Поэтому вы звонили мне! Хотели узнать, дома ли я.

— Находите эту версию такой уж невероятной? — спросил Сталакарро. — Вы все-таки наследуете теперь хорошенькое состояние. И этот парк, в котором она была убита, теперь наполовину ваш.

Ирмела посмотрела вокруг.

— И в самом деле! Я об этом не подумала ни одной извилиной мозга. Стою на собственной земле.

— Именно так.

Ирмела и не старалась скрывать свою радость.

— Бедная Ада! Если бы я только знала, что она хотела мне сказать. Как ее закололи?

— Сзади. Стилетом. Убийца заманил ее в парк. Она, по всей вероятности, знала его и доверяла ему.

Ирмела развела руками.

— Стилет! Какой разносторонний убийца! Каждый раз применяет новое оружие.

— Верно, — скривил лицо Сталакарро. — И я с интересом жду, что он придумает для новых обитателей дома.

Через три дня Аду похоронили рядом с ее супругом. Духовник не напрягался, произнося траурную речь: он только подчеркнул всю трагичность случая, которая привела супружескую чету после такого короткого счастливого брака к трону Господа.

Стази держал Корри за руку, а она, прямая и бледная, не отрываясь, смотрела на гроб. Доктор Цигаглия стоял рядом с госпожой Цирли прямо у могилы. Ему было ясно, что между ним и дополнением к завещанию больше никого не было, но это его совсем не радовало.

Ирмела не отставала от него после похорон.

— Мне кажется, нам есть что обсудить!

— Сейчас? — раздраженно спросил он.

— Почему бы и нет? Наша милая покойница вряд ли будет сердиться на нас, если мы сделаем это.

Он сделал попытку с достоинством отказаться.

— Думаю, что для нас обоих это очень важно, — с наслаждением продолжала Ирмела. — Чем скорее мы уладим дела, тем лучше. Кто знает, кто из нас будет следующей жертвой.

Цигаглия с неприязнью смотрел на нее, мысленно содрогаясь, что отныне он должен находиться с ней в постоянных деловых отношениях. Но однажды ведь придется с ней все обсудить. Лучше уж сразу.

— Вы правы, — сказал он. — Надо рационально использовать время. И это будет в стиле Ады, если мы сразу обсудим, как поступим со слугами.

В офисе Цигаглия Ирмела уселась на самый удобный стул. Она сняла шляпу и обмахивалась ею, как веером.

— Не вылезает из траурной одежды! При такой жаре!

Выражение лица Цигаглия не выдало его мыслей. Он обстоятельно открыл свой сейф и вытащил папку с завязками.

Ирмела не давала ему сказать и слова.

— Как вы знаете, я говорила с Адой по телефону за день до ее смерти. Слава Богу, что удалось хотя бы это. Она очень нервничала и была чрезвычайно возбуждена событиями в лодке. Боялась, что покушения будут продолжаться. Ада сказала, что если с ней что-нибудь произойдет, то она просит выполнить ее последнее желание, — чтобы в доме оставили в услужении девушку и шофера, если, конечно, они этого захотят. Ведь Корри и Стази спасли ей жизнь. Прежде всего Корри. — Увидя насмешливое выражение глаз адвоката, Ирмела смолкла. — Что такое, доктор? Вы не согласны?

— Я совершенно ничего не имею против, — с сарказмом ответил Цигаглия. — Верные слуги сейчас на вес золота. Невозможно представить себе, что они будут выброшены на улицу без всяких средств. Только боюсь, что они не такие уж бедные.

— Что вы имеете в виду?

Цигаглия злорадно улыбнулся.

— Наша высокоуважаемая усопшая проявила о них заботу. За спасение ее жизни фрейляйн Корри золотой медали не получила, но приобрела сто тысяч франков. Ирмела выпрямилась, даже prognулась в поясице, и поджала тонкие губы.

— Сто тысяч франков?

Цигаглия вежливо кивнул.

— А вы говорите! Но это еще не все! За те пятьдесят метров, которые ему пришлось проплыть, ла Верне получил двадцать пять тысяч франков.

Глаза Ирмелы вылезли из орбит.

— С какого счета?

Адвокат потер руки.

— Я так и подумал, что вы это спросите. Сто двадцать пять тысяч франков со счета госпожи Ады. На следующий день после покушения она поручила мне совершить эту транзакцию. У меня были на этот случай банковские полномочия. Правда, придут еще дня два, прежде чем эта сумма дойдет до меня.

Ирмела не нашлась, что сказать, и Карло с удовлетворением отметил это обстоятельство.

— Но я могу рассеять ваши огорчения, — продолжил он. — Остаток личного счета Ады составляет четыреста тридцать тысяч франков. Тут у вас дела обстоят намного лучше, чем у меня, моя дорогая. На счету моего друга нет такой суммы. И так как я не имею никаких прав на то, чем владела Ада...

— Вам удалось выяснить, что сделал Адриан со своими деньгами?

— К сожалению, все еще нет. Но я имею все основания надеяться, что добьюсь в этом вопросе ясности. На это нужно время. В нашей стране не так просто разобраться в банковских делах убитых.

Ирмела больше не слушала. Ее губы двигались, она считала:

— Четыреста тридцать тысяч. Я думала...

— Вы думали, что там больше. — Цигаглия взял плотно исписанный листок. — Там и было больше. Банк охотно предоставил мне эту информацию, так как мне, согласно завещанию, поручено вести дела. Ада обладала вначале семьюстами пятьюдесятью тысячами франков. Сто двадцать пять тысяч переходят к ла Верне и фрейляйн Натхолм. Но кроме этого...

Паника в лице Ирмелы все возрастала.

— Кроме этого?..

— Один раз она сняла со счета двести тысяч франков. Тридцать первого июля. За день до похорон ее мужа. Почти одновременно с Адрианом, погасившим свой счет. Это было двадцать седьмого июля.

— Вы видите здесь какую-то связь?

— Пока нет. Но, вне всякого сомнения, какая-то связь существует. Я в этом твердо убежден. Очень надеюсь, что ваше детективное чутье поможет нам продвинуться в этом деле. — Он отложил листок. — Ну-с, у вас нет причин печалиться, уважаемая, если не считать смерти вашей подруги.

То, как Ирмела держалась, вовсе не свидетельствовало о глубине ее страданий.

— А что же с общим счетом?

Цигаглия пренебрежительно отмахнулся.

— Мелочь по сравнению с остальным. Сто сорок тысяч франков. По семьдесят тысяч на каждого из нас! И надо еще покрыть текущие расходы, не говоря уж о моем гонораре.

Казалось, Ирмела выдержала удар.

— Мы с вами как-нибудь договоримся, — кратко пояснила она. — А что меня в первую очередь интересует, и почему я попросила этого объяснения, так это "Квадратная скала". Я хочу переехать в этот дом.

Теперь был черед адвоката потерять дар речи. Он откинулся в кресле. Ошеломление в его лице мало-помалу уступало место откровенному восхищению.

— Да, но свой дом вы хотите оставить?

— Ни в коем случае. Летом — "Квадратная скала". Зимой — у себя.

— В этом доме? Несмотря на три убийства и полдюжины покушений?

— Именно поэтому. — Ее глаза сверкали, как фальшивые бриллианты. — Разве вы не понимаете, доктор? Уникальная возможность! Вот уже тридцать лет я заполняю страницы за страницей выдуманными трупами и ложными убийствами. Я отправила на тот свет пол-армии, в уме. Все не настоящее. Все фантомы! А теперь такой шанс! Настоящие, взаврадашние убийства! Три холодных трупа, которые можно потрогать! На глазах у нашей превосходной полиции! Это будет моим великим романом! Я уже пользуюсь некоторым успехом, но это будет моим памятником!

Цигаглия откашлялся.

— Надеюсь, не вашей могилой!

— Не бойтесь! Я еще планирую потоптаться на этой грешной земле.

— Норингены думали точно так же.

— У них не было ни фантазии, ни силы, чтобы защитить себя от убийц. У меня есть своя версия. Я воплощу ее в романе. Убийца хотел выгнать Норингенов из дома. Сначала угрозами, потом силой. Если бы они его продали, то остались бы в живых. Почему он должен прогнать меня?

— Я не знаю, — ответил Цигаглия. — Но точно так же не знаю, какой была причина прогнать Аду и Адриана.

— О-о, тут найдется много причин: старые враги, месть, старая ненависть. Темные пятна есть в жизни каждого человека. Что я знала о Норингене? Что вы знали о его жене? Ничего!

Адвокат задумчиво наблюдал за восторженной сочинительницей криминальных романов.

— Конечно, конечно. Но не менее возможным мне кажется то, что убийца хочет прогнать любого из этого дома, независимо от того, кем он был раньше и что он натворил.

— Какой в этом смысл? Какая выгода от пустого дома?

— Я не могу себе этого представить.

— Вот именно. Поверьте мне, деньги интересуют меня во вторую очередь — я и сама кое-что скопила. И поэтому хочу спросить у вас, как у совладельца, согласны ли вы с тем, что я вселюсь в этот дом?

— Согласен.

— Прекрасно. Ла Верне и девушка пусть остаются. Все равно кто-нибудь будет нужен. Мы выполним волю Ады. — Она наклонилась вперед, и дьявольская улыбка появилась на ее лице. — Ну как, доктор, вам не хотелось бы тоже провести лето на свежем воздухе? Или вам лучше остаться здесь, в мире пыльных актов и бумаг? Разве у вас нет желания разгадать тайну?

Цигаглия отстранился от нее.

— Ради Бога, мне достаточно воспоминаний о змее в туалете, чтобы решительно отклонить ваше предложение. Нет уж, я останусь здесь.

— Я так и думала. У вас не хватает мужества для приключений. Жаль, дорогой мой, очень жаль. Что же вы будете делать? У вас те же права, что и у меня. Продать

имение мы можем только в том случае, если оба будем с этим согласны. У меня нет и мысли о продаже. А у вас?

Адвокат соединил кончики пальцев и наклонил голову. В его глазах появилось лукавство.

— И я об этом не думаю, многоуважаемая госпожа. Но у меня к вам вот какое предложение.

Ирмела слушала его с величайшим вниманием.

— Цигаглия вот-вот придет, — сказал Анастасиус ла Верне.

Он сидел в углу столовой и наблюдал, как Корри придавала празднично накрытому столу последние штрихи изящества. Серебро и фарфор блистали. Корри отошла назад и полюбовалась своей работой.

— Пять блюд, — продолжал тем временем Стази. — Добрый Сталакарро перепутает все приборы. Я не думаю, что полицейского часто приглашают на обед, где подают пять блюд.

Корри поправила изысканно сложенные салфетки.

В тишине было слышно торопливое постукивание пишущей машинки.

Стази указал большим пальцем наверх.

— Если она будет и дальше так стараться, то еще сегодня вечером узнаем, кто же убийца на "Квадратной скале". Ну и рвение!

— А еще хладнокровие, — деловито подчеркнула Корри. — Пять дней назад похоронили ее подругу. По ее утверждению, лучшую подругу. Позавчера она переехала в дом. А сегодня дает праздничный обед.

Стази пренебрежительно щелкнул пальцами.

— Лучшая подруга! У женщин это значит — самая безобидная. А сегодняшней обед — это своего рода благодарность за наследство. Полковник и адвокат для такого случая в самый раз. И мы тоже. Может быть, убийца среди гостей?

Дверь была чуточку приоткрыта. Из кухни доносился звон посуды. Время от времени повара что-то бормотала себе под нос.

Корри закрыла дверь.

— Стази, — едва слышно произнесла она. — Цирли получила дом по завещанию. Как ты думаешь, это она убила Аду?

Он засунул руки в карманы смокинга и посмотрел в глаза девушки снизу вверх.

— Думать можно все, что угодно. Надо знать наверняка. Конечно, Цирли могла быть в парке. Вопрос только в том, как это она так быстро попала к себе домой. Может быть, у нее кто-то был, кому она заказала убийство. Или это адвокат — из своих побуждений.

— Цигаглия?

— Не исключено. Ему тоже приходится половина. Людей убивали и за меньшие деньги.

— Если бы я только знала, кто это, — отсутствующе произнесла Корри.

— Чего доброго, еще остановятся на мне и обвинят в убийстве, — заметил Стази. — Надеюсь, где-нибудь поблизости есть комфортабельная тюрьма. Как тебе такая версия? Не хочешь поработать вместо Сталакарро?

— Я хочу...

Стази не пришлось узнать, чего она хочет. Резко зазвенел звонок у входной двери.

— Наверно, господин убийца пожаловал, — равнодушно бросил Стази и встал. — Пойду, провожу его к новой госпоже.

— Ты ничего не воспринимаешь всерьез, — в словах Корри слышался явный упрек.

Он поправил галстук-бабочку.

— Я воспринимаю все намного серьезнее, чем ты думаешь. Прежде всего, потому что еще хочу пожить.

— Хоть бы они все друг друга поубивали.

Стази приложил палец к губам.

— Тс-с-с! Может быть, так оно и будет. Но пусть хотя бы подождут конца ужина. Он вышел и открыл дверь доктору Цигаглия.

— Добрый вечер, доктор, входите. Мадам ждет вас.

— Добрый вечер, мой дорогой. Она работает?

— Ну, еще бы! Но для вас выкроет время между двумя убийствами.

Высокий череп и огромные уши адвоката торчали над светлым плащом, который был надет поверх смокинга. На траурной ленте красноватый отсвет. Цигаглия снял плащ, он взял узенькую папочку и пошел за Стази на второй этаж.

Треск пишущей машинки Ирмелы заполнял коридор. Стази попытался постучать еще громче.

— Войдите, — проскрипела она.

Цигаглия понял с первого взгляда, что обстановку в спальне она не меняла. В салоне царил супербеспорядок. Ирмела восседала у пишущей машинки с большими грубыми клавишами, возраст которой доктор определил эдак лет на тридцать. Каждый удар по клавишам поднимал облачко пыли. На Ирмеле был китайский пеньюар с разноцветными драконами. В зубах она держала предлинную сигару, а когда вытащила ее изо рта, пепел упал за клавиши, переключаящие шрифты.

— О-о, мой добрый доктор, как я рада! Уже половина шестого. Когда работаешь, совсем не замечаешь, как летит время.

Цигаглия поцеловал ей руку.

— Надеюсь, мертвецы не мешают вам продвигаться вперед! Можно позавидовать вашей энергии.

— Вы думаете? Мне нужно раскрыть все тайны, прежде чем это сделает Сталакарро. — Она повернулась к Стази. — Когда он придет, пригласите его в бар и выпейте с ним чего-нибудь. Нам с господином Цигаглия надо обсудить наши дела. Но мы недолго.

Стази ретировался. Он обнаружил Корри в баре у кофеварки.

— Ну?

— Он болтает с мадам. Дела. Может, нам жалованье повысят.

— Повысят? Скорее озеро пересохнет!

— Ну, тогда, по крайней мере, Сталакарро сможет осмотреть взорванную лодку.

В дверь снова позвонили.

— Чудной дом. Стоит только упомянуть о человеке, а он уже звонит. Хороший человек, из-за него и мне перепадет стаканчик.

Они вместе вышли из бара, и Корри исчезла на кухне.

Сталакарро стоял у двери, худой и черный, как посланец преисподней.

— Добрый вечер, ла Верне, — кратко приветствовал он.

— Мое почтение. Вас ждет виски. Досточтимая госпожа, конечно, тоже.

— Очень любезно со стороны обоих.

— Она скоро спустится вниз, — объяснил Стази, пока они шли в бар. — Сейчас она там с доктором. — Войдя в бар, он предложил: — Пожалуйста, усаживайтесь. Что вам будет угодно?

— Мартини.

— С превеликим удовольствием.

Стази взял коктейль. Он элегантно опустил оливку в фужер с коктейлем и протянул его полковнику. Потом сделал виски и себе.

Сталакарро спросил:

— Собственно, где вы родились? Во Франции?

— Нет, — ответил ла Верне. — Моя фамилия — это последствие несчастной отмены указа Нанте. Мои предшественники не хотели иметь трудностей с солнечным королем. Они ушли на восток. Но ходить пешком они были не мастаки, поэтому дошли только до восточной Фрисландии. Я родился в Аурихе. Вы знаете Аурих? Нет? Вы ничего не потеряли. Пахнет рыбой и морской водой, а язык аборигенов невозможно понять. Кроме того, они невыносимо добропорядочны. На полдник пьют чай. Три чашки. По пятнадцать минут на чашку. Потом опять работают. Для меня загадка, как я там мог родиться?

За дверью послышался шорох. Ее осторожно открыли, и вошел доктор Цигаглия.

— Добрый вечер, дорогой! Чрезвычайно рад. Ах, налейте мне шерри, если можно.

Стази незаметно наблюдал за ним.

— Достопочтенная госпожа сейчас спустится к нам. Она довершает свой туалет. Спасибо, спасибо, голубчик. Большое спасибо. — Цигаглия взял из рук Стази стакан и отпивал из него небольшими глотками, как грызущая что-то белочка. — Превосходно! Это прибавит мне аппетита, хотя я уже и так голоден, но все равно — чудесно. Какой чудный вечер! Как же это трагично, что наши Норингены больше не могут им насладиться.

— Если позволите спросить, доктор, вы уже уладили все формальности? — спросил Сталакарро.

Цигаглия с восхищением разглядывал шерри.

— Самые основные — да. Остались только всякие мелочи. Очень мало времени. Я едва не забросил все дела моей практики.

Стази подлил ему вина.

— Зато такими делами вам не часто приходится заниматься.

— Действительно, не часто, — озабоченно сказал доктор. — Для меня все это слишком тяжело. Я всякое повидал в своей жизни, но такого еще никогда. — Он повернулся к Сталакарро. — Что-нибудь новенькое?

Сталакарро сложил руки на животе. Его голос звучал доверительнее, чем его общение.

— Вынужден признаться, что нет. Мы бродим в потемках. Как такса в норе в поисках правильного хода.

— Я не хочу ни в коем случае докучать вам, — осторожно проговорил адвокат. — Но я читал много газет. Пресса начинает волноваться. Три нераскрытых убийства за такое короткое время...

— Ко всему прочему могу еще добавить, что вряд ли мы досмотрели этот сериал до конца.

Доктор посмотрел на полковника с нескрываемым ужасом.

— Вы думаете, что еще кого-нибудь...

— Не очень-то доверяйте моим предчувствиям. Но для меня они единственное утешение. У меня есть пара версий — лучший выход, если не имеешь веских доказательств. Одна из версий предполагает, что должно произойти еще одно убийство.

Доктор в отчаянии ломал руки.

— Кого же должны убить, скажите, ради Бога! Лучше бы такое предчувствие не оправдалось.

— По мне, тоже. Это, как я уже сказал, одна из версий. Мы бы очень выиграли, если бы узнали, что сделал со своими деньгами господин фон Норинген.

Стази опять налил себе виски.

— По вашей версии, — вежливо поинтересовался он, — кто должен быть кандидатом на следующие похороны? Надо бы привести в порядок свои дела, правда, на это хватит и десяти минут, но тем не менее...

Сталакарро хотел ответить, но ему помешал тихий стук в дверь. Вошла Корри. Мужчины благосклонно разглядывали ее.

— О-о, фрейляйн Корри! — воскликнул Цигаглия. — Посидите с нами! Ваша красота поможет нам не думать о неприятном.

Она выглядела смущенной.

— Спасибо большое. Я только хотела узнать, не приказывала ли госпожа чего-нибудь насчет обеда.

— Она сказала, что вот-вот придет. Но я что-то не понимаю, почему она так долго лишает нас своего присутствия!

— Она не может оторваться от грандиозного убийства, — улыбнулся Стази. — Позови ее, Корри!

Сталакарро поднял голову и прислушался.

— Я не слышу машинки.

— Наверно, отсюда не слышно. — Адвокат почувствовал себя неуютно.

— Не кричи, пока не загорелось, — произнес Стази.

Корри молча вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Сталакарро вдруг спросил Стази:

— Вы останетесь в доме у госпожи Цирли?

— Пока да. Мы не хотим оставлять ее в беде. А она нас пока не увольняет.

Цигаглия ухмыльнулся.

— А вас и не уволят, дорогой мой.

— О-о, вы так уверены, доктор?

— Совершенно уверен. Между прочим, у меня для вас есть новость, радостная, насколько я могу судить.

— Для меня?

— Для вас и фрейляйн Корри. Но я бы подождал, пока госпожа не присоединится к нам.

Они увидели, что Сталакарро не отрывает глаз от двери. И Стази не сводил с нее глаз. Цигаглия тоже повернул голову.

В дверях стояла Корри. Ее губы были белы от страха.

— Она не отвечает, — проговорила она.

Сталакарро медленно поставил свой фужер на поднос.

— Куда вы звонили? — спросил он.

— В спальню.

— Откуда?

— Из соседней курительной комнаты.

— В каких комнатах наверху еще есть телефон?

— В спальне господина фон ... где раньше была его спальня.

Сталакарро встал.

— Господа, прошу вас не выходить отсюда, пока я не вернусь. И вы останьтесь здесь, фрейляйн Корри.

Сталакарро вышел. До него не доносилось ни звука из бара, пока он звонил в соседней комнате. На телефоне было шесть кнопок для внутренней связи. На четырех из них были надписи: "господин", "госпожа", "лодочная станция". Четвертая кнопка была для аппарата, с которого он звонил. Сталакарро знал, что есть еще один телефон в библиотеке. Они все до единого были связаны между собой, и с каждого из них можно было позвонить в город. Он снял трубку и нажал кнопку для связи с телефоном в спальне Ирмелы. Услышал гудки, но трубку не сняли. И никаких голосов.

Сталакарро подождал. Потом нажал на кнопку с надписью "господин".

Она могла пойти туда. Может быть, хотела что-то взять.

Никто не ответил.

Он еще раз нажал на первую кнопку. Очень хотелось услышать некрасивый голос Ирмелы. Но телефон молчал.

В вестибюле остро пахло луком. Сталакарро прошел через прихожую в кухню. Повариха повернулась к нему спиной.

— Здравствуйте, — поздоровался он.

Вздвогнув, она взмахнула руками и резко повернулась.

— О-о, здравствуйте. Извините, я думала, что это Корри. В этом доме постоянно чего-нибудь боишься и вздрагиваешь. Нет, я точно сюда больше не приду.

— Мадам приходила к вам?

— Мадам Цирли? Нет. Только Корри.

— Вот как? Спасибо. Посмотрю наверху.

Он исчез, прежде чем она успела что-нибудь сказать.

Сталакарро поднялся наверх. Увидел дверь в спальню Ирмелы и оказался перед ней быстрее, чем ему этого хотелось.

Пишущей машинки не слышно. Никто не отвечает на его стук. Он постучал еще раз, медленно и громко, а открывая дверь, с ужасающей ясностью представил себе картину, которая его ожидала.

Спальня была пуста. Сквозь открытую дверь в салон не доходило ни звука. Сталакарро остановился на пороге.

Ирмела Цирли сидела за своей машинкой.

Белый лист бумаги наполовину свисал из машинки. Руки обвисли по обеим сторонам тела. На ней был пеньюар с блестящими драконами. Голова откинута назад на спинку стула, но лицо казалось еще живым. Оно выражало последнюю безумную удовлетворенность, какой он никогда не видел у нее живой. Как будто в последние секунды на нее снизошло великое озарение, и как будто ей открылась загадка "Квадратной скалы". Глаза были широко открыты. Они выпирали сильнее, чем когда-либо. Сталакарро понял, почему: проволочная петля глубоко впилась в белую плоть шеи. Должно быть, ее смерть была быстрой.

Он подошел ближе. Его глаза замечали все мелочи. В комнате не было ничего особенного, кроме мертвой женщины. Он наклонился и внимательно рассмотрел последние строчки, напечатанные ею. Нет ли подсказки, кто же преступник?

"Как дела у Марселя?" — спросила Элен. "Спасибо, у него все хорошо, за исключением того, что он мертв".

Сталакарро выпрямился. Вот, что она говорила. Вот, что писала в последние секунды перед смертью. Он пощупал ее щеку. Тепло еще не ушло, но пульса не было.

Неподвижные глаза Ирмелы провожали его до двери. Я знаю больше тебя, говорили они.

Конечно, подумал Сталакарро. Она видела убийцу. И знала его. Она была не глупа. Ее холодный аналитический ум разгадал тайну.

Он пошел по коридору, потом вниз к входной двери. Махнул рукой кому-то в парке. Фельдфебель Хадик вышел из-за стволов деревьев. Кивком головы Сталакарро приказал ему следовать за ним.

Они пошли назад в дом.

— Госпожа Цирли в салоне, — тихо произнес Сталакарро. — Задушена провололочной петлей. Кто-нибудь выходил из дома или входил?

Хадик покачал головой.

— Цигаглия, ла Верне и девушка сидят в баре. Останьтесь здесь и наблюдайте за лестницей. Не пускайте никого ни наверх, ни вниз.

— Он, должно быть, еще в доме, — заметил Хадик.

Сталакарро кивнул. Показал на окно.

— Следите также за пространством перед домом!

Он пошел мимо Хадика на кухню, задержался там недолго. Хадик отчетливо слышал его голос и плаксивые ответы поварихи. Затем Сталакарро открыл дверь в бар.

Корри и Цигаглия сидели на своих местах.

Ла Верне стоял за стойкой и смешивал напиток.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против. Надо же нам чем-то перебить аппетит.

Сталакарро не обратил внимания на его слова. Он медленно переводил глаза с одного на другого.

— Что с госпожой Цирли? Что-нибудь не в порядке? — спросил дрожащим голосом Цигаглия.

Перед глазами Сталакарро стояли последние напечатанные ею строчки.

— Ничего, — ответил он. — Ничего, кроме того, что она мертва.

У Цигаглия побелели уши. Пальцы Корри впились в подбородок, но она не смогла подавить крик. Ла Верне громко стукнул бутылкой об стол бара.

— Вы над нами... — с трудом промямлил Цигаглия, — вы шутите над нами?

— Госпожа Цирли убита, — повторил Сталакарро. — В течение последнего получаса. Задушена провололочной петлей.

Из глаз девушки медленно потекли слезы. Адвокат замер. Стази снял руку с бутылки.

— Все-таки до обеда! — сказал он.

Сталакарро посмотрел на него.

— Совершенно верно. Полагаю, что у вас у всех теперь нет никакого аппетита. Я отменил обед. Вы останетесь здесь, в баре. В доме убийца. Вы знаете, что он ни перед чем не остановится. — Он ушел, прежде чем они успели сделать следующий вдох.

Хадик стоял на своем посту.

— Ничего и никого, — доложил он.

— Какие-нибудь звуки?

— Никаких, кроме тех, которые издаете вы.

— Нам придется все обыскать. Останьтесь в коридоре и следите во все глаза за лестницей, ведущей вниз. — Сталакарро вытащил из заднего кармана узкий пистолет. — Если выстрелю, бегите ко мне.

Хадик мрачно кивнул. В десятый раз он поправил пистолет в кобуре.

Сталакарро ходил из комнаты в комнату. Нигде никого. Бывшая спальня Норингена была заперта. Тихими шагами он вернулся к Хадиду.

— Спросите у горничной, где ключ от этой спальни, и принесите его сюда. Я подожду здесь.

Хадик исчез. Сталакарро стоял в полной тишине. Из кухни тоже не доносилось ни звука. Он не мог сдержать облегченного вздоха, когда на лестнице появилась фигура Хадика.

— Ключ там, у нее, — приглушенно сказал он. — Наверняка, где-нибудь в столе.

— Могли бы и сами догадаться.

Сталакарро указал на лестницу, и Хадик быстро пошел на свое старое место. Во второй раз Сталакарро входил в комнату убитой. И опять он увидел пишущую машинку, лист бумаги в ней, драконов на пенюаре и петлю вокруг шеи.

Он обернул палец носовым платком и осторожно вытащил один за другим ящики стола. Беспорядок царил и здесь. Бесчисленные заметки на клочках бумаги кучей валялись между украшениями и косметикой. Ключ нашелся в коробке, где лежали бигуди.

Комната, в которой прежде спал фон Норинген, была убрана и так чиста, что это вызывало какое-то неприятное чувство. Покои Ирмелы не выдерживали сравнения с ней, но этот порядок вызывал чувство покинутости и походил на порядок в склепе. Музей. Кровать не трогали, казалось, лет двадцать. На ночном столике стояла лампа с зеленым абажуром, под которым Адриан фон Норинген нашел книгу сказок в свадебную ночь и читал о вестниках смерти.

Больше Сталакарро ничего не нашел. Ванная и кабинет были пусты. В шкафу висели несколько костюмов. Спрятаться невозможно. Он открыл угловое окно и посмотрел наружу на каменную стену и карнизы. Везде пусто.

Подумав немного, закрыл его, понимая, что они ничего не найдут, и пошел вперед, к лестнице. Хадик появился напротив него на верхней ступеньке.

Сталакарро жестом указал на дверь каминной комнаты.

Воздух в комнате был тяжелый и спертый. Вентиляция по обеим сторонам камина давала мало свежего воздуха. Латы рыцаря угрожающе блестели. Сталакарро казалось, что из-под забрала за ними наблюдают неподвижные глаза. За рыцарем — пустое серое помещение. Хорошо, что Хадик рядом.

Вместе поднялись на чердак. Хадик остался в конце лестницы. Поиск длился долго. Все хорошо просматривалось. Очень мало старого скарба.

Ирмела еще не успела здесь похозяйничать, подумал Сталакарро.

Маленькая лесенка, ведущая к башенным часам, закрипела у него под ногами. Механизм равномерно тикал, будто готов был работать вечно.

Через минуту они снова были на первом этаже. Из бара доносились негромкие голоса. Повариха сидела на стуле в кухне и выглядывала невероятно оскорбленной. Сталакарро сказал ей несколько дружеских слов.

Бегло осмотрели каждое помещение. В мыслях Сталакарро был уже далеко впереди, рассчитывая свои действия на следующую четверть часа. Молча, он прошел по подвалу, в котором уже знал каждый уголок.

Хадик посмотрел на него.

— Что теперь?

— Теперь очень может быть, что я ошибаюсь.

Хадик прошел за ним в курительную комнату. Голоса смолкли.

— Подождите здесь. Пожалуй, вы мне не будете нужны.

Он прошел в дверь и закрыл ее за собой. Три пары глаз были устремлены на него. Никто не проронил ни слова.

— Я ничего не нашел, — сказал Сталакарро. — В доме нет посторонних. И поэтому, доктор Цигаглия, мне кажется, что вам придется пройти со мной.

Цигаглия наградил полковника бешеным взглядом. Лысина его покраснела, даже в уши вернулась кровь. Он вскочил с кресла. Корри со страхом посмотрела на него. Ла Верне же смотрел на него взглядом, полным любопытства и смеха одновременно.

— Что это значит? — пролаял адвокат. — Это чудовищно!

— Учитывая то, что вы еще не знаете, почему вам надо пойти со мной, вы реагируете слишком горячо. Когда же я объясню, вам все равно это покажется чудовищным. Сядьте!

Цигаглия постоял еще несколько мгновений, потом уперся руками в подлокотники кресла и медленно сел.

— Жду вашего объяснения.

— Сейчас, сейчас. Но прежде мне хотелось бы вам сказать, что побег был бы бессмысленным. За дверью стоит Хадик, а он редко промахивается.

— Насколько искусно стреляет этот господин, меня не интересует.

— Тем безопаснее для вас... Ла Верне, когда вы проводили доктора наверх, госпожа Цирли была еще жива?

— Очень даже, — вежливо ответил Стази.

— Куда вы пошли после этого?

— Сюда, в бар.

— Кто вас видел?

— Корри. Она была здесь.

— А второй раз вы не ходили на второй этаж?

— Нет, только к двери, чтобы впустить вас.

— А вы? — Сталакарро посмотрел на девушку.

— Я? Нет, нет. Я была только на кухне и в столовой.

— Мне кажется, господин Цигаглия, я ошибочно искал более сложных решений. Самое простое — оно и самое хорошее. Вы все время внушали мне мысль о каком-то жутком незнакомце. Сегодня вам не надо было это делать... Вы пошли с господином Ла Верне наверх. Деловая беседа. Кроме того, вы были приглашены на обед. Итак, вы говорили с госпожой Цирли, а потом задушили ее. Вы стояли за ее спиной, может быть, она читала вам какой-то документ, который вы же и подготовили. Больших усилий вам, конечно, не потребовалось. Проволочная петля не требует большого труда. Потом вы пришли к нам и сочиняли, что госпожа Цирли вот-вот спустится. Это было так просто.

Цигаглия расслабил руки.

— Слишком просто! Позвольте вопрос, прежде, чем мы продолжим. Я предполагаю, что в этом случае я совершил и остальные убийства. Совершать одно только это убийство совершенно бессмысленно.

— Вы совершили и остальные убийства, — угрожающе произнес Сталакарро. — И у вас были веские основания для этого. Вы составили завещание Норингенов, которое гарантировало вам и госпоже Цирли наследство, если умрут Норингены. Вы действовали с госпожой Цирли на пару...

— О-о, — иронически покачал головой Цигаглия. — О мертвых либо хорошо, либо ничего! Она не может теперь защитить себя.

— Этим она обязана только вам одному. Она была в заговоре с вами с самого начала. Сегодня она за это ответила. Один из вас убил леди Чистербир, один — Норингена, другой — его жену.

— Интересно. А как мы это сделали, позвольте вас спросить? Мне перечислить мою алиби?

— Ваши алиби, — почти весело продолжал Сталакарро, — ваши алиби мы разберем особо и поймем, как вы это сделали. Можете на нас положиться. Вас было двое. Голову даю на отсечение, что в каждом случае алиби имел только один из вас на время убийства в доме.

— Мне страшно за вашу голову.

— Страхитесь лучше за свою собственную. У вас и на сегодня есть алиби?

В первый раз Цигаглия опустил глаза.

— Нет, на сегодня у меня нет алиби. Госпожа Цирли была жива, когда я от нее ушел.

— Ну-ну. Была жива. А что вы с ней обсуждали? Ее завещание на случай ее смерти, не так ли? Кому же принадлежит дом теперь?

Цигаглия поднял голову.

— Он принадлежит госпоже Цирли.

Сталакарро смотрел на него почти сочувственно.

— А ваша половина? Завещается государству на нужды детей-сирот, да?

К всеобщему удивлению, адвокат улыбнулся.

— Мне не принадлежит ни одна половина. В день похорон госпожи Норинген Ирмела сообщила, что хочет переехать в этот дом и завершить здесь свой роман.

— Немного же она успела написать, — саркастически произнес Сталакарро.

— Вряд ли кто-либо скорбит более моего. Она предложила мне въехать в этот дом. Мой... э-э, опыт с этим домом заставил меня отказаться. Вместо этого я сделал ей другое предложение. — Сталакарро напряженно ждал. Стази тоже весь подался вперед. — Госпожа Цирли унаследовала состояние госпожи Норинген, четыреста тридцать тысяч франков. Пользуясь случаем, сообщаю вам, фрейляйн Натхолм, что вам завещано сто тысяч франков за то, что вы спасли жизнь госпоже Норинген. По той же причине вы, господин ла Верне, получаете двадцать пять тысяч франков. Деньги в вашем распоряжении. Простите, что я об этом говорю как бы между прочим, я бы с удовольствием облек это сообщение в более достойную форму. Но обстоятельства диктуют иное.

Стази посмотрел на девушку. Ее глаза были закрыты, руки дрожали.

— Дальше, — приказал Сталакарро.

Цигаглия соединил кончики пальцев, словно сидел в своем офисе.

— Я предложил госпоже Цирли уступить ей владение моей частью дома. Она согласилась.

— За какую цену? — спросил Сталакарро.

— Триста тысяч франков. Тем самым она не имеет претензий ко мне.

— Не имела, — поправил Сталакарро. — Насколько я вас знаю, вы, вне всякого сомнения, не упустили случая побеседовать о распоряжениях госпожи Цирли на случай ее внезапной смерти.

— На случай ее внезапной смерти условлено, что мне принадлежит право первого покупателя. Если же я не захочу купить дом и имение, то мне следует опекать это имение до его продажи.

Сталакарро обнажил зубы в язвительной улыбке.

— До продажи? А что должно было произойти с выручкой?

— На этот случай распоряжений еще не было.

— Естественно, — с глубокой иронией закивал Сталакарро. — Об этом распоряжений не было. А вы, естественно, не воспользовались бы правом первой покупки, потому что вам слишком противен этот дом.

— Госпожа Цирли сделала бы распоряжения и на этот счет. Никто не мог знать заранее, что она так быстро...

— Никто, кроме вас. — Сталакарро сделал шаг вперед. — Великолепно придумано, господин Цигаглия. Вы пишете текст завещания, по которому ваш друг назначает вас наследователем части имущества. То же самое делает Ада со своей подругой. Вы убираете с дороги супругов с помощью госпожи Цирли. Потом предлагаете уступить госпоже Цирли имение и закрепляете за собой право первоочередной покупки в случае ее смерти. Таким образом, вы становитесь сначала богаче на триста тысяч франков. А потом бы вы выкупили имение за сущие гроши. Безошибочный план! — он поднял голос. — И только сегодня вы допустили ошибку. Вам помешала жадность, больше не хотелось ждать. Вы подумали, что ни один человек не заподозрит вас в такой дерзости, чтобы задушить госпожу Цирли сразу после того, как вы заявили к ней. И думали, что после вас никто больше не пойдет к ней наверх. Вы дважды ошиблись.

Теперь Цигаглия сидел очень спокойно. И тяжело дышал.

— Сожалею, что приходится говорить об ошибке с вашей стороны, Сталакарро. Вы развили эту версию с достойной вниманием проницательностью, только... к сожалению, неверно. Я был у госпожи Цирли, чтобы вручить ей копию договора о покупке и поговорить о наших остальных договоренностях. Вы найдете документы наверху. Когда я уходил от госпожи Цирли, она была живее всех живых.

— Но сейчас она мертва. — Сталакарро наклонился и посмотрел Цигаглия в лицо. — Вы прекрасно осведомлены, что моего подозрения вполне достаточно, чтобы забрать вас. Позже у вас будет достаточно времени собрать факты для суда. А потом выяснится, кому же принадлежит тайный счет, на который Норинген перевел свои деньги за день до своей смерти, и который вы так неустанно разыскивали.

— Я не имею никакого отношения ни к его смерти, ни к этому счету.

— Знаю. Вы гоняетесь за призраком.

Сталакарро пошел к двери и распахнул ее. Вошел Хадик. Хмурым взглядом он обвел всех присутствующих.

— Доктор Цигаглия пойдет с нами, — сказал Сталакарро. — Подержите его в библиотеке, пока не придут наши люди. — Он повернулся к Стази и Корри. — Вы подождете здесь, пока мы не закончим наши дела. С виски будет веселее. Доктор, прощу вас.

Цигаглия встал. Он больше не улыбался, но попытался сделать это, обращаясь к Стази.

— Ах, ла Верне, у меня к вам просьба. Надеюсь, вы не откажете мне в помощи при этих печальных обстоятельствах. Вы понимаете, что я теперь опекун этого поместья. Некоторое время я не смогу выполнять свои обязанности, — он бросил иронический взгляд на Сталакарро, — хотя твердо надеюсь, что это не надолго. Вы согласитесь, если я уполномочу вас на это время исполнять мои обязанности?

Стази молча кивнул.

— Благодарю вас.

Стази тут же очутился возле Корри и обнял ее. Она покачнулась. Ее голова упала ему на грудь.

— Вдохни поглубже, — сказал он. — Это сейчас пройдет.

Ее слова звучали не громче дуновения ветра.

— Я больше не выдержу.

Стази улыбнулся. Он думал о чем-то другом, нехорошем, но при этом нежно гладил ее волосы.

— Все закончилось, Корри. Тебе не надо больше бояться. Давай-ка что-нибудь выпьем. Алкоголь многих погубил, но многих и взбудрил.

Она открыла глаза. Стази осторожно поставил ее на ноги.

— Я, должно быть, ужасно выгляжу.

— Ты очень хороша. И видно, что очень голодна. Неужели он не мог убить ее после обеда?

— Когда я думаю, что она хотела с нами обедать, а наверху...

— Есть люди, которым убийство разжигает аппетит. Коньяк?

Она кивнула. Рюмки медленно наполнились.

— Ты веришь в то, что сказал Сталакарро?

— Звучало дьявольски логично. Цигаглия хотел сорвать куш всей своей жизни и придумал очень хитроумный план... За ваше драгоценное здоровье!

Корри выпила коньяк. Закашлялась.

— Отравлен? — спросил Стази.

— Прекрати, наконец. Мне не до смеха.

— Мне тоже. Я только делаю вид, что шучу. Ты же знаешь.

— Налей мне еще рюмку.

Глаза ее следили за тем, как он наливал, но на самом деле мысли были очень далеко.

— О чем ты думаешь?

— О Цигаглия. Если все так, как говорит полковник, почему он убил ее сегодня? Почему не подождал? В других случаях он был очень осторожен, никогда не навлекал на себя подозрения — а сегодня, когда это явно бросается в глаза... Не понимаю.

— Ну да. Бывает, что что-то и помешает, при таком-то сценарии! Если работают вдвоем, то могут быть и разногласия. Может быть, она его торопила, шантажировала. Меня, так или иначе, очень удивляет, что он так быстро продал дом. Отговорка об убийствах просто смехотворна. Он же должен был знать, в чем тут дело. Но спешить — он всегда спешил — он начал уже в первую ночь!

— Как же он это сделал?

— Как? — Стази отхлебнул глоток виски и повертел фужер в руке. — Да, действительно, как? Если Сталакарро доберется до истины, то заслужит медаль. Духи Цигаглия и Цирли ошивались здесь все время. Я никак не могу отделаться от мысли, что к этому мирному дому есть тайный ход...

Корри содрогнулась и выпила коньяк.

— Как ты?

— Лучше.

— Прекрасно. Так как я, будучи мажордомом, распоряжаюсь и алкогольными напитками, нас невозможно назвать воришками.

Корри вновь пронзил страх, когда раздался звонок.

— Подмога Сталакарро, — усмехнулся Стази. — Все камеры на Ирмелу!

— Беденькая, — прошептала Корри.

— Беденькая? Когда подумаешь, что она отправила на тот свет парочку человек...

— И все равно, ее жаль. Может быть, это сделала вовсе не она.

— Не может быть. У нее были те же мотивы, что и у Цигаглия. И, кроме того, вся эта работа слишком велика для одного только исполнителя. — Он рас-

смеялся. — "Квадратная скала!" Мирная старость! Представляешь, сейчас они тащат ее ногами вперед!

— Я здесь не останусь, — вдруг произнесла Корри.

— Друг мой! Ты хочешь оставить меня одного? В этих мрачных стенах, где призраки убитых водят ночами свои хороводы? У тебя в твоём прекрасном теле нет сердца.

— Ты опять все превращаешь в шутку. А мне не до того. Я больше не хочу. Не хочу, чтобы меня убили. Как только полиция разрешит, я сбегу отсюда.

Стази посмотрел ей в глаза, медленно обошел стойку и приблизился к ней. Его руки обхватили ее за плечи и притянули к себе.

— Послушай, Корри. Я понимаю тебя. Давно удивляюсь, что ты не сбежала раньше. Другая бы исчезла уже после смерти Норингена. Но теперь все кончилось. И пара дней тебе ничего не даст. Мне ведь тоже хочется пожить без забот и не здесь.

— Давай уедем вместе, — предложила Корри.

— Мне еще никогда не предлагали ничего лучше. Но сейчас я обещал нашему адвокату изобразить здесь домоправителя, пока его не повесят. И поэтому я делаю тебе два других предложения.

— Два?

— Два. Во-первых: ты остаешься со мной, пока все не уладится, и я не смогу уехать.

— Это может продолжаться вечно!

— Ну, не вечно, но какое-то время может. Чтобы это время использовать с пользой, вот тебе второе мое предложение. — Он помедлил. Корри не отрывала от него взгляда. — Не догадываешься?

— Нет.

— Гм. Когда, наконец, соберешься с силами, то девочки ни о чем не догадываются. Ты сейчас познакомишься со всем моим бесстыдством. Как я только что узнал, уважаемая фрейляйн, ты разбогатела на сто тысяч франков. Тем самым стала очень выгодной партией. Но и я предстаю перед тобой не совсем без средств. Принимая во внимание мои двадцать пять тысяч, меня тоже можно назвать состоятельным. К тому же, я тебя люблю. Исходя из всех этих веских оснований, я хочу тебя спросить, не запланировано ли у тебя на следующее воскресенье через пятьдесят лет что-нибудь особенное?

Она сама не знала, возмущаться ей или смеяться.

— Опять начинаешь? Откуда же мне знать, что я...

— Я так и думал. — Стази с превосходством кивнул. — У тебя ничего особенного не запланировано. Поэтому я предлагаю в тот день отпраздновать нашу золотую свадьбу.

Она растерянно молчала.

— Вижу, тебе трудно мыслить в таких временных масштабах. Женщине отказано в таких способностях. Через семь дней мы поженимся. Торжество назначается чуточку быстро после захоронения нашей работодательницы, но, насколько я ее знал, она не принадлежала к людям, которые обижаются на такие вещи. — Он положил руки на плечи Корри. — Ну как, Корри, уедем отсюда мужем и женой?

Она ничего не ответила. И вдруг они поцеловались, и поцелуй длился так долго, как никогда прежде.

Величественно и плавно "бентли" поднимал и опускал свой нос. Стази все время отрывал глаза от дороги и поглядывал направо. Лицо Корри утопало в букете роз.

— Ты выглядишь, как юная герцогиня, — заметил Стази.

— Спасибо, лорд ла Верне. Но я бы предпочла, чтобы ты почаще смотрел на дорогу. Мне не хотелось бы в день моей свадьбы врезаться в дерево.

— Это было бы неплохое отклонение от обычной церемонии. Но машина и сама найдет дорогу домой.

— Ты расточитель! Мы бы спокойно обошлись и маленькой машиной.

— Я, госпожа ла Верне, придерживаюсь совершенно другого мнения. Если уж мне приходится управлять всем замком, то под моим началом находится и “бентли”. И если я женюсь в первый раз в моей жизни, то машина должна соответствовать. Трудные времена не заставляют себя ждать. Давай попользуемся моментом.

Они катались еще часа два, прежде чем Стази повернул на дорогу к “Квадратной скале”.

— Я признаю, что свадебное путешествие было коротковато, — сказал он, когда кирпичная стена появилась в зоне видимости. — Обещаю тебе более продолжительное путешествие. Даю слово!

Парк лежал перед ними, оглушенный жарой дня. Они въехали в гараж, потом медленно пошли по дорожке к дому.

Стази взял Корри за руку.

— Должен сказать, что, собственно, мне нечего обижаться на “Квадратную скалу”. Я хожу под деревьями, которые мне не принадлежат, живу во дворце, который мне не принадлежит, мне ничего не надо за это платить, получил деньги, на которые никогда не рассчитывал, сегодня женился на самой красивой девушке в мире, на что тоже никогда не рассчитывал — и все потому, что однажды случайно прочел в газете объявление. Невероятно.

— Но четыре человека мертвы...

— Знаю, любимая моя. Мы их не убивали. Одна из них была убийцей. Цигалия в тюрьме. Мертвые отмщены. Мы же не виноваты, что Сталакарро не поймал, кого надо, сразу после первого убийства.

Корри молчала. У двери Стази вытащил ключ.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Мне кое-что пришло в голову.

— И?

— Я скажу тебе позднее.

— Ладно. Слушать приятнее, если в руке держишь стаканчик.

В доме было прохладнее. Сгущались сумерки. Стази открыл дверь на террасу и окна в курительной комнате и в баре. Через несколько минут Корри вышла из кухни с подносом бутербродов в руках.

— И еще холодного пива и сочных груш. Был такой трудный день! Я виноват. Почему я женился в разгар лета?

— Вся неделя была сплошным испытанием. Сначала убийство, потом нескончаемые допросы, свадебная беготня, в промежутке похороны — мне предостаточно.

— Мне тоже. Хорошо, что нам не надо прямо сейчас крестить детей. Между прочим, о чем ты подумала в парке?

— О дате, — тихо проговорила Корри. — Сегодня девятнадцатое августа. Ровно пять недель назад женились Норингены. Пятнадцатого июня, в воскресенье.

— И правда!

— Он мне рассказал, как у них все началось. В их свадебную ночь, с книги и гробика. Знаю, что это глупо с моей стороны, но я подумала о том, что...

— Что и с нами так будет? Да?

— Не сердись на меня, Стази, но сегодня тоже воскресенье, и мы одни в доме.

Он выпил свою водку.

— Я не сержусь. Конечно, вполне естественно так думать. Но ситуация сейчас несколько иная. Ирмела спит в теплой земле Тессина. Доктор сидит в чистой камере. Кому есть теперь до нас дело? И прежде всего, почему бы?

— Я не знаю, — подавленно сказала она. — Может быть, у них был еще один подельник. А потом, если вообще это были не они? Если это был кто-то другой, кто не хочет, чтобы здесь вообще кто-нибудь жил?

Он наморщил лоб, слушая ее, но в следующий момент опять улыбнулся.

— Хорошо, дитя мое, можно и так думать, я согласен. Хотя это...притянуто за уши. Сталакarro долго блуждал в потемках. Только не теперь. Но предположим, что это действительно так. Мы живем здесь не постоянно. Дом так же мало принадлежит нам, как церковь святого Петра. Мы уйдем сами. Никому нет до нас дела.

Она встала и поцеловала его.

— Было глупо с моей стороны снова начинать говорить об этом. Прости меня. Здесь так много всего случилось, и просто невозможно себе представить, что вдруг все станет тихо и мирно.

— Все понятно, любимая. Если тебя это успокоит, я посмотрю в каждый уголок, прежде чем мы выключим свет. И, кроме того, никто из нас не будет спать сегодня в одиночестве. Кстати, тебе не хочется искупаться сейчас, ночью, в озере? Свет луны и теплые волны?

Она покачала головой.

— Если честно, Стази, завтра — с удовольствием. Сегодня у меня хватит сил только для того, чтобы искупаться в ванне.

— Ну, ладно. Будем плавать в ванне, от одной стенки оттолкнемся, потом от другой. Но сначала я обойду дом, а потом приду к тебе в ванную.

Они допили свои напитки. Стази взял сэндвич с подноса и, жуя его, ушел из бара. Корри унесла пустые бутылки на кухню. Когда она снова появилась в прихожей, Стази уже поднимался вверх из подвала.

— Внизу привидений нет. Посмотрю снаружи.

Стало темно. Парк тихо шелестел листвой. Стази закурил сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Потом медленно пошел вокруг парка, вдоль безмолвной кирпичной стены забора, пока не дошел до террасы. Он остановился и посмотрел вверх. Прямо над ним находились окна ваннных комнат. Он стоял почти невидимый, как одна из составных частей ночи. Вспышки сигареты освещали красным светом его лицо. Он докурил сигарету и растоптал окурки.

Над ним вспыхнул свет. Косой отсвет появился между кустами. Корри была в ванной.

Стази бесшумно прошел сквозь дверь террасы и тщательно закрыл дверь на задвижку. Прошел через вестибюль к коридору. Его глаза уже привыкли к темноте. Он запер входную дверь и оставил ключ в замочной скважине. На секунду ему пришлось закрыть глаза, когда он включил свет. Потом Стази быстро пошел вверх.

Со стороны ванной слышался плеск воды. Он вошел в свою комнату, разделся, натянул плавки и накинул купальный халат. На секунду остановился у дверей ванной, где по-прежнему весело и громко плескалась вода, и постучал.

Корри позвала его. Когда он вошел, Корри сидела в ванне, по шею погруженная в облако белой искрящейся пены.

— Ну, наконец, — сказала она.

Стази подошел к ванне.

— Залезай, — пригласила Корри, вот уже десять часов его жена. — Хватит места для двоих.

— Сначала надо проверить температуру.

Сквозь пену он видел лицо Корри, врезавшееся ему в память. Ему было ее немного жаль, но потом он подумал о стреле в груди Адриана фон Норингена, ее стреле... обеими руками схватил ее за щиколотки и рванул их вверх.

Голова Корри исчезла в благоухающей пене. Прошла целая вечность, прежде чем она замерла. Но он знал, что сердце ее все еще бьется, хотя тело уже не сопротивлялось, и руки обмякли. Ему пришлось применить всю свою силу, чтобы удержать ее под водой.

Ла Верне отворачивал голову, чтобы не видеть лица Корри, проступавшее сквозь расходящуюся и таящую пену. Он стоял не двигаясь много-много минут. Его мучило единственное желание: чтобы все это поскорее кончилось. Он начал это дело и должен довести его до конца, раз и навсегда.

Теперь Корри тихо лежала в зеленоватой воде. Ла Верне взял ее за руку и пощупал пульс. Его собственное сердце стучало так громко и быстро, что ему было трудно отличить удары пульсирующей крови в кончиках его пальцев от биения ее пульса. Но было ясно: она мертва.

Он медленно наклонился к цепочке на другом конце ванны и вытащил резиновую затычку. Вода, всхлипывая, быстро вытекала. Все больше выступало мертвое тело.

Ты это сделал, подумал он. А самое трудное еще впереди.

Стази тихо открыл дверь ванной. Ни звука. Он быстро вошел в комнату Корри. Ее одежда аккуратно висела на стуле. Она во всем была аккуратной. Во всем, что делала.

Стази начал торопливо искать в ее комодe и нашел то, что ему было нужно: купальник и купальную шапочку. Затем пошел обратно, закрывая за собой все двери. На мгновение помедлил перед ванной, и его зубы стиснулись. Наклонился и одним рывком поднял Корри. Из ванны чудесно пахло свежей хвоей.

Он осторожно положил ее на пол. Потом натянул на нее купальник, тщательно следя за тем, чтобы не зацепить за кожу. Его могла предать любая царапинка. Закончив с купальником, отжал ее волосы и натянул на голову купальную шапочку. Волосы были мокрые, но вряд ли это кого-либо удивит, когда ее через много дней вытащат из озера.

Он вновь повернулся к ванне и тщательно ополоснул ее. Полотенцем вытер резиновый коврик и кафель. И только теперь выключил свет и открыл окно из рифленого стекла. Потом он затянул пояс своего халата и наклонился. Начался последний этап. Он осторожно поднял тело Корри. Голова ее свисала, а ноги касались его бедра в такт его шагов.

Ступенька за ступенькой пробирался он вниз, осторожно прошел сквозь курительную комнату в бар, подошел к окну, которое находилось высоко над водой, опустил Корри на пол и широко открыл окно. Вода нежно булькала где-то внизу под ним.

Стази поднял мертвое тело девушки, на которой сегодня женился, продвинул его сквозь окно ногами вперед. Вокруг луны он видел обрывки облаков и подождал, пока на нее не нашло облачко поплотнее и не затуманило ее свет. Тогда и вытолкнул тело из окна.

Всплеск был не так громок, как он боялся. Стази высунулся из окна. Ему казалось, что он может различить водоворот и бледное беловатое пятно.

А если она не потонет? Что тогда? Она должна уйти под воду. Она ведь и в ванне была под водой. Утопленник тонет, и проходит много дней, прежде чем он всплывает.

Вдруг Стази почувствовал, как он изможден, и несколько раз глубоко вздохнул. Надо срочно что-нибудь выпить, подумал он и ощупью пошел к стойке.

Наверху, на конце полки, стояла лампа: пустая бутылка из-под виски с красным абажуром. Она давала немного света. Свет был опасен. С другой стороны, кто обратит внимание на то, что он пошел сюда, чтобы что-нибудь выпить? Ему придется объяснять и не такие вещи.

Стази взял бутылку коньяку и большой стакан, налил его до краев, выпил половину, оперся руками о барный стол и задумался.

Простая история: она хотела искупаться, пошла к озеру и не вернулась. Он пойдет ее искать. А потом позвонит полковнику Сталакарро. Позднее ее найдут, утонувшую, без признаков насилия. Трагедия в день свадьбы...

Фокус с ванной был удачным. Просто блеск.

Стази с облегчением допил стакан.

— На здоровье! — произнес сзади какой-то голос.

Это проклятое чувство: что-то было все-таки не так. Но что?

Стази медленно обернулся. В дверях стоял Сталакарро. Рядом с ним Хадик. Правую руку он держал под курткой, и Стази знал, зачем.

Сталакарро посмотрел ему в лицо. В глазах его не было ни ненависти, ни триумфа.

— Мои люди окружили дом и парк. Вы не будете делать глупости, ла Верне?

— Нет, — ответил Стази.

Позднее Сталакарро пожалеет об этом требовании.

Стази улыбнулся. Он медленно вышел на середину комнаты и остановился между стойкой и окном. Хадик включил верхний свет и остался стоять у двери.

Сталакарро пододвинул стул и сел. Его голос звучал спокойно, почти устало.

— Да, откуда начнем? История немного затянулась. Ну, хорошо.

— Я рад...

— Вопрос в том, с чего начать. Лучше всего так: жили-были два пожилых человека. Обдывали делишки всю свою жизнь. Захотелось на покой. Мирная старость, и все такое. У мужа были честные намерения. Он, действительно, хотел завязать. Но жена... Той все было мало. И она опять начала. В первую же брачную ночь...

Ла Верне внимательно слушал.

— Мне можно закурить?

Сталакарро кивнул.

— Можно. Можете даже руки засунуть в карманы. Я знаю, что у вас там нет ничего огнестрельного.

— В купальном халате — никогда, — ответил ла Верне, зажег сигарету и подумал, что эта сигарета может стать последней в его жизни.

— Я много размышлял, — продолжал Сталакарро. — Приходилось напрягаться, потому что целая вереница убийств — не лучшая реклама для полиции кантона.

Все было так невероятно и странно, что и решение должно было быть неординарным. Таинственный чужак — всегда жалкая версия. Нужна была другая.

Пять недель назад они отпраздновали свою свадьбу. Надо только себе представить, что они были одни в доме. Тогда становится совершенно понятно, что все эти чудеса устроил один из них. Обстоятельства скорее указывают на Аду, так как Адриан фон Норинген не входил в ванную комнату до тех пор, пока она не нашла куклу, угрожающую убийством. Только она сама и могла ее подвесить. Если предположить это, то остальное ясно: она пробралась в комнату Норингена, пока тот был в ванной, и положила книгу сказок с "Вестниками смерти" на ночной столик. Она решила на его убийство. Весь этот маскарад был нужен ей, чтобы угрозы некоего убийцы показались правдоподобными. По той же причине она начала действовать уже в первую брачную ночь — кто поверит, что жена в первую брачную ночь объявляет мужу о его скорой смерти? Пока Норинген заряжал свое ружье, Ада поставила гроб со скелетом перед дверью его спальни. После этого обыскивала вместе с ним дом. Как же ей, наверно, было весело шнырять по всему дому в поисках какого-то несуществующего разбойника. А после этого она нашла в своей ванной куклу с запиской, которую сама же и написала. Ее визг пробирал до мозга костей, и трещала голова. Норингена уже тогда чуть не хватил удар... Ада сама направила все подозрения на свою подругу, госпожу Цирли. Позднее она подобрала версию, что какие-то неблагоприятные обстоятельства хотят выжить их из дома. Все исключительно логично и последовательно. Вы следите за моими мыслями?

— Очень стараюсь.

— Похвально. После такого вступления Ада уже не хотела больше терять времени. Она приготовила виски с цианистым калием, но Норинген предпочел в тот вечер коньяк и избежал своей участи. Затем вдруг появилась несчастная леди Чистербир. Норинген дал ей виски, пока Ада была на кухне. Она уже не могла предотвратить то, что случилось: леди Чистербир выпила яд. Да и как Ада могла бы объяснить свои предостережения? Я всегда придерживался мнения, что леди Чистербир была убита по ошибке.

Стази погасил сигарету. Хадик не спускал с него глаз. Сталакарро продолжал:

— Я, правда, взвешивал возможность, что Норингены убили леди Чистербир, но какой мотив? Тут много не наскребешь. А если подозревать, что за всем этим стоит Ада, то самое время заняться ею. Немецкие службы дали нам материалы быстро — они в таких вещах очень основательны, к всеобщему удовольствию. И все-таки расследование отстало от событий. Действовать, не имея доказательств, трудно. Аде пришлось в голову подбросить змею. Такую бестию здесь можно поймать везде, а она была женщиной, которую этим не испугать. И опять попался не тот. Вряд ли можно предположить, что змею затащил в туалет для своего собственного удовольствия доктор Цигаглия. И опять же исполнителями этого фокуса могли быть только Норингены или госпожа Цирли. В тот же день я узнал у себя в полиции, что предшественник господина фон Норингена был убит. Я сказал об этом Норингену. Это произвело на него сильное впечатление. Мои подозрения усилились: Ада унаследовала от Джокастера кучу денег. Но это еще не все. Я много раз разговаривал по телефону с Германией. Беспрецедентные расходы. Супружество Ады с Джокастером было ее вторым браком. Перед этим она была замужем за господином Якобсоном. Фабрикант, очень состоятельный. Погиб на войне. Мне пришлось в голову идиотское подозрение, что Ада каким-то образом участвовала в убийстве Джокастера, хотя у нее было безупречное алиби, и что она теперь подобным образом хочет убрать господина Адриана.

Выяснилось, что эта мысль была не совсем идиотична. Произошло нечто, что и во сне не приснится. Я и о Норингене получил сведения. И он был уже дважды женат.

Его первая жена скончалась в 1935 году в Ганновере. Простуда, воспаление легких — конец. Совершенно банальная смерть. Норинген унаследовал тоже немалое состояние. В 1937 году он женился во второй раз. Госпожа Микаэлла Вали. Богатая вдова, швейцарка. Норинген переехал в Лицерн. Войну он пережил в Швейцарии. Вы знаете, что стало с Микаэллерой Вали?

Ла Верне молчал.

— А вам надо бы знать. Двенадцатого сентября 1959 года ее нашли мертвой. Утонула в своей ванне. Предположительно, сердечный приступ. Что вы на это скажете?

— Нахожу это достойным сожаления, — ответил Стази.

— И вот Адриан и Ада женятся семнадцатого июля 1962 года. Оба имеют значительные состояния. Кажется, что такое случается раз в столетие: первые супруги обоих умерли или погибли. Вторым супругам, вероятно, тем или иным способом помогли убраться на тот свет, каждому по-своему. Развилась страсть к получению наследства. Оставшиеся в живых теперь стояли лицом к лицу в новом браке. — Сталакарро глубоко затянулся. Некоторое время он глубокомысленно разглядывал кончик сигареты. — Я бы хотел предположить, к чести почившего господина Адриана, что он действительно имел намерение наслаждаться плодами своих трудов. У госпожи Ады не было такого намерения. Она немедленно начала действовать. О первой брачной ночи мы говорили. Ее первые два покушения пришлось не на тех, кому были предназначены. Она начала нервничать. У Адриана тоже были все основания волноваться. Тут друг Цигаглия подкинул идею нанять обслуживающий персонал и вызвался помочь. Но странным образом супруги отказались от помощи. Вы можете себе представить, почему?

— Не догадываюсь, — с привычной вежливостью ответил Стази. В его голове появились признаки беспокойства.

— Конечно, нет, — злорадно подтвердил Сталакарро. — Куда вам. Норингены сами хотели найти персонал. Попытки Ады не дали результата. Ей нужен был человек, который поддержал бы ее в дальнейших попытках. Господину Адриану, напротив, нужен был человек, который бы защитил его от них. Обоим нужны были самые надежные люди, которых только можно было найти. Люди, которые им уже помогали и помогли убрать господина Эдгара Джокастера и госпожу Микаэлли фон Норинген. Им нужны были их дети от первых браков.

Стази насмешливо улыбнулся. В его глазах затаился огонь. Рука Хадика потянулась еще глубже под куртку.

— Немцы, добрый народ, прислали мне и фотографию. На ней Норинген со своей второй женой и шофер. — Он поднес фотографию к глазам ла Верне. — Вы его знаете?

— Бегло знаком, — кратко ответил Стази.

— Этот шофер — вы. Очевидно, вы долго служили в этой семье. Но у Норингена были веские основания утаивать от своей жены ваше происхождение. — Сталакарро положил фотографию на стол. — С фрейлейн Натхольм мне повезло меньше. Фотографии не оказалось. А ведь молодые хорошенькие девушки так любят фотографироваться. Вы, Стази, очень ловко использовали полуправду. Норинген родом из Восточной Фрисландии. И его фамилия указывает на это. Вы родились в Аурихе, но вас зовут не ла Верне. Господин Анастасиус фон Норинген! И точно так же было и с Корри, которую вы только что убили. Ее зовут Кор-

рина Джакобсон, она была дочерью Ады от первого брака. И даю голову на отсечение, если не она пристрелила Эдгара Джокастера в его машине.

Стало так тихо, что слышно было дыхание всех трех мужчин.

— Джокастер никогда ее не видел, как мы можем предположить. Почему бы ему не подвезти молоденькую хорошенькую девушку? Если бы он знал, чем ему это грозит, он бы не остановился. Это всего лишь догадка, но по-другому тот случай объяснить невозможно: разбойное нападение на дороге. Ада в трауре. И через некоторое время подается объявление о поиске спутника жизни.

— Так это, должно быть, и было, — сказал Стази.

— Да. А дальше: ваш отец позвал вас на помощь. Ада встретила вас на вокзале, чтобы разнюхать, не можете ли вы быть опасным. Очевидно, она была довольна результатом. Горько же она заплатила за свою ошибку. Между тем она подготовила третье покушение — зарядила ружья в каминной комнате. Но господина Адриана вновь миновала судьба. При первой возможности он рассказал вам, что произошло. Он всегда изображал в беседах с вами господина и слугу, даже если вы были с ним наедине, из боязни быть подслушанным. Вы умный парень, Стази, вы очень быстро догадались, что к чему. Только сначала не могли предположить, что Корри играет здесь ту же роль, что и вы. Вы встретили ее на вокзале. По возвращении нашли новое письмо Ады с угрозами. Позже у Ады была возможность поговорить с Корри. Кому бы пришло в голову подозревать ее, если она была в доме всего лишь один день, и у нее не было никаких мотивов убивать своего господина? Она пошла наверх в каминную комнату и расстреляла господина Норингена из арбалета. В упор. Может быть, еще и рассказала ему трогательную историю, как сильно ее интересуют старые ружья. Он, видимо, не успел даже удивиться.

— И я, и вы, Анастасиус фон Норинген, — продолжал Сталакарро, — мы оба быстро прозрели, что убийцей в этом случае могла быть только Корри — если, конечно, мы отказываемся от версии с незнакомцем. Она была одна с Норингеном в доме. И ваш отец ведь рассказывал вам, что Эдгар Джокастер был убит. С этого момента у нас с вами был примерно одинаковый ход мыслей. Ада и Корри подозревали, кто их враг, и что им предстояло. Я твердо убежден, что владелец тайного счета в Цюрихе — вы. Ваш отец был очень озабочен и успел как раз вовремя передать вам деньги, чтобы уберечь их от Ады. Тогда бы она осталась с носом, даже в том случае, если следующее покушение было бы удачным.

Что это было за чувство, когда Цигаглия и Ада вошли в банк, а вы стояли на улице, зная, что от денег там ничего не осталось?

Стази улыбнулся. В нем что-то изменилось, как будто он принял какое-то решение.

— Благостное чувство.

Теперь улыбнулся Сталакарро.

— Вижу, вам нравятся мои выводы. Потом наступила ваша очередь. Вы хотели обеим отомстить за отца, быстро и безошибочно. Аде пришло в голову покаться по озеру с Корри, чтобы обсудить дальнейшие действия без возможных свидетелей. Вам это было очень на руку. Когда вы готовили лодку, то прикрепили к борту простую взрывную капсулу с часовым механизмом. Не очень оригинальный метод. Кроме того, вам не повезло вдвойне: ваше покушение провалилось, а наше подозрение легло на вас, хотя вы и разыграли из себя спасателя. Несмотря на это, судьба обеих дам была предрешена. Ночью, пока Хадик ходил по усадьбе, вы положили в его комнату записку с новой угрозой. На следующий день вы решились. Пошли к гаражу, вывели машину и побежали по дорожке назад, делая вид, будто хотели ей что-то показать. Вы ей и показали. Стилет.

Хадик заметил, что сигарета в руке Стази слегка дрогнула.

— Опять самое примитивное, и ни чужой, ни призрак, ни кто-либо из ада в отпуске. Только Ада и господин фон Норинген-младший одни в парке. — Сталакарро повернул голову назад.

— Он хорошо изобразил вам свой ужас?

Хадик пробормотал что-то невнятное.

— Должно быть, неплохо, настолько неплохо, что Хадик посчитал убийцей Ирмелу Цирли. Он уже и раньше так думал, а у меня было мало фактов, чтобы разубедить его. Но главное, что Корри тоже считала Ирмелу убийцей. Об этом надо было думать Ирмеле, когда она въезжала в дом, чтобы написать роман жизни. Корри потребовалось не более двух минут. Она побежала из столовой наверх, после того как доктор Цигаглия спустился. Повариха ничего не заметила. На этот раз у вас было алиби, потому что вас не видели наверху, но у Корри было неполное алиби, а у доктора его не было вовсе. Я никудышний актер, но старался изо всех сил сделать вид, будто считаю доктора Цигаглия участником заговора Ирмелы, а потом ее убийцей. Корри поверила в это. Вы, очевидно, тоже. Только не Цигаглия, и у него было на то основание. — Сигареты погасли. Дым медленно рассеивался. Сталакарро посмотрел на свои часы. — Время завершать историю. Вы, наверно, устали. До сих пор все шло по сценарию: Норинген, ваш отец мертв, но его миллион у вас в кармане, у Корри было сто тысяч, и, надо полагать, ее заботливая мама завещала ей еще больше. О малых доходах я даже не хочу упоминать. Теперь оставалось одно: жениться на Корри, убить ее, стать безутешным вдовцом, наследовать ее деньги и путешествовать дальше. А так как мама Корри начала действовать прямо в первую брачную ночь, то и вы не хотели ничего другого. Корри полюбила вас — это была ее единственная ошибка на "Квадратной скале". С момента ареста Цигаглия мы все время были здесь. Он не сердится на нас. Я ему быстро растолковал, почему ему надо сыграть роль убийцы. Мы наблюдали за домом днем и ночью. У меня было предчувствие, что вы не упустите свадебную ночь. Когда вы вышли из дома и направились к террасе, Хадик незаметно пробрался в дом. Он спрятался в подвале. Я стоял в парке, вы — на террасе. Хадик впустил меня, когда вы уже были в доме. Это против всяких законов. Мы ждали, что же случится, но опоздали. Корри утонула в ванне. Как и вторая жена вашего отца. Кто же убил Микаэллу? Вы или ваш отец?

— Это все еще важно?

— Не так, чтобы очень. Потом мы видели, как вы вынесли Корри сюда, в бар. Вы, наверно, очень испугали ее там, в ванной.

Стази кивнул. Лицо его было ужасным.

— Это был мой свадебный подарок.

Сталакарро посмотрел на него.

— Я знал не так уж много убийц. Вы — самый симпатичный. Симпатичный только потому, что не пытались тянуть время, не лгали. Быть может, вы бы и стали это делать, если бы не Корри и это окно. Две трети моей версии основаны на размышлениях, сопоставлениях, предположениях, основания для которых я нашел за письменным столом. Но и вы тоже сопоставляли и были правы. Доставьте мне удовольствие, прежде чем мы пойдем. Скажите, все было именно так, как я говорю?

Стази затянул пояс халата. Его лицо стало прежним: любезным, предупредительным и почти веселым.

— Так это и было. Мой отец вызвал меня, потому что боялся. То, что он нарвался на Аду с ее золотцем-доченькой, было его проклятием, жутким невезением. Я всегда считал глупостью свадебные объявления. Он хотел мирно провести остаток дней. Радовался, что история с Микаэллой прошла так гладко. Убивал ее он, если вам это

интересно, я только посоветовал, как. Когда я сюда приехал, я знал только одно — кто-то за ним охотится. Потом он рассказал мне о завещании. Я стал подозревать близких ему людей и наблюдал за Адой. У нее бы ничего не получилось. Но тут объявилась Корри, на которую я не рассчитывал. Когда Ада была убита, и вы допрашивали меня, тут только до меня начало доходить, кто мог застрелить его. А если это была Корри, то у нее мог быть только один мотив: она работает на Аду. Редчайший случай, чтобы столкнулись такие две команды!

— Редчайший случай.

— Можно рассчитать все, да чего-нибудь все равно не учесть.

— А деньги у вас?

— Да. Я говорил с моим отцом, и мы посчитали, что лучше перевести их на мое имя. Отдать их назад я мог бы в любое время.

— Вы благородное дитя.

— Я любил своего отца. Вы не можете отнять у меня того, что я любил его. Да, а потом мне бросилось в глаза, как самоотверженно Корри спасала Аду, когда они с лодкой пошли ко дну. И как, несмотря на покушение, никуда не хотела уезжать. Позже Корри хотела убедиться, что я считаю убийцей Ады Ирмелу. Она сомневалась, так ли это.

— Вы сказали, что так и думаете?

— Наполовину. Это утвердило ее в замысле. В конце концов, ей ведь тоже не хотелось убивать невинную, как это случилось с ее матерью. А потом, когда Ирмела была мертва, ей хотелось знать, верю ли я в то, что виноват Цигаглия. Конечно, я верил, изо всех сил верил. И она почувствовала уверенность в себе. Я мог уже просить ее невинной руки, — он посмотрел в сторону окна. — Я обещал ей долгое путешествие. Она его получила.

Сталакарро на мгновение задумался, потом кивнул головой.

Хадик вытащил из кармана наручники, они тихо звякнули.

Сталакарро встал.

— Пойдем!

— Пойдем! — просто ответил Стази фон Норинген.

Двумя огромными прыжками он бросился в левую сторону. Раздался треск ломающегося дерева и звон разбитого стекла. Прогремел выстрел Хадика. Пуля подтолкнула Стази в спину, а тело его летело, как таран, дальше сквозь окно. Сталакарро попытался поймать его, но промахнулся.

Он лишь услышал громкий всплеск.

С берега донеслись голоса. Два ярких прожектора обшаривали озеро, скрещивались и расходились вновь. По воде расходились темные круги. Вскоре она успокоилась, стала ровной и черной, как эбонитовое дерево.

Сталакарро стоял, уперев руки в подоконник.

— Вы попали?

— Думаю, да, — ответил Хадик.

— Я тоже. Теперь ему не надо бояться суда. А мы остались с носом, позорным носом. — Сталакарро, не двигаясь, смотрел на бегающие лучи прожекторов.

— Что с вами, полковник?

— Ничего. Вот только думаю об обоих. Вестники смерти. Сегодня они поженились. А теперь лежат там, на дне, рядом. Может быть, настолько близко, что их руки касаются друг друга.

Хадик смотрел через плечо полковника. В темной синеве дальнего берега жемчужной россыпью сияли огни.

Перевод с немецкого **Нелли БЕРЕЗИНОЙ.**